

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование Human. Culture. Education

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 1 (43) 2022

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Бархасанова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Русская христианская гуманитарная академия (Россия, Санкт-Петербург);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулоните Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государст-

венного университета имени Питирима Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме;

Лю Лэй, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тулчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Гуляева Сабина Тахировна, старший преподаватель кафедры информационных систем института точных наук и информационных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2022.

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elizaveta A. Barakhshanova, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Elena E. Brazgovskaia, Doctor of Philology, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Uliana A. Vinokurova, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Ziuzev, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Dalius Jonkus, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Larisa A. Korobeinikova, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of theory and history of culture of St.-Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist of the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House;

Liu Leyi, professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Liubov M. Mosolova, Ph. D. in Art history, Professor Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Lawrence T. Nichols, Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Thoe Scott, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Arno Survo, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Vera V. Survo, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Grigory L. Tulchinsky, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Iurii P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Klavdiia G. Erdyneeva, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikalian State University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Lubov V. Gudyreva, Candidate of Philology,
Head of the Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate, Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Sabina T. Gulyaeva, Senior lecturer of the Information Systems Department
of the Institute of Exact Sciences and Information Technologies
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, leading editor of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: *lrudenko@bk.ru*

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

От редакции: К юбилеям учреждений высшего образования в Республике Коми — 90-летию Коми государственного педагогического института и 50-летию Сыктывкарского государственного университета.....10

Бурлыкина М. И. Культурологические исследования в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина (к 50-летию со дня основания).....11

Мосолова Л. М., Бондарев А. В. Научно-образовательные топосы культурологии в культурном пространстве Северо-Запада России: Сыктывкарский университет.....35

Сапанжа О. С. Еще одна «Баядерка»: образы индийской храмовой танцовщицы в советской театральной культуре.....59

Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы реализации. Статья 1.....79

Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования.....101

Кубанова Т. А. Мифологические представления тунгусо-маньчжуров о происхождении человека.....114

Мартынов В. А. Культурология и постколониальные исследования. Статья 1.....126

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Обидина Ю. С. Отражение процесса становления имперской и христианской идентичности в педагогической программе Климента Александрийского.....149

ПЕДАГОГИКА

Золотарев О. В. Становление и развитие исторического образования в Коми государственном пединституте.....164

Шабалина С.А., Бородин Ю. П. Психолого-педагогическое сопровождение речевого развития младших школьников с синдромом Дауна в условиях общеобразовательной организации.....179

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Фадеева И. Е. Уроки метатекстуальности. Предисловие к книге А. П. Люсого «Цивилизация текстов: Текстологическая концепция русской культуры». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022 (в печати).....195

CONTENTS

CULTUROLOGY

From the editors: on the Occasion of Anniversaries of the Higher Educational Institutions in the Komi Republic - 90th Anniversary of Komi State Pedagogical Institute and 50th Anniversary of Syktyvkar State University.....	10
Burlykina M. I. Culture Studies in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (On the Occasion of its Semicentenary from the Date of its Foundation).....	11
Mosolova L. M., Bondarev A. B. Scientific and educational toposes of culturology in the North-West of Russia: the Syktyvkar University.....	35
Sapanzha O. S. Another "La Bayadère»: Images of an Indian Temple Dancer in Soviet Theatrical Culture.....	59
Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Historical Myth: Features of Genesis, Ways of «Materialization» and Ways of Realization. Article 1.....	79
Tulchinskii G. L. Humanitarian Expertise and Social Semiotics: Regional Dimension.....	101

Kubanova T. A. Mythological Representations of the Tungus-Manchus about the Origin of Man.....	114
Martynov V. A. Culturology and Postcolonial Studies. Article 1.....	126

PHILOSOPHY OF CULTURE

Obidina Yu. S. Reflection of the Formation Process of Imperial and Christian Identity in the Pedagogical Program of Clement of Alexandria.....	149
---	-----

PEDAGOGY

Zolotarev O. V. Formation and Development of Historical Education in the Komi State Pedagogical Institute.....	164

Shabalina S. A., Borodina Ju. Psychological and Pedagogical Support of Speech Development of Elementary School Pupils with Down Syndrome in Comprehensive Schools.....	179

WITH REFERENCE TO INEDITA

Fadeeva I. E. Lessons of Meta-Textualism. The Preface to the Book by A. P. Lyusy "Civilisation of Texts: Textual Concept of Russian Culture". Moscow; St. Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives, 2022.....	195
--	-----

От редакции

Настоящий номер посвящен юбилеям двух крупнейших вузов Республики Коми — 90-летию Коми государственного педагогического института и 50-летию Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Статьи к юбилеям включены в два раздела журнала.

В раздел «Культурология» — статьи ученых Сыктывкара и Санкт-Петербурга, посвященные культурологическим исследованиям в педагогическом институте и университете, основателям сыктывкарской культурологической школы, и статьи, написанные в русле ее проблематики:

Бурлыкина М. И. Культурологические исследования в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина (к 50-летию со дня основания); Мосолова Л. М., Бондарев А. В. Научно-образовательные топосы культурологии в культурном пространстве Северо-Запада России: Сыктывкарский университет; Сапанжа О. С. Еще одна «Баядерка»: образы индийской храмовой танцовщицы в советской театральной культуре; Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы реализации. Статья 1; Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования.

Авторы статей активно участвовали в культурологических проектах педагогического института и университета — в международных конференциях «Семиозис и культура», цикле лекций «Петербургские уроки», публиковали статьи в журнале, поддерживали сотрудничество в качестве председателей ГЭК и в подготовке аспирантов, являются членами редакционной коллегии журнала «Человек. Культура. Образование».

В раздел «Педагогика» включена статья О. В. Золотарева «Становление и развитие исторического образования в Коми государственном педагогическом институте».

Журнал публикует также не изданный ранее текст И. Е. Фадеевой «Уроки метатекстуальности», который готовился как предисловие к книге А. П. Люсого «Цивилизация текстов: Текстологическая концепция русской культуры».

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья / Original article

УДК 930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-11>

Культурологические исследования в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина (к 50-летию со дня основания)

Бурлыкина Майя Ивановна

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, mayya.burlykina@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены культурологические исследования Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина с момента его образования в 1972 г. и на протяжении 50 лет. Дана краткая история создания вуза, указана роль основателя и первого ректора В. А. Витязевой в формировании научных школ и направлений. Культурология в данном контексте представлена как наука о культуре, формирующаяся на стыке гуманитарных наук. Названы имена ведущих ученых университета, изучающих различные аспекты культуры.

Ключевые слова: В. А. Витязева, Коми пединститут, Сыктывкарский университет им. Питирима Сорокина, Институт культуры и искусства, культурология, научные школы

Для цитирования: Бурлыкина М. И. Культурологические исследования в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина (к 50-летию со дня основания) // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 11—34. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-11>

Culture Studies in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (On the Occasion of its Semicentenary from the Date of its Foundation)

Mayya I. Burlykina

Pitirim Sorokin Syktyvkar State, Syktyvkar, Russia, maya.burlykina@mail.ru

Abstract. *The article examines cultural studies of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University from the date of its foundation in 1972 and for the following 50 years. A brief history of the university creation is given. The role of its founder and first President V. A. Vityazeva in formation of scientific schools and directions is indicated. Culturology in this context is presented as a science of culture, which is formed at the junction of the Humanities. Names of the leading scientists of the university studying various aspects of culture are given.*

Keywords: *V. A. Vityazeva, Komi Pedagogical Institute, Syktyvkar University, Pitirim Sorokin, Institute of Culture and Fine Arts, Culture Studies, scientific schools.*

For citation: Burlykina M. I. Culture Studies in Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (On the Occasion of its Semicentenary from the Date of its Foundation). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 1:11—34 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-11>

Введение. Культурологические исследования в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина можно условно разделить на три этапа. Первый, начальный, — с момента создания вуза в 1972 г.; второй — с 2000 г., с открытием факультета искусств (позже — институт культуры и искусства), послужившего мощным толчком для развития исследований в области культуры; третий — с 2014 г., когда к Сыктывкарскому университету присоединился Коми пединститут со своей культурологической школой.

Основная часть. История создания в Сыктывкаре государственного университета витала в воздухе еще в 1920-е гг. Первый вуз в регионе был открыт в начале 1921 г. Основателем и первым

ректором Зырянского института народного образования являлся ученый энциклопедических знаний, один из первых культурологов региона, Алексей Семенович Сидоров (1892—1953) — лингвист, этнограф, археолог, фольклорист, литературовед, краевед, музеевед, первооткрыватель творчества коми поэта И. А. Куратова, в будущем доктор филологических наук. Для чтения лекций в создаваемый вуз были приглашены уроженцы Зырянского края (так условно называлась современная территория Республики Коми в дореволюционные и первые годы советской власти): профессор Санкт-Петербургского университета Питирим Сорокин, профессор Санкт-Петербургского психоневрологического института Каллистрат Жаков, профессор Московского университета Василий Нахимов, многие другие специалисты. Именно в недрах ЗИНО впервые возникла идея преобразования института в классический университет. В 1932 г. открыт Коми государственный педагогический институт, основной костяк которого составили преподаватели бывшего ЗИНО, в 1923/1924 учебном году преобразованного в педтехникум повышенного типа. В дальнейшем в местной прессе время от времени мелькали публикации о необходимости открытия университета. Первое научное обоснование было предпринято учеными Коми филиала АН СССР (с 1988 г. — Коми научный центр УрО РАН) В. А. Витязевой и А. С. Будриным в 1961 г. Однако Коми обком КПСС, курировавший основные направления развития региона, не поддержал тогда идею. Вторичное обращение В. А. Витязевой и ее коллег с новым развернутым научным обоснованием университета состоялось в 1966 г. В 1965—1987 гг. Республику Коми возглавлял И. П. Морозов, который заинтересованно отнесся к предложению, поддержал его и стал готовить материально-техническую базу для будущего вуза. 27 ноября 1970 г. вышло постановление Коми обкома КПСС и Совета министров Коми АССР «О мерах по подготовке к открытию государственного университета в г. Сыктывкаре», а 13 июля 1971 г. — постановление Центрального комитета ЦК КПСС об учреждении Сыктывкарского государственного университета. За ним последовали постановления министерств высшего и среднего специального образования союзного и российского уровней. 10 февраля 1972 г. издан приказ Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, определивший структуру Сыктывкарского университета. Эту дату принято считать днем рождения университета. А чуть раньше, 28 января 1972 г., ректором была на-

значена Валентина Александровна Витязева (1919—2010) — крупный ученый-северовед, доктор географических наук, заслуженный деятель науки и техники Коми АССР, председатель Коми отделения общества «Знание», председатель Коми отделения Географического общества СССР, заведующая отделом экономики Коми филиала АН СССР. В. А. Витязева возглавляла университет в течение 15 лет, в 1972—1987 гг., затем до 1990 г. заведовала кафедрой экономики советского Севера, после работала профессором-консультантом. В. А. Витязевой присвоены звания профессора (1973), заслуженного деятеля науки РСФСР (1979), почетного гражданина города Сыктывкара (1996), почетного доктора Санкт-Петербургского университета (1997), лауреата государственной премии Правительства Республики Коми (2001), почетного гражданина Республики Коми (2012, посмертно). Совместно с Коми научным центром проводятся Географические чтения имени В. А. Витязевой, ее именем названа улица в Сыктывкаре, а в холле СГУ установлен памятный бюст основателя и первого ректора университета.

В. А. Витязева определила вектор развития Сыктывкарского университета как центра науки, образования, культуры региона. Учебный процесс с самого начала строился на научной основе. В первый год в составе вуза действовало два факультета — историко-филологический и естественных наук, который в 1973 г. разделен на три — физико-математический, химико-биологический и экономический. В 1977 г. на основе историко-филологического факультета (первый декан Василий Павлович Золотарев) созданы исторический (Элеонора Анатольевна Савельева) и филологический (Анатолий Константинович Микушев). В 1996 г. от филологического отпочковался финно-угорский факультет (Анна Капитоновна Гагиева).

Несмотря на то что первоначально профессорско-преподавательский состав был совсем небольшой, В. А. Витязева сразу же поставила задачу организации научных исследований по всем основным направлениям. Если рассматривать культурологию как науку о культуре, формирующейся на стыке гуманитарных наук, то исследования в этой области стали проводиться с момента организации университета. Изучение различных аспектов культуры осуществлялось в области археографии, археологии, истории, лингвистики, литературоведения, фольклористики, этнографии и т. п. С первых лет стали проводиться научные конференции, издаваться сборники научных трудов, монографии. Студенты также были вовлечены

в научно-исследовательскую работу в процессе подготовки курсовых, затем дипломных проектов, во время фольклорных, лингвистических, археологических, археографических, этнографических учебно-научных экспедиций.

Широкую известность получили исследования филологов.

Научную школу по финно-угорскому литературоведению и фольклору возглавлял ученый с мировым именем, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии Коми АССР, д. ф. н. профессор А. К. Микушев (1926—1993). Анатолий Константинович стоял у истоков создания СГУ, где преподавал с 1972 г., заведовал кафедрой коми языка и литературы (коми и финно-угорской филологии), являлся автором около 500 работ, был членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, иностранным членом Финно-угорского общества (1974 г., Хельсинки), членом-корреспондентом Общества финской литературы (1985 г., Хельсинки). Вместе со своими коллегами профессор А. К. Микушев разрабатывал фундаментальную тему «Эпос народа коми». Исследования проводились не только на территории Республики Коми, но также за его пределами, в ареале проживания коми-зырян в европейской части и в Сибири. Разрабатывая подтему «Исторические контакты пермских народов с соседями», лингвисты исследовали связи угро-финских языков (ижемский диалект, контакты коми-пермяков и коми-зырян), литературоведы — финно-угро-самодийскими народами. В эпосе коми народа А. К. Микушев наблюдал элементы самодийского, угорского, пермского эпоса. Без глубокого анализа их разобрать было трудно. Эстетическая ценность состояла в том, чтобы раскрыть в переводе на русский и зарубежные языки их своеобразие. Результаты исследований коми ученых получили международный резонанс. В итоге разработки научной темы «Эпос народа коми», которой руководил профессор А. К. Микушев, на основе сбора и обработки фольклорного материала в московском издательстве «Наука» в 1987 г. опубликован фундаментальный труд «Коми народный эпос» [1]. В результате совместных исследований с Коми научным центром УрО РАН под руководством А. К. Микушева была проведена большая работа по изданию трехтомной монографии «История коми литературы» в 1979—1981 гг. [2].

Исследования по лингвистическим аспектам культуры финно-угорских народов возглавил д. ф. н., профессор Е. А. Игушев, работавший в Сыктывкарском университете в 1973—2003 гг. деканом

филологического факультета (1978—1985), заведующим кафедрой коми и финно-угорского языкознания (1992—1996). Евгений Александрович — отличник высшей школы СССР (1989), заслуженный работник Республики Коми (1996 г.), заслуженный профессор Сыктывкарского университета (2003 г.), лауреат премии Правительства Республики Коми (2003 г.). Он отлично владеет финно-угорскими языками, является членом Международного общества хунгарологов (1975 г., Будапешт), членом Финно-угорского общества (1993 г., Хельсинки), преподавал коми язык в Королевском университете г. Уппсала (Швеция). Е. А. Игушев под руководством А. К. Микушева выполнял раздел «Язык эпических памятников коми» в рамках научной темы «Эпос народа коми». Во время летних диалектологических практик (экспедиций) Евгений Александрович вместе со студентами собирал богатый диалектологический и фольклорный материал в коми населенных пунктах, а также в других регионах. В Тюменской области были обследованы говоры Ямало-Ненецкого автономного округа (села Аксарка, Ныда, Мужа, Питляр) и Ханты-Мансийского автономного округа (села Саранпауль, Казым, Няксимволь), Яркового района (село Старо-Александровка). Профессор А. К. Микушев высоко ценил своего коллегу. На заседании кафедры коми языка и литературы 16 мая 1985 г. он отметил: «...Игушев является одним из ведущих коми финно-угроведов. За время работы в СГУ он сформировался и как университетский преподаватель, и как научный исследователь. Им проведена значительная учебно-воспитательная и методическая работа на кафедре коми языка и литературы, разработан цикл основополагающих лингвистических дисциплин... Весьма высок и научный авторитет Е. А. Игушева. По научной теме им выполнен важный раздел, посвященный анализу языка эпических памятников» [3, с. 19]. Спустя почти десять лет, на очередном заседании кафедры коми и финно-угорского языкознания 19 декабря 1996 г., зав. кафедрой В. М. Лудыкова продолжила мысль профессора А. К. Микушева: «Профессор Игушев создает реноме нашему факультету, нашей республике в финно-угорском мире. Евгений Александрович очень плодотворно работает со студентами, дипломные работы студентов под его руководством всегда отличаются высоким уровнем исполнения» [3, с. 28]. Результаты лингвистических исследований Е. А. Игушева изданы во многих публикациях. Обобщая свои знания в области финно-угристики, он также успешно занимается исследованием культуры финно-угорских народов [4].

Выпускница кафедры, которой руководили профессора А. К. Микушев и Е. А. Игушев, В. М. Лудыкова стала крупным ученым в области финно-угорской лингвистики. Валентина Матвеевна — доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы России (2007 г.), лауреат премии Правительства Республики Коми в области образования (2004 г.) и в области науки (2010 г.). В. М. Лудыкова продолжила исследовательские проекты и руководство кафедрой коми и финно-угорского языкознания в 1996—2013 гг. (с 2008 г. — коми и финно-угорской филологии, затем финно-угорской филологии и национального образования). Ее научные интересы связаны с изучением культуры финно-угорских народов, истории коми литературного языка, теории текста, синтаксиса, сопоставлением коми и русского языков [5; 6].

Профессор В. А. Витязева, отзываясь о деятельности ученых финно-угроведов, отмечала: «Для Евгения Александровича Игушева характерна любовь к своей республике, к своему народу, своему языку. Мы пригласили его в университет, и он создал настоящую университетскую школу по подготовке специалистов по коми языку. Ему помогали преподаватели — Альбина Николаевна Карманова, Валентина Матвеевна Лудыкова и другие. Они первые создали учебные пособия, методические указания, учебники и инструкции — обеспечивали студентов учебно-методической литературой. Я всегда говорила: “Эта кафедра — изюминка в нашем университете”. Молодцы они, молодцы! И вообще филологи — коми и русские — это гордость нашего университета» [3, с. 58].

Сыктывкарский университет стал одним из центров изучения научной темы «Человек и природа в художественной литературе», созданном благодаря исследованиям под руководством кандидата, а с 1992 г. доктора филологических наук Т. Я. Гринфельд-Зингурс (1927—2018), работавшей в СГУ в 1976—1994 гг. доцентом, профессором, зав. кафедрой русской литературы. До приезда в Сыктывкар Таисия Яковлевна, выпускница Ленинградского университета, преподавала в родном вузе, с 1969 г. заведовала кафедрой русской литературы.

В соответствии с договором о сотрудничестве между ЛГУ и СГУ, подписанном 1 июня 1972 г., Ленинградский университет курировал деятельность Сыктывкарского университета на начальном этапе его развития, сыграл огромную роль в формировании кадровой политики, подготовке высококвалифицированных специалистов. В

Сыктывкар приезжали известные ученые для чтения курса лекций или на более длительный период. В их числе была Т. Я. Гринфельд-Зингурс, которая привлекла молодых преподавателей к серьезным научным исследованиям. На Ученом совете СГУ в январе 1978 г. отмечалось: «Актуальность проблемы “Человек и природа” очевидна в социальном, классовом, экономическом и других аспектах. Проявляется реальная возможность связать исследования с учебным процессом, поскольку важен экологический аспект воспитательной работы. В рамках данной проблемы возможны контакты с другими кафедрами» [7, с. 117]. В мае 1978 г. состоялась межвузовская конференция «Человек и природа в советской литературе» с участием представителей различных вузов страны, Союза журналистов СССР, Института русской литературы (Пушкинского Дома), Коми филиала АН СССР. Эта конференция оказалась первой в отечественном литературоведении, объединившей филологов по данной теме. Под научным редактированием Т. Я. Гринфельд-Зингурс изданы сборники трудов «Цвет и свет в художественном произведении» (1990 г.), «Чувство природы” в русской литературе» (1995 г.), др. [8; 9]. К 90-летию Таисии Яковлевны ее ученики издали сборник трудов [10].

Под руководством или при активном участии Т. Я. Гринфельд-Зингурс подготовлены кандидатские и докторские диссертации. Одна из ее учениц, Л. В. Гурленова, подготовила монографию «Чувство природы в русской прозе 1920—1930-х годов» [11], ставшей основой докторской диссертации на одноименную тему (1999 г.). В своих исследованиях Л. В. Гурленова отмечает, что истолкование природы и отношения к ней человека развивается по нескольким узловым аспектам: идеологическому, в границах которого столкнулись в целом два виденья исторического пути России: на основе патриархальной идеологии, которая осознавалась как национально-самобытная и обладающая универсальностью, и технократической, ориентированной на кардинальное обновление духовных ценностей; философскому, на уровне которого природа истолковывалась или «органически» (В. Вернадский) как уникальная целостность, составной частью которой является человек, или — механицистски, то есть как единение независимых элементов, человек противопоставлялся природе как субъект объекту; социальному: в нем задачей общества виделось или лучшее приспособление его к естественной среде для улучшения условий жизни, или — замена ее «второй» природой, под которой подразумевалось создание новой, удобной для

человека среды обитания; этическому: он выводил обсуждение вопроса отношений человека к природе к проблеме идеала человеческой личности, способной гармонизировать мир и придать ему перспективу; эстетическому: писатели защищали эстетику «природного», признавая природу источником представлений человека о прекрасном, — или эстетику «железа», обнаруживая прекрасное в индустриальном пейзаже, шире — во «второй» природе; кроме того, активность мировоззренческих аспектов осмысления природы обострила внимание к эстетической ценности пейзажей и образов природы в значительном пласте художественных произведений.

Широкую известность и высокую оценку специалистов получили археографические исследования ученых Сыктывкарского университета. В 1988 г. при активной поддержке академика Дмитрия Лихачева (Пушкинский Дом) создана научно-исследовательская лаборатория «Филолого-археографические исследования по истории культуры народов Севера», которую возглавила Т. Ф. Волкова — кандидат, позднее доктор филологических наук. Тогда же было положено начало созданию первого в Коми республике Музея книги при отделе редкой книги Научной библиотеки. В сентябре 1989 г. музей был открыт для публики, оформлен по оригинальному проекту. Уникальный фонд усть-цилемских рукописных и старопечатных книг в СГУ составлял 376 единиц хранения.

Исследования Татьяны Федоровны первоначально были связаны с изучением особенностей литературного развития Московской Руси второй половины XVI в. Ее докторская диссертация, успешно защищенная в 2012 г., освещала более поздний период — XVIII—XX вв.

Как отмечает Т. Ф. Волкова, район Нижней Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми, охватывающий деревни по берегам Печоры и ее притоков — Пижмы, Цильмы, Нерицы) по праву считается одним из самых ярких и литературно значимых книжных центров старообрядчества. Старообрядческое население этих сел в течение XVIII—XIX вв. создало свою школу кириллического письма, сформировало разнообразный по жанрам фонд средневековых и старообрядческих литературных и публицистических сочинений в рамках семейных крестьянских рукописных собраний. Книги из семейных «библиотек» передавались из поколения в поколение, мигрировали по всему району и оседали у наиболее активных читателей и ценителей старинной книги. В составе печорских крестьянских «библиотек» старинные рукописные сборники соседствова-

ли с рукописями XIX — начала XX в. — продукцией местных писцов. Некоторые из них стали не просто переписчиками средневековых произведений, но и их редакторами, а порой и соавторами древнерусских писателей. Остатки некогда живой, подвижной народной «библиотеки» сохранились у современных печорских крестьян и благодаря работе археографов составили несколько собраний в государственных хранилищах Санкт-Петербурга (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Библиотека Российской академии наук, Научная библиотека Санкт-Петербургского университета) и Сыктывкара (Научная библиотека Сыктывкарского университета, Национальный музей Республики Коми). Эта особенность печорской рукописно-книжной традиции — соединение в ней старинных рукописных сборников XVI—XVIII вв. и многочисленных рукописей, созданных в XIX—XX вв. местными писцами из числа усть-цилемских крестьян, — ставит перед современным исследователем три важные проблемы. Во-первых, это проблема особенностей книжно-литературной продукции в конкретном географическом пространстве как часть общей проблемы «центр — провинция». Во-вторых, это проблема восприятия средневековой русской литературы демократическим читателем Нового времени и ее функционирования в среде крестьян-старообрядцев Усть-Цилемского края XIX—XX вв. В-третьих, это проблема традиции русской средневековой литературы в рукописном творчестве крестьян-старообрядцев и трансформации средневековых литературных форм и идей под пером местных книжников.

Т. Ф. Волкова обобщила свои исследования в монографиях «Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян: печорские редакции средневековых повестей» [12], «Сюжет и вымысел в историческом повествовании Древней Руси XI—XVI веков» [13], «Анализ художественной прозы» [14], др.

Сбор старинных книг учеными СГУ осуществлялся в экспедициях задолго до создания лаборатории и музея книги. Из каждой поездки студенты и преподаватели привозили ценные находки, которые позднее становились объектом изучения участников экспедиции.

Археограф и фольклорист Андрей Николаевич Власов, выпускник Сыктывкарского университета, свою дипломную работу «Становление художественного метода М. Пришвина (на материале ранних очерков)» написал под руководством Т. Я. Гринфельд-Зингурс в

1981 г. Однако в дальнейшем изменил свои научные интересы. После окончания аспирантуры в Ленинградском университете кандидатскую диссертацию в 1985 г. защитил на тему «Проблемы изучения книжной и литературной традиции Великого Устюга и Сольвычегодска XVI—XVII вв.». Докторская диссертация стала продолжением исследований по избранной проблематике — «Устюжская литературная традиция: генезис и эволюция повествовательных форм XVI—XVII вв.» (1995 г.). А. Н. Власов после окончания аспирантуры ЛГУ в 1985—2001 гг. работал на кафедре русской литературы СГУ, стал одним из организаторов и руководителей проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований, организатором и зав. кафедрой фольклора и истории книги (с 1996 г.). С 2001 г. Андрей Николаевич проживает в Санкт-Петербурге, с 2009 г. возглавляет Отдел русского фольклора Пушкинского Дома и по-прежнему активно сотрудничает с Сыктывкарским университетом в области литературных традиций XVI—XIX вв., проблем генезиса и развития повествовательных форм [15, с. 37].

Свои археографические научные изыскания выпускник Сыктывкарского университета (1980 г.) и аспирантуры Ленинградского университета (1987 г.), заслуженный работник Республики Коми (2021 г.) Михаил Васильевич Мелихов посвятил воинским повестям. По этой теме им защищены кандидатская диссертация «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. и традиции русского историко-беллетристического повествования XV—XVI вв.» [16] и докторская — «Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV—XVIII вв.» [17]. Воинские повести автором рассматриваются как самостоятельная разновидность историко-беллетристического повествования, со своеобразной композицией, сюжетным построением, системой образов; выявляются их литературные источники (как русские, так и иностранные); проводятся типологические параллели с более ранними и более поздними произведениями (в том числе и зарубежных литератур — «Троянских сказаний» и сербской «Александрии»), с материалами скандинавских саг, с фольклорными текстами. Это позволило М. В. Мелихову понять систему персонажей и основные принципы организации фабульного материала, уяснить способы выражения авторской позиции и национальную специфику древнерусского историко-беллетристического повествования. В качестве ли-

тературного «фона» Михаил Васильевич привлекал ряд исторических сочинений древности (исторические книги Библии, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, хроники Льва Диакона, Дуки, Франдзи и др.), за счет чего устанавливал степень достоверности русских воинских повестей в отражении ими фактов реальной действительности и основные принципы работы древнерусских авторов с источниками, а также некоторые типологические особенности историзма средневековой русской литературы.

В 2005 г. профессор М. В. Мелихов опубликовал монографию «Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов. Видения, письма, записки» [18]. Степан Афиногенович Носов (1902—1981) был не только хранителем книжного собрания, но и автором оригинальных произведений — видений. В конце 1970-х гг. у С. А. Носова неоднократно бывали члены археографических экспедиций СГУ, а после его смерти А. Н. Власовым и Е. А. Порошкиной удалось получить от друга и единовеца С. А. Носова Ефима Ивановича Осташова (д. Медвежка, Средняя Печора) 106 писем. Они были в основном религиозного содержания, однако в них также содержались разнообразные сведения о быте, нравах, духовной жизни северного крестьянина 1920—1970-х гг.

Основатель научной школы, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Научная школа Н. И. Кареева по новистике», д. и. н., профессор Василий Павлович Золотарев работает в Сыктывкарском университете с момента его основания в 1972 г. Его имя широко известно в научном мире. Исследования Василия Павловича и его учеников, многие из которых защитили кандидатские диссертации, связаны с вопросами новой истории, историографии и общественной мысли стран Западной Европы и Америки, педагогикой и методикой преподавания истории, а также с изучением научного наследия профессора Николая Ивановича Кареева (1850—1931) — историка и социолога, педагога, доктора наук (1884 г.), члена-корреспондента Санкт-Петербургской академии наук (1910 г.), почетного члена АН СССР (1929 г.). В. П. Золотарев является автором исследований «Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция» [19], «Н. И. Кареев: прожитое и пережитое» [20] и других, в которых также рассматривается концепция культуры Н. И. Кареева. Василий Павлович за свои исследовательские труды награжден орденом Петра Великого «Небываемое бывает», золотой медалью «За новаторскую работу в области выс-

шего образования», медалями за научные достижения имени Вильгельма Лейбница, имени Василия Ключевского, почетными званиями заслуженного работника Республики Коми, почетного работника высшего профессионального образования России, заслуженного профессора Сыктывкарского университета.

Одним из культурологических направлений в научной деятельности Сыктывкарского университета является музеология (музееведение), включающая изучение истории и теории музейного дела. В созданном в 1982 г. Музее истории просвещения Коми края (до 1992 г. — Музей истории СГУ) реализуются различные выставочные проекты (тематические, персонифицированные, художественные), подготовленные в результате тщательной научной проработки: выявления, подбора, изучения и систематизации источников, создания научной и художественной концепции экспозиции. Богатые коллекции музея позволили с 1995 г. публиковать научные каталоги личных фондов ведущих ученых страны (более 30 наименований), с 2006 г. — монографии об известных деятелях науки, культуры, образования (свыше 10 книг). Кроме того, с 1989 г. музей стал базой проведения всероссийских научных конференций с международным участием по проблеме «История вузовских музеев страны». За этот период организовано более десяти конференций на темы «Музей и личность», «Музей и наука», «Музей и общество», «Музей и студент» и др., опубликованы сборники научных трудов. Директор музея М. И. Бурлыкина защитила кандидатскую, затем докторскую диссертации по истории музейного дела, стала доктором культурологии (2001 г.), профессором (2008 г.), автором обобщающих исследований об истории вузовских, в том числе университетских музеев России [21; 22], истории музейного дела Московского университета им. М. В. Ломоносова за 260 лет его существования [23].

В 2000 г. в Сыктывкарском университете создан факультет искусств, ставший одним из первых подобных в стране. К примеру, в МГУ им. М. В. Ломоносова факультет искусств был открыт в 2001 г., а в Санкт-Петербургском государственном университете — в 2010 г.

Если указанные выше исследования получили развитие с первых лет создания университета, то в связи с созданием факультета искусств появились научные разработки в области дизайна, народной художественной культуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства и т. п. 1 июля 2014 г. на базе факультета искусств был создан институт культуры и искусства. В связи с приня-

тым 14 февраля 2013 г. решением о присоединении к Сыктывкарскому университету Коми пединститута кафедра культурологии и педагогической антропологии КГПИ включена в структуру института культуры и искусства. Таким образом, в институте культуры и искусства с 1 июля 2014 г. действовали следующие кафедры: кафедра культурологии и педагогической антропологии, кафедра дизайна, кафедра декоративно-прикладного искусства, кафедра изобразительного искусства.

Первым деканом факультета искусств, а затем директором института культуры и искусства на протяжении 20 лет была д. ф. н., профессор Л. В. Гурленова, почетный работник высшего профессионального образования России (2005 г.), заслуженный работник высшей школы России (2012 г.). Благодаря Людмиле Викторовне и ее коллегам деятельность этих структур приобрела международное признание.

Альянс ученых Коми пединститута и Сыктывкарского университета послужил активизации культурологических исследований. Еще в 1992 г. в СГУ была организована кафедра теории и истории мировой и отечественной культуры (зав. — доцент Владимир Петрович Ефименко), которая в 1998 г. объединилась с кафедрой философии и стала называться кафедрой философии и культурологии (зав. — доцент Юрий Геннадиевич Козырев). В КГПИ кафедра культурологии организована в 1997 г., в 2013 г. преобразована в кафедру культурологии и педагогической антропологии. После перевода в Сыктывкарский университет кафедра сохранила свое название. К ней присоединилась культурологическая часть кафедры философии и культурологии, которая теперь именуется кафедрой философии и социально-политических наук.

Основателем и первой заведующей кафедрой культурологии и педагогической антропологии с 1997 г. являлась И. Е. Фадеева, с 2017 г. руководил кафедрой В. А. Сулимов, с 2020 г. — Л. В. Гурленова.

Крупный специалист в области философии, теории и истории культуры, теории текста, семиотики, герменевтики Ирина Евгеньевна Фадеева (1952—2017) была доктором культурологии (2004), профессором (2012), почетным работником высшего профессионального образования России (2005 г.), заслуженным профессором СГУ им. Питирима Сорокина (2017 г.). Ирина Евгеньевна являлась организатором и руководителем направления подготовки бакалавров, магистров, аспирантов по направлениям «Культуро-

логия» и «Культурологическое образование», инициатором создания и главным редактором научного журнала «Человек. Культура. Образование» (с 2017 г. в списке ВАК России). И. Е. Фадеева также возглавляла созданное по ее инициативе Сыктывкарское культурологическое общество (филиал Научно-образовательного культурологического общества России) [15, с. 207].

Коллега и соавтор Ирины Евгеньевны Владимир Александрович Сулимов (1952—2018) в 1993—1996 гг. преподавал в СГУ на кафедре русского языка, после некоторое время работал в Министерстве образования Республики Коми, затем вернулся к научно-педагогической деятельности, трудился на кафедре культурологии и педантропологии КГПИ, в 2011 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора культурологии. Профессор В. А. Сулимов был членом президиума Культурологического общества России, основателем и руководителем научного и образовательного направления «Педагогическая антропология» и научной лаборатории социокультурных исследований Севера (ЛСИС), одним из основателей и с 2017 г. редактором научного журнала «Человек. Культура. Образование». И. Е. Фадеева и В. А. Сулимов являются авторами совместных монографий «Семиозис: антропология субъективности» [24], «Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма» [25], «Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации» [26] и других работ. По инициативе профессора В. А. Сулимова в СГУ был реализован проект «Петербургские уроки» — серия академических лекций и свободных бесед с аудиторией ведущих ученых Санкт-Петербурга по актуальным проблемам современного гуманитарного знания. Первая лекция состоялась 13 октября 2017 г. о динамике современного музейного пространства, его влиянии на просвещение и образование. Докладчиком выступила доктор культурологии, известный в России специалист в области музейных систем Ольга Сергеевна Сапанжа. 20 октября состоялась встреча с Ольгой Даутовой, доктором педагогических наук, заведующей лабораторией методологии и мониторинга качества педагогического образования Института педагогического образования и образования взрослых Российской академии образования. Она рассказала о компетентностном подходе в образовании, о возможностях и рисках, которые он создает. 24 ноября 2017 г. прошла третья, завершающая лекция из цикла «Петербургские уроки». Финальную лекцию «Современная динамика культуры: центр и регионы» представил

вниманию слушателей доктор философских наук, профессор Высшей школы экономики Григорий Тульчинский (Санкт-Петербург). 1 марта 2018 г. по инициативе В. А. Сулимова в СГУ стартовал цикл академических лекций и свободных бесед с аудиторией ведущих ученых Москвы по актуальным проблемам современного гуманитарного и педагогического знания «Московские встречи». Цикл продолжал идею «Петербургских уроков». Первым лектором стала профессор Московского государственного лингвистического университета (Институт имени Мориса Тореза) Ирина Малыгина. Свою лекцию она посвятила теме «Современные тенденции формирования российской идентичности». 24 марта прошла вторая встреча из цикла академических лекций от ведущих ученых Москвы. Лектором выступила доктор философских наук, профессор Ольга Астафьева. Темой лекции стала «Региональная культурная среда: состояние, перспективы, модернизации, технологии и поиски смысла в социокультурных изменениях».

Среди других преподавателей кафедры — доктор философских наук (2009 г.), профессор Виктор Викторович Муравьев, в 1974—2008 гг. работавший в СГУ, затем в 2008—2014 гг. — в КГПИ. Его научные интересы связаны с изучением религии и проблем народонаселения, историей и теорией культуры [27]. Доктор философских наук (2004 г.), профессор Николай Федосеевич Зюзев является специалистом в области философии и социологии. В 1995—2011 гг. он преподавал на кафедре философии, социологии и политологии КГПИ, в 2006—2009 гг. — на кафедре философии, социологии и политологии УГТУ (с 2008 г. — зав. кафедрой); в 2010—2011 гг. — на кафедре философии и культурологии СГУ. В 2005—2006 гг. Н. Ф. Зюзев проходил стажировку в Гарвардском университете (США), в 2012—2015 гг. преподавал в Масси колледж (Университет Торонто, Канада), с 2015 г. вновь в СГУ. Автор монографий «Философия любви Питирима Сорокина» [28], «"Американские горки" Питирима Сорокина: "Зырянский мудрец" глазами заокеанских социологов» [29], «Питирим Александрович Сорокин» [30], др.

Культурологи кафедры М. И. Бурлыкина, В. В. Муравьев, В. А. Сулимов, И. Е. Фадеева были включены в экспертный совет Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России по новому направлению «Теология» (с 2016 г.). В качестве экспертов они принимали активное участие в его заседаниях, рассматривали представленные к защите первые диссертации по теологии.

Международное признание научной общественности получила ежегодная научная конференция под общим названием «Семиозис и культура», проводимая с 2003 г. в Сыктывкаре по инициативе И. Е. Фадеевой, которая являлась основным организатором форума вместе с В. А. Сулимовым. 28—29 мая 2015 г. XI Международная научная конференция «Семиозис и культура. Антропология современности» впервые состоялась на базе СГУ. В заседаниях приняли участие более 60 ученых — философов, культурологов, социологов, историков, филологов, педагогов из крупнейших университетских центров России (Москва, Санкт-Петербург, Орел, Волгоград, Пермь, Самара, Воронеж, Архангельск, Нижний Тагил) и зарубежных университетских центров (Финляндия, Польша, Литва, Казахстан, Узбекистан, Белоруссия, Украина). Выступая на открытии конференции, ректор Сыктывкарского университета Марина Истиховская подчеркнула, что данная конференция стала научным брендом Республики Коми. На пленарном заседании с докладами выступили вице-президент Научно-образовательного культурологического общества России д-р искусствоведения, зав. кафедрой теории и истории культуры РГПУ им. А. И. Герцена Любовь Мосолова («Структура культурологического знания: проблемы развития»), д-р философ. н., профессор СПбГУ Кристина Забулионите («Образование человека: трансформации вопроса в культурфилософской мысли»), д-р философ. н., профессор Высшей школы экономики (Санкт-Петербург) Григорий Тульчинский («Справедливость и справедливости: типы справедливости, власти и соответствующих конфликтов»), д-р философ. н., профессор, зам. руководителя экспертно-аналитического Центра развития образовательных систем в сфере культуры научно-исследовательского Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева Екатерина Шапинская («Произведение искусства в эпоху его цифровой воспроизводимости») и другие ученые. 29 мая прошли заседания трех секций: «Cultural Studies: человек в текучей современности», «Номо Aestheticus: пространства художественных практик» и «Понимание истории и проблема человека». 27—28 мая 2016 г. в СГУ состоялась XII Международная научная конференция, посвященная актуальным проблемам современной культуры и культурологии «Семиозис и культура. Языки, коды, практики». После ухода из жизни организаторов конференции И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова работа ненадолго приостановилась, но вскоре возобновилась. XIII Меж-

дународная научная конференция «Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве» прошла в СГУ с 13 по 15 декабря 2018 г. Работали секции: «Культура: проблемы и перспективы, вопросы образования», «Искусство в пространстве коммуникаций», «Культура: проблемы и перспективы, вопросы образования», «Семиозис и культура. Взгляд молодых». Конференция объединила около полусотни исследователей, аспирантов, студентов и общественных деятелей из Сыктывкара, Санкт-Петербурга, Мурманска, Вологды, а также Италии и США. [31]. С приветственным словом к присутствующим обратилась ректор, д.п.н., профессор О. А. Сотникова, которая подчеркнула значимость конференции в гуманитарной среде. Прозвучали пленарные доклады доцента Н. Е. Вокуева («Памяти И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова»), профессора Н. Ф. Зюзева («Питирим Сорокин и его последователи»), профессора университета Салерно (Италия) Эмилианы Мангоне («"Террор" в информационном поле: как событие превращается в моральную панику»), профессора Высшей школы экономики (Санкт-Петербург) Г. Л. Тульчинского («Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры»), д-ров культурологии, профессоров Санкт-Петербургского института культуры и искусства С. Н. Иконниковой, И. В. Леонова («Запрет и цензура в культуре: связь и различие»), профессора университета Западной Вирджинии (США) Лоуренса Николза («Питирим Сорокин и Роберт Мертон: история взаимоотношений»). Материалы конференции были опубликованы в журнале «Человек. Культура. Образование» [32]. Следующая, XIV Международная научная конференция «Семиозис и культура. Человек, общество, культура и процессы социальной трансформации» вновь прошла в СГУ в конце года — с 5 по 7 декабря 2019 г. В рамках работы конференции были организованы пленарные и секционные заседания по направлениям: «Трансформационные процессы в современном мире»; «Будущее культуры: культура будущего»; «Культура и политика как современные факторы социальной идентификации: взаимосвязи, приоритеты, стратегии»; «Культурная политика государства: современные вызовы и реакции»; «Языковые процессы в современном политическом дискурсе»; «Роль СМИ и цифровой культуры в культурных процессах»; «Проблемное поле социальных и культурных процессов в практике подготовки специалистов: современные образовательные стратегии»; «Современное образование:

социально-культурные проблемы и задачи»; «Процессы глобализации/антиглобализации и сетевой мир»; «Проблемы самоопределения социума и личности в культурной истории человечества»; «Человек как проблема философии, антропологии и социологии культуры»; «Россия и ее народы — единство культуры, государства или этноса»; «Культурное пространство России: исторические истоки и современное состояние. По результатам работы конференции опубликован сборник трудов [33]. Вернувшись к традиционной дате, XV Международная научная конференция «Семиозис и культура. Современные культурные практики» была проведена весной, 28—29 мая 2021 г. В ее работе приняли участие ученые из Швеции, Китая, Белоруссии и Киргизии, на основе докладов которых издана коллективная монография [34]. Главное направление конференции — исследование современных культурных практик в различных сферах культуры. Определенное внимание также уделено культурным процессам, происходящим в интернет-пространстве. Рассмотрены проблемы: «Культурное наследие и культурная память»; «Культура и искусство в пространстве коммуникации»; «Трансформационные процессы в языке и художественной культуре»; «Визуальные практики: традиции и современность». Очередная встреча участников конференции «Семиозис и культура» запланирована на 26—28 мая 2022 г. в рамках Международной научной конференции «Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века».

Заключение. Исследования в области культурологии в Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина вышли далеко за пределы внутриуниверситетского уровня, приобрели международное признание. Они реализуются в форме защиты кандидатских и докторских диссертаций, организации международных и всероссийских научных конференций, издания монографий и сборников научных трудов, привлекающих внимание научной общественности.

Список источников

1. Коми народный эпос / сост., перевод, комм. и автор вступит. ст. А. К. Микушев. М.: Наука, 1987. 686 с.
2. История Коми литературы : в 3 т. / отв. ред. А. К. Микушев. Сыктывкар, 1979—1981. Т. 1. 1979. 274 с.; Т. 2. 1980. 327 с.; Т. 3. 1981. 431 с.

3. Ученый финно-угровед профессор Е. А. Игушев : сборник статей и документов / сост. М. И. Бурлыкина, М. А. Лодыгина. Сыктывкар, 2019. 200 с.

4. Игушев Е.А. Культура финно-угорских народов. Сыктывкар: Анбур, 2019. 143 с.

5. Лудыкова В. М., Федина М. С. Сопоставительная грамматика коми и русского языков. Сыктывкар, 2001. 98 с.

6. Лудыкова В. М. Современный коми язык. Сыктывкар, 2010. 121 с.

7. Бурлыкина М. И., Задорожный В. Н. История Сыктывкарского государственного университета: годы становления. Сыктывкар, 2012. 200 с.

8. Цвет и свет в художественном произведении : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Я. Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар, 1990. 125 с.

9. «Чувство природы» в русской литературе / отв. ред. Т. Я. Гринфельд-Зингурс. Сыктывкар, 1995. 432 с.

10. Человек в среде обитания: пространство природы, пространство социума : сборник трудов к 90-летию Таисии Яковлевны Гринфельд-Зингурс / отв. ред. Т. С. Канева. Сыктывкар, 2017. 162 с.

11. Гурленова Л.В. Чувство природы в русской прозе 1920—1930-х годов. Сыктывкар, 1998. 179 с.

12. Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян: печорские редакции средневековых повестей. Сыктывкар, 2005. 306 с.

13. Волкова Т. Ф. Сюжет и вымысел в историческом повествовании Древней Руси XI—XVI веков. Сыктывкар, 2020. 113 с.

14. Волкова Т. Ф. Анализ художественной прозы. Сыктывкар, 2021. 174 с.

15. Бурлыкина М. И. Сыктывкарский государственный университет : энциклопедия. Сыктывкар, 2017. 257 с.

16. Мелихов М. В. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. и традиции русского историко-беллетристического повествования XV—XVI вв. : автореф. дис. ... к.ф.н. Л., 1988. 16 с.

17. Мелихов М. В. Древнерусские воинские повести: проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в литературной и рукописной традиции XV—XVIII вв. : автореф. дис. ... д.ф.н. СПб., 2003. 32 с.

18. Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов. Видения, письма, записки / подгот. текста, вступ. ст. и примеч.: М. В. Мелихов. М., 2005. 422 с.

19. Золотарев В. П. Историческая концепция Н. И. Кареева: содержание и эволюция. Л., 1988. 157 с.

20. Н. И. Кареев: прожитое и пережитое / подгот. текста, вступ. ст. [с. 5—45] и коммент. В. П. Золотарева. Л., 1990. 382 с.

21. Бурлыкина М. И. Музеи высших учебных заведений дореволюционной России (1724—1917). Сыктывкар, 2000. 238 с.

22. Бурлыкина М. И. История университетских музеев дореволюционной России. Сыктывкар, 2019. 265 с.
23. Бурлыкина М. И. Московский государственный университет. История музейного дела (1755—2015) / под ред. А. В. Смурова, В. В. Снакина. М., 2015. 320 с.
24. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Семиозис: субъективная антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 252 с.
25. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма. СПб., 2015. 158 с.
26. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации. СПб., 2016. 200 с.
27. Муравьев В. В. Становление культуры воспроизводства народонаселения. Сыктывкар, 2010. 299 с.
28. Зюев Н. Ф. Философия любви Питирима Сорокина. Сыктывкар, 2000. 158 с.
29. Зюев Н. Ф. «Американские горки» Питирима Сорокина: «Зырянский мудрец» глазами заокеанских социологов. Сыктывкар, 2009. 237 с.
30. Зюев Н. Ф. Питирим Александрович Сорокин. Сыктывкар, 2019. 258 с.
31. Семиозис и культура: человек в современном коммуникативном пространстве: XIII Международная научная конференция : программа. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. 12 с.
32. Человек. Культура. Образование. 2019. № 1. С. 93—178.
33. Семиозис и культура: человек, общество, культура и процессы социальной трансформации [Электронный ресурс]: XIV Межд. науч. конф. (6—7 декабря 2019 г.) : сб. материалов / отв. ред. Н. А. Волокитина. Сыктывкар, 2020.
34. Семиозис и культура: современные культурные практики [Электронный ресурс]: XV Межд. науч. конф. (28—29 мая 2021 г.) : колл. моногр. / под ред. Г. Л. Тульчинского, Л. В. Гурленовой. Сыктывкар, 2021.

References

1. *Komi narodnyy epos* [Komi folk epic] / comp., translation, comment. and the author will enter. art. A. K. Mikushev. Moscow: Nauka, 1987. 686 p. (In Russ.)
2. *Istoriya Komi literatury* [The history of Komi literature]: in 3 volumes / ed. by A. K. Mikushev. Syktyvkar, 1979—1981. Vol. 1. 1979. 274 p.; Vol. 2. 1980. 327 p.; Vol. 3. 1981. 431 p. (In Russ.)
3. *Uchenyy finno-ugroved professor Ye. A. Igushev* [Scholar of Finno-Ugric studies Professor E. A. Igushev]: collection of articles and documents / comp. M. I. Burlykina, M. A. Lodygina. Syktyvkar, 2019. 200 p. (In Russ.)
4. Igushev E.A. *Kul'tura finno-ugorskikh narodov* [Culture of the Finno-Ugric peoples]. Syktyvkar: Anbur, 2019. 143 p. (In Russ.)

5. Ludykova V. M., Fedina M. S. *Sopostavitel'naya grammatika komi i russkogo yazykov* [Comparative grammar of Komi and Russian languages]. Syktyvkar, 2001. 98 p. (In Russ.)
6. Ludykova V. M. *Sovremennyy komi yazyk* [Modern Komi language]. Syktyvkar, 2010. 121 p. (In Russ.)
7. Burlykina M. I., Zadorozhny V. N. *Istoriya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta: gody stanovleniya* [The history of Syktyvkar State University: the formative years]. Syktyvkar, 2012. 200 p. (In Russ.)
8. *Tsvet i svet v khudozhestvennom proizvedenii* [Color and light in a work of art: inter-university collection of scientific tr.] / ed. by T. Ya. Grinfeld-Zingurs. Syktyvkar, 1990. 125 p. (In Russ.)
9. «*Chuvstvo prirody*» v russkoy literature [«The feeling of nature» in Russian literature] / ed. by T. Ya. Grinfeld-Zingurs. Syktyvkar, 1995. 432 p. (In Russ.)
10. *Chelovek v srede obitaniya: prostranstvo prirody, prostranstvo sotsiuma* [Man in the habitat: the space of nature, the space of society]: a collection of works for the 90th anniversary of Taisiya Yakovlevna Grinfeld-Zingurs / ed. by T. S. Kaneva. Syktyvkar, 2017. 162 p. (In Russ.)
11. Gurlenova L. V. *Chuvstvo prirody v russkoy proze 1920—1930-kh godov* [The feeling of nature in Russian prose of the 1920s—1930s]. Syktyvkar, 1998. 179 p. (In Russ.)
12. Volkova T. F. *Drevnerusskaya literatura v krughe chteniya pechorskikh krest'yan: pechorskiye redaksii srednevekovykh povestey* [Ancient Russian literature in the reading circle of the Pechora peasants: Pechora editions of medieval stories]. Syktyvkar, 2005. 306 p. (In Russ.)
13. Volkova T. F. *Syuzhet i vymysel v istoricheskom povestvovanii Drevney Rusi XI—XVI vekov* [Plot and fiction in the historical narrative of Ancient Russia of the XI–XVI centuries]. Syktyvkar, 2020. 113 p. (In Russ.)
14. Volkova T. F. *Analiz khudozhestvennoy prozy* [Analysis of fiction]. Syktyvkar, 2021. 174 p. (In Russ.)
15. Burlykina M. I. *Syktyvkar'skiy gosudarstvennyy universitet: entsiklopediya* [Syktyvkar State University: encyclopedia]. Syktyvkar, 2017. 257 p. (In Russ.)
16. Melikhov M. V. *Povest' o vzyatii Tsar'grada turkami v 1453 g. i traditsii russkogo istoriko-belletristicheskogo povestvovaniya XV—XVI vv.* [The story of the capture of Constantinople by the Turks in 1453 and the traditions of the Russian historical and fictional narrative of the 15th — 16th centuries]: abstract of the dissertation ... Ph.D., 1988. 16 p. (In Russ.)
17. Melikhov M. V. *Drevnerusskiye voinskiye povesti: problemy syuzhetoslozheniya i ideyno-khudozhestvennaya transformatsiya zhanra v literaturnoy i rukopisnoy traditsii XV—XVIII vv.* [Ancient Russian military stories: problems of plot composition and ideological and artistic transformation of the genre in

the literary and manuscript tradition of the 15—18th centuries]: abstract of the dissertation of the Doctor of Philology of St. Petersburg, 2003. 32 p. (In Russ.)

18. *Pechorskiy staroobryadcheskiy pisatel' S. A. Nosov. Videniya, pis'ma, zapiski* [Pechora Old Believer writer S. A. Nosov. Visions, letters, notes are prepared] / text, introductory article and note: M. V. Melikhov. M., 2005. 422 p. (In Russ.)

19. Zolotarev V. P. *Istoricheskaya kontseptsiya N. I. Kareyeva: sodержaniye i evolyutsiya* [Historical concept of N. I. Kareev: content and evolution]. L., 1988. 157 p. (In Russ.)

20. *N. I. Kareyev: prozhitoye i perezhitoye* [N. I. Kareev: lived and experienced] / podgot. text, intro. art. [pp. 5—45] and comment. V. P. Zolotarev. L., 1990. 382 p. (In Russ.)

21. Burlykina M. I. *Muzei vysshikh uchebnykh zavedeniy dorevol'yutsionnoy Rossii (1724—1917)* [Museums of higher educational institutions of pre-revolutionary Russia (1724—1917)]. Syktyvkar, 2000. 238 p. (In Russ.)

22. Burlykina M. I. *Istoriya universitetskikh muzeyev dorevol'yutsionnoy Rossii* [History of university museums of pre-revolutionary Russia]. Syktyvkar, 2019. 265 p. (In Russ.)

23. Burlykina M. I. *Moskovskiy gosudarstvennyy universitet. Istoriya muzeynogo dela (1755—2015)* [Moscow State University. The history of museum business (1755—2015)] / edited by A.V. Smurov, V. V. Snakin. Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.)

24. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. *Semiozis: sub»yektivnaya antropologiya simvolicheskoy real'nosti* [Semiosis: subjective anthropology of symbolic reality]. St. Petersburg: Asterion, 2013. 252 p. (In Russ.)

25. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. *Antropologiya Pitirima Sorokina: paradoksy integralizma* [Anthropology of Pitirim Sorokin: paradoxes of integralism]. St. Petersburg, 2015. 158 p. (In Russ.)

26. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. *Chelovek v kul'ture Severa: ot moderna k modernizatsii* [Man in the culture of the North: from modernity to modernization]. St. Petersburg, 2016. 200 p. (In Russ.)

27. Muravyev V. V. *Stanovleniye kul'tury vosproizvodstva narodonaseleniya* [Formation of the culture of population reproduction]. Syktyvkar, 2010. 299 p. (In Russ.)

28. Zyuzev N. F. *Filosofiya lyubvi Pitirima Sorokina* [Philosophy of love by Pitirim Sorokin]. Syktyvkar, 2000. 158 p. (In Russ.)

29. Zyuzev N. F. «*Amerikanskiye gorki*» Pitirima Sorokina: «*Zyryanskiy mudrets*» *glazami zaokeanskikh sotsiologov* [«Roller coaster» by Pitirim Sorokin: «The Zyryansky sage» through the eyes of overseas sociologists]. Syktyvkar, 2009. 237 p. (In Russ.)

30. Zyuzev N. F. *Pitirim Aleksandrovich Sorokin* [Pitirim Alexandrovich Sorokin]. Syktyvkar, 2019. 258 p. (In Russ.)

31. *Semiozis i kul'tura: chelovek v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Semiosis and culture: Man in the modern communicative space]: 13th International Scientific Conference: Program. Syktyvkar, 2018. 12 p. (In Russ.)

32. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Man. Culture. Education], 2019, no. 1, pp. 93—178. (In Russ.)

33. *Semiozis i kul'tura: chelovek, obshchestvo, kul'tura i protsessy sotsial'noy transformatsii* [Semiosis and culture: man, society, culture and processes of social transformation] [Electronic resource]: XIV International Scientific Conference (December 6—7, 2019): collection of materials / ed. by N. A. Volokitina. Syktyvkar, 2020. (In Russ.)

34. *Semiozis i kul'tura: sovremennyye kul'turnyye praktiki* [Semiosis and culture: modern cultural practices] [Electronic resource]: 15th International Scientific Conference (May 28—29, 2021): coll. monograph / edited by G. L. Tulchinsky, L. V. Gurlenova. Syktyvkar, 2021. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Майя Ивановна Бурлыкина

Maiya I. Burlykina

доктор культурологии, профессор,
Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима
Сорокина

Doctor of Culture Studies, Professor,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State
University, Syktyvkar

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar,
167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

28.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

03.03.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

09.03.2022

Научная статья / Original article

УДК 130.2+930

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-35>

**Научно-образовательные топосы культурологии
в культурном пространстве Северо-Запада России:
Сыктывкарский университет**

**Мосолова Любовь Михайловна¹,
Бондарев Алексей Владимирович²**

^{1,2} Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

² aleksej-bondarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9272-2160>

Аннотация. В статье рассматриваются научно-образовательные топосы культурологии в пространстве культурного ландшафта Северо-Запада России. Обосновывается необходимость изучения и систематизации достижений культурологов всех регионов нашей страны. Предложен краткий обзор топографии формирования культурологии в Республике Коми. Дан очерк научно-исследовательской и педагогической деятельности в области культурологии и культурологического образования в Коми государственном педагогическом институте и Сыктывкарском государственном университете имени Питирима Сорокина, охарактеризованы основные достижения ведущих представителей этих региональных научно-образовательных центров культурологии. Делается вывод, что исследование персонологии и топографии развития культурологии, изучение динамики культурологического ландшафта нашей страны крайне значимы для познания истории развития научной мысли о культуре и культурологического образования, важны как для формирования профессионального самосознания культурологов, так и для сохранения памяти об их достижениях и вкладе в мировую науку.

Ключевые слова: история культурологии и культурологического образования в регионах России, научно-образовательные топосы, персонология российской культурологии, культурный ландшафт, профессиональная идентичность и самосознание культурологов, научное наследие, интеллектуальная история

Для цитирования: Мосолова Л. М., Бондарев А. В. Научно-образовательные топосы культурологии в культурном пространстве Северо-За-

пада России: Сыктывкарский университет // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 35—58. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-35>

Scientific and Educational Toposes of Culturology in the North-West of Russia: the Syktyvkar University

Lubov M. Mosolova¹, Alexey V. Bondarev²

^{1,2} Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg),
St. Petersburg, Russia

² aleksej-bondarev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9272-2160>

Abstract. *The article examines the research and educational institutions of Culturology within the cultural 'landscape' of the North-West of Russia. The necessity of studying and systematizing the achievements of culturologists from all regions of Russia is substantiated. A brief overview of the 'topography' of the formation of culturology in the Komi Republic is proposed. An outline of research and pedagogical activities in the field of Culturology and culturological education at the Komi State Pedagogical University and the Pitirim Sorokin Syktyvkar State University is given, the main achievements of the leading representatives of the regional research and educational centers of Culturology are characterized. It is concluded that the study of the 'topography' of the development of culturology as well as the study of the development of cultural 'landscape' of the Russian Federation correlate to the history of scientific thought and culturological education. It is important for the formation of professional self-awareness of culturologists and for preserving the memory of achievements and contribution to the world of science.*

Keywords: *History of the regional Culturology and culturological education in the Russian Federation, scientific and educational topics and institutions, personology of the Russian Culturology, cultural 'landscape', professional identity and self-consciousness of culturologists, scientific heritage, intellectual history.*

For citation: Mosolova L. M., Bondarev A. V. Scientific and Educational Toposes of Culturology in the North-West of Russia: the Syktyvkar University. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 1:35—58 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-35>

Введение. В последние тридцать лет в нашей стране сформировалось и институализировалось научное и образовательное пространство, охватываемое понятием «культурология». В Центральной и Южной России, на Дальнем Востоке и в Сибири, в Поволжье и на Урале, а также на Северо-Западе России сложились сильные

научно-образовательные топосы культурологии, в которых аккумулирован значительный исследовательский и учебный материал, который нуждается в изучении и систематизации, осмыслении и генерализации. Не менее существенным является вопрос об актуализации и сохранении памяти о тех культурологах, которые трудились и трудятся в разных региональных университетах нашей страны, об их достижениях и вкладе в российскую науку о культуре, выступающей поистине основополагающим фундаментом жизни людей. Наконец, обобщение сделанного очень важно для профессионального самосознания российских культурологов. В последней четверти XX в. и особенно в прошедшие двадцать лет XXI в. отечественными культурологами был накоплен значительный опыт фундаментальных и практико-прикладных исследований культуры, причём было сделано отнюдь не меньше, чем зарубежными учёными в науках о культуре и представителями т.н. *cultural studies*. Однако до сих пор слишком мало внимания уделялось аналитике и популяризации отечественных достижений в области культурологии. Этот вопрос уже несколько лет стоит в программе работы Российского культурологического общества и представлен рядом недавних публикаций (см.: 1—7).

Уже неоднократно отмечалось, что развитие культурологии и её достижения в нашей стране чаще всего связываются лишь с Москвой, в научно-образовательных центрах которой аккумулируются многие значимые концепции различных учёных. Действительно в Москве было очень многое сделано для становления и развития культурологии: достаточно назвать такие научно-образовательные центры, как Московский государственный институт культуры, Российский институт культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Государственный институт искусствознания, Российская академия государственной службы при Президенте РФ и ряд других учреждений. Хорошо известны имена таких выдающихся московских культурологов, как Н. Г. Багдасарьян, И. М. Быховская, С. Я. Левит, И. В. Кондаков, А. Я. Флиер, Н. А. Хренов и многие другие. Однако в этом ярком свете московских учёных складывается ощущение, что как-то затеваются и затмеваются имена и работы даже самых талантливых культурологов из других городов и регионов нашей необъятной страны. По нашему глубокому убеждению, генезис отечественной культурологии имеет гораз-

до более сложный полицентрический характер, что мы попытались показать на примере формирования культурологического ландшафта в Санкт-Петербурге (см.: 4; 7).

Одним из крупных центров развития культурологии на Северо-Западе России является, несомненно, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина. Славному юбилею этого университета и светлой памяти наших дорогих коллег Ирины Евгеньевны Фадеевой и Владимира Александровича Сулимова, настоящих подвижников культурологической науки в России, и посвящается данный обзорный очерк.

Культурологический ландшафт Северо-Запада России (как и весь культурный ландшафт) мы будем рассматривать не просто как некую географическую территорию, а определённым образом структурированное пространство смыслов, их напластований и самых разнообразных конфигураций. Эвристически перспективным представляется рассмотрение культурологического пространства региона с помощью топологического (топографического) подхода, разработанного и апробированного нами в предыдущих статьях [4, с. 61—72; 8, с. 64—77].

Категория топоса (топохрона) позволяет сфокусировать исследовательское внимание на смысловом измерении интеллектуального ландшафта культурологии в пространственно-временном континууме Северо-Запада России. Здесь отчётливо выделяются несколько топографических вершин, связанных с научно-исследовательской, научно-организационной, научно-образовательной и другими видами деятельности, комплексно способствующими развитию культурологической науки и образования. К ним относятся: Поморский университет (ныне — Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова), Мурманский арктический государственный университет, а также, несомненно, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина.

Обратимся к топологии интеллектуального ландшафта культурологии Республики Коми. И, разумеется, первое, что вспоминается, — это то, что здесь родился выдающийся учёный, мыслитель и гуманист XX века **Питирим Александрович Сорокин (1889—1968)**, именем которого в 2015 г. не случайно был назван Сыктыв-

карский государственный университет. П. А. Сорокин внёс значительный вклад не только в развитие социологии, но также и в формирование социальной и теоретической культурологии. Здесь, в этом прекрасном северном девственном крае России, в селе Туръя Яренского уезда Питирим Сорокин родился, провёл своё детство, отрочество и раннюю юность, освоив местные традиции, нормы жизни, идеалы и ценности. О Питириме Сорокине написано множество статей и книг, но в основном они посвящены блистательному американскому периоду его жизни и научного творчества (он был выслан из Советской России в 1922 г.). П. А. Сорокин создал работы, которые по своему значению приравниваются к трудам Гегеля, Конта, Маркса и других великих мыслителей и учёных. Особенно это относится к его знаменитой монографии «Социальная и культурная динамика», оказавшей огромное влияние на мышление многих представителей мировой социальной и гуманитарной науки.

В последние десятилетия зарубежные и российские авторы стали уделять более пристальное внимание «доамериканскому периоду» в биографии П. А. Сорокина, той социологической выучке, которую он получил в Санкт-Петербурге, а также месту рождения и первым этапам жизни в удивительном ландшафте своей «малой родины», красота и величие которой оказали на него неизгладимое впечатление. Сам П. А. Сорокин неоднократно обращался в своих размышлениях к своему детству и отрочеству. Он написал автобиографическую книгу «Долгий путь», труд «Социология моей интеллектуальной жизни», а также серию статей об образе жизни и культуре своих земляков коми-зырян. Особенно впечатляют строки его книги, посвящённые образам первозданной природы Коми края, которые, по его мнению, способствовали формированию всего его мировосприятия и мировоззрения. На склоне лет П. А. Сорокин писал: «Многие и многие часы я провел в этих соборах живой природы, очарованный их величием, таинственностью и Богом данной красотой. Они разжигали моё воображение, заражали своим меняющимся настроением, посвящали меня в их тайны» [8, с. 10]. И далее он продолжал: «Я рад, что прожил детство в этой девственной стране. Даже сейчас, если бы мог выбирать, я не променял бы её на самую цивилизованную среду обитания в самом лучшем жилом районе самого прекрасного города в мире. Я счастлив, что имел возмож-

ность жить и расти в этой природной стихии до того, как её разрушили индустриализация и урбанизация» [8, с. 10].

Разумеется, жизнь и творчество Питирима Сорокина осеяли исследовательский путь, смыслы бытия и ценностные векторы многих учёных как Сыктывкарского университета, так и других вузов республики. Здесь регулярно проводятся масштабные конференции, посвящённые памяти и научному наследию П. А. Сорокина, изучаются и издаются его книги, современными учёными Республики Коми продолжается разработка поставленных им проблем социологии и культурологии.

В этом отношении особенно показательна деятельность учёных Коми государственного педагогического института, который в 2013 г. органично вошёл в состав Сыктывкарского государственного университета. Хотелось бы отметить тот примечательный факт, что начало культурологических штудий в этом институте было связано с установлением систематических, интенсивных и плодотворных научно-образовательных контактов с кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Первым, кто в 1997 г. выступил с инициативой установления сотрудничества с кафедрой теории и истории культуры (тогда — кафедрой художественной культуры) Герценовского университета, был талантливый преподаватель Коми пединститута **Александр Юрьевич Котылев**. Он закончил здесь аспирантуру и блестяще защитил в 2000 г. кандидатскую диссертацию на тему «Метаморфозы игры в культуре переходного типа (на материале советской культуры XIX — первой половины XX века)». Историко-культурологический анализ этой темы был настолько глубоко профессиональным и ярким, что на обсуждении диссертации известный философ и эстетик профессор Константин Глебович Исупов сравнил А. Ю. Котылева с «молодым Шпенглером», а не менее известный философ и культуролог профессор Светлана Николаевна Иконникова охарактеризовала его научный вклад как «достойное продолжение традиции Питирима Сорокина».

Впоследствии А. Ю. Котылев многое сделал для обоснования необходимости развития культурологии и разработки основ культурологического образования в КГПИ, успешно используя при этом, разумеется, известный ему по учёбе в аспирантуре передовой

Фото 1. А. Ю. Котылев. 4-е Собрание НОКО 2010 (фото А. В. Бондарева)
Picture 1. A. Yu. Kotylev. The 4th NOKO Meeting, 2010
(photographed by A. B. Bondarev)

опыт кафедры теории и истории культуры Герценовского университета. А. Ю. Котылевым было инициировано проведение постоянно действовавшего научного семинара «Историческое произведение как феномен культуры» и издание по их итогам серии соответствующих сборников, ежегодно выходявших в свет в 2005—2012 гг. На семинарах и в этих сборниках авторы поднимали многие значимые теоретические и практические вопросы анализа самых разнообразных текстов культуры, а также рассматривали на основе конкретных текстов многообразные аспекты исторической персоналогии, антропологии культуры, этнической ментальности и культурных традиций от эпохи античности до современности. Со всей убедительностью А. Ю. Котылев обосновывал исходную теоретико-методологическую позицию, что историко-культурологический взгляд на мир «требует личности, личностного подхода к проблемам развития мира, человечества, страны, города, деревни, рода, семьи, человека, человечка. Личностное измерение историко-культурного процесса предполагает наличие в нём нескольких концептуальных проекций, каждая из которых организует сложную подсистему знаний и представлений» [9, с. 4].

В 2011—2014 гг. А. Ю. Котылев осуществлял исследовательскую работу в докторантуре кафедры теории и истории культуры Герценовского университета, её результатом стало издание фундаментального труда-монографии «Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV—XXI веков» [10]. Эта монография была посвящена изучению и культурологическому анализу многогранной подвижнической и просветительской деятельности выдающегося отечественного миссионера XIV в. Стефана Пермского. На страницах своей книги А. Ю. Котылев раскрыл образ миссионера как способ проявления личности в культуре Средневековья, как выражение концептуально-символической работы мыслителя тех времён. Кроме того, категория «образ», используемая в монографии, обозначает ещё и процесс рефлексии, рецепции и обобщения представлений о личности и её деятельности, позволяет понять почитание и исследовательский интерес, которые уже несколько столетий не угасают к святителю Стефану Пермскому и его трудам. По мнению самого А. Ю. Котылева, одной из задач монографии была демонстрация преемственности в развитии российской культуры. Как отмечает А. Ю. Котылев, каждая новая актуализация учения Стефана Пермского служит выявлению одного из важнейших путей развития нашей страны, образ этого святого подвижника и его духовное наследие выступают примерами тех «скреп», тех фундаментальных связующих звеньев, которые обеспечивают преемственность в российском культурогенезе в целом [10, с. 7; 11, с. 112—113].

При всей многогранности и плодотворности сотрудничества между культурологами Герценовского и Сыктывкарского университетов всё же важнейшим и наиболее перспективным направлением взаимодействия стало создание профессионального сообщества российских культурологов. 17 мая 2005 г. на Всероссийском совещании «Культурологическое образование в контексте общего образования» в РГПУ им. А.И. Герцена петербургскими культурологами была выдвинута инициатива создания Российского культурологического общества. Участвовавший в этом совещании А. Ю. Котылев помог в подготовке обоснования необходимости создания такой ассоциации отечественных культурологов. Совместно с Л. М. Мосоловой он участвовал в составлении информационного письма об этой инициативе с приглашением всем заинтересованным коллегам войти в состав создаваемого общества. Силами сотрудников кафедры

теории и истории культуры Герценовского университета (А. Бондарев, А. Венкова, С. Дроздова, В. Пасекова и др.) оба этих документа были разосланы практически во все регионы нашей страны. На эту инициативу откликнулось двадцать одно региональное сообщество культурологов. Первые документы, необходимые для учреждения региональных обществ культурологов, были подготовлены Л. М. Мосоловой также вместе с А. Ю. Котылевым, в дальнейшем этот пакет документов в качестве образца тоже был разослан всем желающим. Так что образованное А. Ю. Котылевым Культурологическое общество Республики Коми было **первым** региональным обществом культурологов, созданным в нашей стране. И именно оно стало **образцом** для образования в дальнейшем всех аналогичных региональных ячеек Российского культурологического общества. Эта идея была поддержана патриархом отечественной культурологии Э. С. Маркаряном и значительным числом участников Первого Российского культурологического конгресса, проходившего в августе 2006 г. в Санкт-Петербурге [1, с. 623]. Одним из наиболее значимых мероприятий, осуществлённых в рамках Конгресса, стало проведение учредительного собрания Российского культурологического общества. На заседании, состоявшемся 28 августа 2006 г., присутствовали делегаты всех региональных культурологических обществ, представлявших ведущие культурологические центры России. Через три года Общество было официально зарегистрировано в Министерстве юстиции РФ как некоммерческое партнерство под названием «*Научно-образовательное культурологическое общество*» (НОКО — такое название было вызвано невозможностью на момент регистрации получить всероссийский статус в наименовании общественных организаций) [7, с. 71]. За годы своего существования благодаря консолидирующим усилиям Общества удалось наладить прочную систему коммуникации между ведущими научными и образовательными культурологическими центрами страны, у многих культурологов из регионов появился целый спектр новых возможностей по обнародованию и популяризации своих идей и разработок, которые получают более широкий отклик, чем прежде. Коллективы региональных отделений Общества, а также члены Научной коллегии активно проводили научные исследования в различных областях культурологического знания, успешно осуществляли экспертную деятельность в сфере социально-культурных ин-

дустрий, издавали учебные пособия и учебники по культурологии для вузов, многие из них имеют грифы Минобрнауки или грифы соответствующих УМО (см.: [3, с. 517—24; 7, с. 64—77]). Укрепление сотрудничества отечественных культурологов способствовало реализации коллективной работы в рамках масштабного исследовательского проекта «Поликультурное пространство Российской Федерации». Результаты этого коллективного проекта были изданы в семи томах, один из них — коллективная монография «Культура Северо-Запада России». А. Ю. Котылев написал для этой книги две главы, и как и всегда, безукоризненно [12]. Александр Юрьевич Котылев продолжает плодотворно работать и в настоящее время, мы уверены, что главные его научные труды ещё впереди.

Центральной фигурой в культурологическом ландшафте Республики Коми, несомненно, являлась **Ирина Евгеньевна Фадеева (17 июня 1952 — 8 июня 2017)** — доктор культурологии (2004), профессор (2012), заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, почётный работник высшего профессионального образования РФ, признанный специалист в области теоретической культурологии, теории текста, феноменологии, семиотики и герменевтики. Создание И. Е. Фадеевой кафедры культурологии в Коми педагогическом институте открыло новые возможности и существенно интенсифицировало развитие культурологии и культурологического образования в Сыктывкаре. Постепенно благодаря усилиям И. Е. Фадеевой и всего возглавляемого ею коллектива кафедра становилась всё более заметной и известной в культурологическом ландшафте сначала Северо-Западного региона, а затем и всей нашей страны.

И. Е. Фадеева, окончив филологический факультет Коми пединститута, далее работала научным сотрудником Института истории, языка и литературы Коми научного центра Уральского отделения Академии наук СССР. В 1982 г. она под руководством Моисея Самойловича Кагана написала и защитила кандидатскую диссертацию в Ленинградском отделении института этнографии Академии наук СССР. Её диссертация на тему «Народное прикладное искусство и фольклор» отличалась сильной теоретической направленностью. Применённый И. Е. Фадеевой в исследовании народного искусства

системный подход позволил ей выстроить новую морфологию всего народного творчества и ввести новые научные категории, показавшие свою познавательную эффективность. Весь сложный мир декоративно-прикладного, архитектурного и других «объёмных» искусств, характерных для народного творчества, она определила как «*пластический фольклор*». И. Е. Фадеева убедительно показала, что пластический фольклор глубоко связан с устным и музыкальным творчеством народов, образуя целостную художественную подсистему в огромной сфере искусства. Концепция И. Е. Фадеевой была принята научным сообществом, и о пластическом фольклоре разных народов стали появляться новые интересные исследования, теоретически базирующиеся на её трудах (см., напр.: [13]).

Фото 2. И. Е. Фадеева. 2-е Собрание НОКО, 2008 (фото А. В. Бондарева)
Picture 2. I. E. Fadeeva. The 2nd NOKO Meeting, 2008
(photographed by A. V. Bondarev)

И. Е. Фадеева не останавливалась в своём научном творчестве, обращаясь к всё новым сложным современным проблемам исследования феномена культуры в теоретическом, историческом и прикладном ракурсах. В 2004 г. она защитила в Герценовском университете докторскую диссертацию по теме «Теория и культурно-

историческая феноменология символа». И в этот раз консультантом вновь был М. С. Каган. Эта диссертация представляла собой опыт интегративного теоретического и феноменологического исследования символа, включающего в себя данные ряда смежных научных дисциплин и опирающегося на методологию системного анализа. Вообще И. Е. Фадеева с полным правом считается одной из самых талантливых и ярких учениц М. С. Кагана. Исследование символа с позиций деятельностного и системного подходов открыло широкую перспективу для теоретического изучения природы тех процессов, которые характеризуют коммуникативное пространство культуры и социокультурный семиозис. В свою очередь это предоставило возможность наметить ряд новых позиций в анализе человеческого сознания, в частности к проблемам концептуализации и категоризации реальности, к анализу мотивационной сферы человека и механизмов, определяющих массовое поведение людей. Теоретическое исследование символа позволило И. Е. Фадеевой сделать ряд принципиально значимых выводов, касающихся природы эстетических отношений человека и действительности, их генезиса и места в социокультурном пространстве, а также в новом свете рассмотреть природу художественного образа, включающего в себя символические компоненты (см.: [14]).

Всего И. Е. Фадеевой удалось успеть опубликовать более 150 работ, в том числе такие крупные монографии, как «Символ в системе культуры», «Символ-образ-текст», «Феноменология любви в истории европейской культуры» (в соавторстве с А. Ю. Котылевым и А. П. Павловым), «Идентичность: интеллектуальные практики и социальное конструирование» (в соавторстве с Ю. П. Шибаевым, А. Ю. Котылевым, В. А. Сулимовым) и целый ряд других.

Создав и возглавив в 1997 г. кафедру культурологии в Коми государственном педагогическом институте, И. Е. Фадеева, по единодушному мнению коллег, являлась настоящим «драйвером» и «мотором» культурологического образования в высшей и средней школе, развития культурологической науки, подготовки и публикации множества научных изданий, проведения научно-практических конференций и других важных для науки и образования Республики Коми мероприятий. В сущности, благодаря И. Е. Фадеевой и её коллегам сначала в Коми пединституте, а затем и в рамках Сыктывкарского государственного университета имени Питири́ма Сороки-

на возник мощный научно-образовательный центр — *топос*, который по целому ансамблю признаков выделяется как крупная топографическая вершина в культурологическом пространстве Северо-Запада России.

Основанием для этого суждения являются следующие вполне объективные критерии. Во-первых, наличие институализированного объединения специалистов в области теории и истории культуры — это кафедра с сильным составом преподавателей, которая работает уже более 20 лет. Во-вторых, это систематическая подготовка профессиональных кадров культурологов для различных сфер социокультурной жизни региона (бакалавриат, магистратура, аспирантура). В-третьих, обеспечение организационных, учебно-методических, материально-технических потребностей коллектива преподавателей и студентов культурологической специализации. В этом отношении коллективом кафедры было сделано очень многое. В частности, подготовлено множество профессиональных образовательных программ, методических и учебных пособий, учебников и монографических работ учебной направленности. Например, «Искусство в контексте культуры. Эстетика и семиотика» (2011), «Феноменология любви: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения. XVII век» (2003) и многие другие.

В-четвёртых, это наличие возможности подготавливать высококвалифицированные кадры культурологов через аспирантуру по специальности «Теория и история культуры». В Сыктывкарском университете, в частности, под руководством И. Е. Фадеевой были защищены несколько кандидатских диссертаций — среди них те, кто защищался в Санкт-Петербурге в соответствующем Диссертационном совете Герценовского университета: Е. Н. Чупрова «Диалог культур и стилевая интеграция: храмовое искусство Коми края в контексте провинциальной культуры», М. Б. Мелехина «Культурно-национальная идентичность стратегии конструирования и текста культуры (на материале коми культуры XX начала — XXI века)», Н. Е. Вокуев «Феноменология притворства в современной культуре (на материале блогосферы)» и другие.

В-пятых, это регулярность и научная значимость проведения всероссийских и международных научных и научно-практических конференций, семинаров и других мероприятий философско-культурологического и образовательно-культурологического ха-

рактера. В этом отношении кафедрой культурологии под руководством И. Е. Фадеевой была проведена огромная работа — достаточно назвать цикл международных научных конференций «Семиозис и культура», проводившихся с 2004 г. По итогам этих конференций ежегодно издавались солидные сборники научных трудов. Целью этих изданий стала интеграция усилий специалистов разных сфер научного знания по формированию универсальной модели культурного пространства человека и общества. Основная концепция издания сборников «Семиозис и культура» заключалась в обращении к изучению семиозиса как комплексной научной проблемы, включающей в себя факторы формирования и развития человеческой личности, языка, культуры, цивилизации в качестве важного условия, определяющего устойчивость существования и развития любого народа [15]. В рамках изданий «Семиозис и культура» основное внимание авторы уделили созданию основ теории семиозиса как междисциплинарного научного направления, использующего логико-философские, культурологические, исторические и лингвистические методы исследования. В них рассматривались фундаментальные механизмы формирования, сохранения и изменения национального семиозиса: социально-культурные, когнитивные, лингвистические, педагогические и др. Отмечалась особая роль текста и интертекста как форм существования и трансляции семиозиса (см.: [15—18]).

Следует отметить, что конференции «Семиозис и культура» привлекали внимание многих крупных специалистов по этой теме, занимавшихся различными аспектами культурологии, этнографии, философии культуры, семиотики, герменевтики, антропологии, языкознания. В этих конференциях принимали участие не только многие известные отечественные, но и видные зарубежные учёные (из Испании, Финляндии, Польши, Эстонии, Литвы, Германии и т. д.). Можно сказать, что этот культурологический топос Республики Коми, благодаря энергичным усилиям И. Е. Фадеевой и её сподвижников, в первое двадцатилетие XXI века стал одним из крупнейших научных центров международного и всероссийского масштаба в исследовании важнейших теоретических и практико-прикладных проблем культуры. Результатом многолетних исследований учеными кафедры в этом направлении явилась публикация фундаментальной коллективной монографии «Семиозис и культура: лаби-

ринты смысла». Она была посвящена проблеме организации презентации смысла в текстах современной культуры. Центральное место в ней отводилось культурно-антропологическим и экзистенциальным способам формирования смыслового пространства в современной культуре [17].

Фото 3. XII Международная научная конференция
«Семиозис и культура: языки, коды, практики» (30.05.2016)
(Источник: URL: <https://www.syktsu.ru/news/15611/>)
Picture 3. The 12th Research Conference
«Semiosis and Culture: Languages, Codes, Practices» (May 30, 2016)
(Source: URL: <https://www.syktsu.ru/news/15611/>)

Многие свои творческие, научные и организационные проекты И. Е. Фадеева осуществляла совместно со своим мужем, другом, единомышленником и верным соратником — **Владимиром Александровичем Сулимовым (30 июля 1952 — 24 апреля 2018)**. Он был филологом по своему базовому образованию, кандидатом филологических наук, автором монографии «Философия и логика русского языкового континуума» (2006). Как и И. Е. Фадеева, он активно сотрудничал с кафедрой теории и истории культуры Герценовского университета, обучался здесь в докторантуре, защитил в 2011 г. докторскую диссертацию по теме «Литературный текст в интеллектуальном пространстве современной культуры». Его научным консультантом был доктор филологических наук, профессор С. А. Гончаров, являвшийся в те годы не только проректором Герценовско-

го университета, но ещё и президентом Научно-образовательного культурологического общества России.

Фото 4. В. А. Сулимов. 7-е Собрание НОКО, 2013 (фото А. В. Бондарева)
Picture 4. V. A. Sulimov. The 7th NOKO Meeting, 2013
(photographed by A. B. Bondarev)

Совместная научная деятельность И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова была поразительно продуктивной. Они обращались к остроактуальным и сложным темам современности, рассматривали многие проблемы на стыке разных наук, достигая при этом не только междисциплинарного, но и интегративного, синтетического эффекта в ходе и самих результатах своих исследований. Интеллектуальные и художественные практики современности, национальный семиозис и человек в культуре Севера, семиотика и антропология, этнография и педагогика, проблемы интеграции интеллектуального и чувственного, реальности и ирреальности — это далеко не полный перечень их совместных научных разработок. Они были соавторами нескольких монографий: «Семиозис: субъективная антропология символической реальности», «Антропология Питирима Сорокина: парадоксы интегрализма», «Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации», а также множества интереснейших научных статей, значимых для настоящего и будущего наук о культуре.

Среди трудов И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова хотелось бы особенно выделить их последнюю книгу «Человек в культуре Севера:

от модерна к модернизации», изданную в 2016 г. Эта работа была посвящена проблемам социокультурного развития региональной культуры по материалам исследования республики как Северо-Западного региона России. В данной книге авторы опирались на философию интегрализма П. А. Сорокина. В идейном и мировоззренческом противостоянии с американским прагматизмом П. А. Сорокин видел в человеке интегральные черты бессознательного, сознательного и сверхсознательного, объединённых творческой созидательной деятельностью [19, с. 135]. Современные исследователи также считают иррациональность обязательным компонентом культуры и полагают, что современный человек движется ко всё большей субъективизации и индивидуализации [20, с. 156]. И этот объективный процесс закрепляется и фундирует социокультурное развитие в его постиндустриальной и постмодерной форме. По мнению авторов, «необходимо модернизировать, прежде всего, субъекта социокультурного пространства — каждого отдельного человека, поскольку процесс индивидуализации и субъективизации раскрывается как общеисторическая необходимость» [21, с. 5]. Анализируя позицию человека в культуре Севера, они показали его возрастающую роль как *Человека Познающего*, подчеркивая необходимость формирования региональной идентичности в контексте общероссийской культуры. В завершении своего исследования И. Е. Фадеева и В. А. Сулимов пришли к чрезвычайно важному выводу, в силу особой значимости мы приводим его здесь полностью: «Формирование северного регионального культурного пространства современной России, безусловно, зависит не столько от экономических ресурсов региона, сколько от человеческого, интеллектуального и демографического потенциала. Это, в первую очередь, касается символических ресурсов, обеспечивающих существование, развитие и эффективную деятельность человека познающего. Углубляя философско-культурологический (идеациональный) контекст региональной повседневности, мы выполняем задачу проектирования и реализации моделей эффективного развития, выстраиваем сущностную триаду этого развития: человек познающий — информационная платформа проективной деятельности — социокультурные процессы и практики. От личности — к обществу, от символических и информационных ресурсов — к проектированию реальности, от образования — к динамике развития — таков,

как показывают наши исследования, магистральный путь преодоления модернизационных сложностей нашего времени» [21, с. 198].

В 2011 г. И. Е. Фадеева и В. А. Сулимов смогли осуществить такой трудоёмкий научный проект, как создание философско-культурологического, научно-образовательного и методического журнала «Человек. Культура. Образование». В 2017 г. этот журнал был включён в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК Минобрнауки РФ (Перечень ВАК) и успешно функционирует до сих пор, привлекая внимание всё новых талантливых авторов. В этом издании многогранно представлен достигнутый уровень развития отечественной культурологии, в т. ч. и практико-ориентированных культурологических исследований. Теперь дело И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова продолжается их коллегами...

Будучи людьми не только глубоко образованными, творчески, но ещё и обладающими невероятной активностью, поразительной целеустремленностью, твердостью характера, они обладали способностью объединять, сплачивать людей вокруг интересной и важной задачи. И что особенно ценно — они умели убеждать представителей власти и бизнеса в необходимости и пользе всемерного содействия развитию культурологии и культурологического образования в своём регионе. Благодаря целенаправленной деятельности И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова в последние годы в общественном сознании и властных структурах региона повысилось внимание к практико-прикладным возможностям культурологии в вопросах социокультурного проектирования и развития, а также наметились тенденции в их решении. Нам, как и многим коллегам, глубоко врезались в память страстные, поистине пламенные речи В. А. Сулимова о необходимости преодоления культурологической безграмотности на всех уровнях власти и управления, в этой связи им даже предлагался проект курсов повышения квалификации для чиновников «Ликбез по культурологии». Мы очень надеемся, что в рамках программы работы возрождённого и заново зарегистрированного в МинЮсте Российского культурологического общества удастся осуществить в том числе крайне важное предложение В. А. Сулимова о настоятельной необходимости дальнейшего научного совершенствования форм культурологической экспертизы и её скорейшей институционализации, а также развитию общественной профессиональной экспертной деятельности культурологов.

В целом научные труды И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова имели значительный научный и даже общественный резонанс. Они оба самым активным и деятельным образом принимали участие, можно сказать, во всех наиболее значимых профессиональных культурологических событиях, собиравших культурологов со всей нашей страны (российские культурологические конгрессы, собрания Культурологического общества, совещания-семинары заведующих культурологическими кафедрами вузов и председателей диссертационных советов России и СНГ по специальности «Теория и история культуры» и т. д.). В последние годы они выходили к новым рубежам в своих изысканиях и приступали к разработке ещё одного новаторского направления в исследованиях культуры — *когнитивной антропологии*, которая, по их замыслу, должна была быть нацелена на интеграцию исследований социокультурной динамики, культурного сознания человека его символических продуктов деятельности (текстов культуры) (см.: [22, с. 638; 23]).

Заключение. Итак, резюмируя, всё сказанное позволяет сделать вывод, что исследование персонологии и топографии развития культурологии, изучение динамики культурологического ландшафта нашей страны, в частности в Республике Коми, крайне значимы для познания истории развития научной мысли о культуре и культурологического образования, важны как для формирования профессионального самосознания культурологов, так и для сохранения памяти об их достижениях и вкладе в мировую науку. Поэтому в завершение хотелось бы вновь подчеркнуть настоятельную необходимость разработки коллективного научно-исследовательского проекта «Культурология в современной России». Благодаря реализации этого масштабного замысла удалось бы обобщить накопленный отечественными культурологами исследовательский опыт, а также со всей очевидностью представить действительно огромную стратегическую и практическую роль культурологической науки в развитии нашей страны, показать значимость мейнстрима культурологии как научно-образовательного «бренда» России [4, с. 70; 7, с. 77].

Список источников

1. Бондарев А. В. Третье рождение культурологии: Вклад Э. С. Маркарян в разработку культурологической теории культуры // Маркарян Э. С. Из-

бранное. Наука о культуре и императивы эпохи / отв. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. С. 563—625.

2. Бондарев А. В. Эпистемологические проблемы изучения истории культурологии: научно-исследовательские и учебно-методические аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2021. № 3 (101). С. 6—22.

3. Бондарев А.В., Венкова А. В. Профессиональные сообщества культурологов // Прикладная культурология. Серия «Энциклопедия культурологии» / под ред. И. М. Быховской. М.: Согласие, 2019. С. 517—524.

4. Бондарев А. В., Мосолова Л. М. Научно-образовательные топосы культурологии в культурном ландшафте Санкт-Петербурга // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2021. № 3. С. 61—72.

5. Кондаков И. В. Современное состояние наук о культуре в России: достижения, проблемы и перспективы // Мир культуры и культурология. Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. Вып. IV. С. 10—19.

6. Мосолова Л. М. Культурология в современной России // Вопросы культурологии. 2016. № 12. С. 8—19.

7. Перспективы исторической и региональной культурологии в современной России : сб. науч. ст. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 276 с.

8. Сорокин П. А. Долгий путь : автобиографический роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. Сыктывкар: Союз журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. 304 с.

9. Историческое произведение как феномен культуры : сб. науч. ст. / отв. ред. А. Ю. Котылев и А. А. Павлов. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2008. Вып. 3. 167 с.

10. Котылев А. Ю. Учение и образ Стефана Пермского в культуре Руси / России XIV—XXI веков. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 218 с.

11. Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества : сб. науч. ст., посвященный 80-летию Э. С. Маркаряна / под общ. ред. А. В. Бондарева и Л. М. Мосоловой. СПб.: Изд-во СПбКО, 2010. 152 с.

12. Поликультурное пространство Российской Федерации : в 7 кн. Книга V. Культура Северо-Запада России / науч. рук. и гл. ред. серии Л. М. Мосолова; отв. ред. А. Ю. Чукуров. СПб.: Изд. дом «Петрополис», 2013. 267 с.

13. Покатилова И. В. Пластический фольклор в художественной культуре Якутии. Новосибирск: Наука, 2013. 184 с.

14. Фадеева И. Е. Теория и культурно-историческая феноменология символа : дис. ... д-ра культурол.: 24.00.01. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2004. 413 с.

15. Семиозис и культура : сб. науч. ст. / под общ. ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: Коми гос. пед. ин-т, 2005. Вып. 1. 296 с.
16. Семиозис и культура : сб. науч. ст. / под общ. ред. И. Е. Фадеевой. Сыктывкар: Коми пед. ин-т, 2006. Вып. 2. 362 с.
17. Семиозис и культура: лабиринты смысла. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 343 с.
18. Семиозис и культура: интеллектуальные практики / науч. ред. И. Е. Фадеева и В. А. Сулимов. Сыктывкар: Коми пединститут, 2013. 394 с.
19. Сорокин П. А. Моя философия — интегрализм // Социологические исследования. 1992. № 10. С. 134—139.
20. Кондаков И. В. Интерсубъективность культуры // Человек как субъект культуры / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2002. С. 152—186.
21. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации (Республика Коми). СПб.: Астерион, 2016. 200 с.
22. Мир культуры и культурология. Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. / отв. ред. А. В. Бондарев, И. В. Кондаков, И. В. Леонов. СПб.: Центр Гуманитарных инициатив, 2017—2018. Вып. VI. 656 с.
23. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Семиозис: Субъективная антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 252 с.

References

1. Bondarev A. V. The third birth of culturology: E.S. Markaryan's contribution to the development of a culturological theory of culture. Markaryan E.S. *Izbrannoe. Nauka o kul'ture i imperativy epohi* [Featured. Science of culture and imperatives of the era] / Otv. red. i sostavitel' A.V. Bondarev. Moscow; St. Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, Universitetskaya kniga, 2014, pp. 563—625. (In Russ.).
2. Bondarev A. V. Epistemological problems of studying History of culturology: research and educational aspects. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts], 2021, no 3 (101), pp. 6—22. (In Russ.).
3. Bondarev A. V., Venkova A. V. Professional communities of culturologists. *Prikladnaya kul'turologiya. Seriya «Enciklopediya kul'turologii» / Pod red. I. M. Byhovskoj* [Applied Culturology. Series "Encyclopedia of Culturology"]. Moscow: Soglasie, 2019, pp. 517—524. (In Russ.).
4. Bondarev A. V., Mosolova L. M. Scientific and toposes of culturology in the cultural landscape of St. Petersburg. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Wednesday. Development (Terra Humana)], 2021, no 3, pp. 61—72. (In Russ.).
5. Kondakov I. V. The current state of the sciences of culture in Russia: achievements, problems and outlook. «*Mir kul'tury i kul'turologiya*». *Al'manah Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshchestva Rossii. Vyp. IV*

["World of Culture and Culturology". Almanac of the Scientific and Educational Culturological Society of Russia. Issue. IV]. St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015, pp. 10—19. (In Russ.).

6. Mosolova L. M. Culturology in modern Russia. *Voprosy kul'turologii* [Issues of Culturology], 2016, no 12, pp. 8—19. (In Russ.).

7. *Perspektivy istoricheskoi i regional'noj kul'turologii v sovremennoj Rossii. Sbornik nauchnyh statej* [Outlook of historical and regional Culturology in modern Russia: Sat. scientific Art]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2019. 276 p. (In Russ.).

8. Sorokin P. A. *Dolgiy put': Avtobiograficheskij roman* / Per. s angl. P. P. Krotova, A. V. Lipskogo [The Long Way: An Autobiographical Novel]. Syktyvkar: Soyuz Zhurnalystov Komi ASSR: Shypas, 1991. 304 p. (In Russ.).

9. *Istoricheskoe proizvedenie kak fenomen kul'tury: sbornik nauchnyh statej* / Otv. red. A. Yu. Kotylev i A. A. Pavlov [Historical work as a phenomenon of culture: a collection of scientific articles]. Syktyvkar: Izd-vo KGPI, 2008. Vyp. 3. 167 p. (In Russ.).

10. Kotylev A. Yu. *Uchenie i obraz Stefana Permskogo v kul'ture Rusi / Rossii XIV — XXI vekov* [Teaching and image of Stephen of Perm in the culture of Russia / Russia of the 14th — 21st centuries]. Syktyvkar: Komi pedinstitut, 2012. 218 p. (In Russ.).

11. *Kul'turologiya i global'nye vyzovy sovremennosti: k razrabotke gumanisticheskoi ideologii samosohraneniya chelovechestva. Sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 80-letiyu E.S. Markaryana / Pod obshch. red. A.V. Bondareva i L.M. Mosolovoj* [Culturology and global challenges of our time: towards the development of a humanistic ideology of self-preservation of mankind: Sat. scientific Art., dedicated to the 80th anniversary of E. S. Markaryan]. St. Petersburg: Izd-vo SPbKO, 2010. 152 p. (In Russ.).

12. *Polikul'turnoe prostranstvo Rossijskoj Federacii v 7 knigah / Kul'tura Severo-Zapada Rossii. Kniga V / Nauch. ruk. i gl. red. serii L. M. Mosolova; otv. red. A. Yu. Chukurov.* [Multicultural space of the Russian Federation: in 7 books. / Culture of the North-West of Russia. Book V]. St. Petersburg: Izd. dom «Petropolis», 2013. 267 p. (In Russ.).

13. Pokatilova I. V. *Plasticheskij fol'klor v hudozhestvennoj kul'ture Yakutii* [Plastic folklore in the artistic culture of Yakutia]. Novosibirsk: Nauka, 2013. 184 p. (In Russ.).

14. Fadeeva I. E. *Teoriya i kul'turno-istoricheskaya fenomenologiya simvola* [Theory and cultural-historical phenomenology of the symbol]. SPb.: Ros. gos. ped. un-t im. A. I. Gercena, 2004. 413 p. (In Russ.).

15. *Semiozis i kul'tura: sb. nauch. st. Vyp. 1 / Pod obshch. red. I.E.Fadeevoj* [Semiosis and culture: Sat. scientific Art. Issue 1]. Syktyvkar: Komi gos. ped. in-t, 2005. 296 p. (In Russ.).

16. Semiozis i kul'tura: sb. nauch. st. Vyp. 2 / Pod obshch. red. I.E.Fadeevoj [Semiosis and culture: Sat. scientific Art. Issue 2]. Syktyvkar: Komi gos. ped. in-t, 2006. 362 p. (In Russ.).

17. Semiozis i kul'tura: labirinty smysla [Semiosis and Culture: Labyrinths of Meaning]. Syktyvkar: Komi gos. ped. in-t, 2012. 343 p. (In Russ.).

18. *Semiozis i kul'tura: intellektual'nye praktiki / Nauch. red. I. E. Fadeeva i V. A. Sulimov* [Semiosis and culture: intellectual practices]. Syktyvkar: Komi gos. ped. in-t, 2013. 394 p. (In Russ.).

19. Sorokin P. A. My Philosophy Is Integralism. *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], 1992, no 10, pp. 134—139. (In Russ.).

20. Kondakov I. V. Intersubjectivity of culture. *Chelovek kak sub'ekt kul'tury / otv. red. E. V. Sajko* [Man as a subject of culture]. Moscow: Nauka, 2002, pp. 152—186. (In Russ.).

21. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. *Chelovek v kul'ture Severa: ot moderna k modernizacii (Respublika Komi)* [Man in the culture of the North: from modernity to modernization (Komi Republic)]. St. Petersburg: Asterion, 2016. 200 p. (In Russ.).

22. «Mir kul'tury i kul'turologiya». *Al'manah Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshchestva Rossii. Vyp. VI / Otv. red. A. V. Bondarev, I. V. Kondakov, I. V. Leonov* ["The world of culture and Culturology". Almanac of the Scientific and Educational Culturological Society of Russia. Issue. VI]. St. Petersburg: Centr Gumanitarnyh iniciativ, 2017—2018. 656 p. (In Russ.).

23. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. *Semiozis: Sub'ektivnaya antropologiya simbolicheskoj real'nosti* [Semiosis: Subjective Anthropology of a symbolic reality]. St. Petersburg: Asterion, 2013. 252 p. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about the authors

Мосолова Любовь Михайловна

доктор искусствоведения, почётный профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, заслуженный работник высшей школы РФ, SPIN-код: 7490-2399 191186,

Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48

Lubov M. Mosolova

Doctor of Art History, Honorary Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation

48, Emb. river Moika, St. Petersburg, 191186, Russia

Бондарев Алексей Владимирович

Alexey V. Bondarev

кандидат культурологии, доцент
кафедры теории и истории культуры,
Российский государственный
педагогический университет им. А.И.
Герцена

Ph. D. in Culturology, Associate
Professor of the Department of
Theory and History of Culture of
Herzen State Pedagogical University
of Russia

191186, Россия, Санкт-Петербург, наб.
реки Мойки, 48

48, Emb. river Moika, St. Petersburg,
191186, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

15.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

26.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

28.02.2022

Научное наследие Ирины Евгеньевны Фадеевой и Владимира Александровича Сулимова одновременно концептуально и конкретно. Занимаясь не частными описательными штудиями, а культурологией как подлинной теорией культуры, они предлагали рассматривать историю культуры в совокупности процессов семантизации и текстопорождения. При кажущейся сложности, этот тезис с успехом сегодня развивается в частных исследованиях культурологов, пытающихся за конкретными артефактами увидеть иной смысл, выявить их символические ресурсы, прочесть эстетический код культуры. Сложные системные концепты обретают подлинную жизнь тогда, когда они становятся очевидной тканью многообразных локальных исследований, и в таких произведениях продолжает жить часть выдающихся сыктывкарских культурологов, сумевших внести вклад в культурологию как актуальную науку на рубеже XX—XXI веков.

Научная статья / Original article

УДК 792.8

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-59>

Еще одна «Баядерка»: образы индийской храмовой танцовщицы в советской театральной культуре

Сапанжа Ольга Сергеевна

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, sapanzha@mail.ru

Аннотация. *В статье рассматриваются некоторые постановки музыкальных и драматических театров в советский период, главной героиней которых является баядерка — храмовая танцовщица. Образ баядерки, пришедший из Индии и появившийся в театральной культуре в XVII в. и получивший европейское название, на советской сцене приобрел специфический характер, а само обращение к этим образам было связано с интересом к культуре Индии в контексте решения политических задач. В 1920-е гг. основные произведения были представлены на сценах музыкальных театров — балет «Баядерка» Л. Минкуса и оперетта «Баядерка» И. Кальмана, но особенно ярко интерес к индийской культуре и ее репрезентации на театральной сцене проявляется после 1950 г. — установления дипломатических отношений между СССР и Индией. Основой для создания новых театральных произведений становится не фантазийная экзотическая стра-*

на, а Индия, основанная на интерпретации литературных текстов. Образ баядерки занимает центральное место в драматическом спектакле «Белый лотос» по мотивам пьесы «Глиняная повозка» древнеиндийского драматурга Шудраки. Кроме того, разрабатываются либретто новых балетов на темы Индии, в которых присутствует образ танцовщицы. На основе анализа либретто нереализованных балетов Кировского театра («Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты») делается вывод о роли и значении балета как элемента культурной политики и дипломатии, реагирующего на актуальные политические задачи. В статье впервые представлено либретто нереализованного балета «Индийская легенда» (1964) — еще одного опыта осмысления образа баядерки средствами театра. Четыре варианта образа баядерки — классического балета XIX века, продолжающего театральную жизнь в XX веке, оперетты 1920-х гг., драматического спектакля 1950-х гг. и нереализованного балетного спектакля 1960-х гг. — позволяют сделать вывод о достаточно интенсивном обращении театрального искусства к образу храмовой танцовщицы как источника экзотического сюжета и любовной линии, осложненной кастовыми различиями. При этом в рамках причудливых сюжетов авторам спектаклей удавалось решать актуальные задачи советской культурной политики.

Ключевые слова: баядерка, баядера, театральная культура, советский балет, советская оперетта, советский драматический театр, Индия

Для цитирования: Сапанжа О. С. Еще одна «Баядерка»: образы индийской храмовой танцовщицы в советской театральной культуре // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 59—78. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-59>

Another “La Bayadère»: Images of an Indian Temple Dancer in Soviet Theatrical Culture

Olga S. Sapanzha

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
sapanzha@mail.ru

Abstract. Some productions of musical and drama theaters in the Soviet period, the main character of which is the bayadère, are the focus of this paper. The image of the bayadère, which came from India and appeared in theatrical culture in the 17th century, acquired a specific character on the Soviet stage, and the very appeal to these images was associated with an interest in the culture of India. In the 1920s, the main works were presented on the stages of musical theaters — the ballet “La Bayadère” by L. Minkus and the operetta “La Bayadere” by I. Kalman, but the interest in Indian culture and its representation on the theater stage is especially vivid after 1950 — the establishment of diplomatic relations between the

USSR and India. The basis for the creation of new theatrical works is not fantasy exotic India, but India based on the interpretation of literary texts. The image of the bayadère occupies a central place in the dramatic play “The White Lotus” based on the play “The Clay Cart” by the ancient Indian playwright Shudraka. In addition, the libretto of new ballets on the themes of India, in which the image of a dancer is present, is being developed. Based on the analysis of the libretto of the unrealized ballets of the Kirov Theater (“Miracle of India”, “Daughter of India”, “Dancer from Calcutta”), a conclusion is made about the role and significance of ballet as an element of cultural policy and diplomacy that responds to current political tasks. The article presents for the first time the libretto of the unrealized ballet “Indian Legend” (1964) — another attempt to comprehend the image of a bayadère by means of the theater. Four variants of the image of a bayadère — a classical ballet of the 19th century, continuing the theatrical life in the 20th century, an operetta of the 1920s, a dramatic performance of the 1950s. and an unrealized ballet performance of the 1960s. allow us to conclude that theatrical art has rather intensively turned to the image of a temple dancer as a source of an exotic plot and a love line complicated by caste differences. At the same time, within the framework of bizarre plots, the authors of the performances managed to solve the urgent problems of Soviet cultural policy.

Keywords: bayadère, theatrical culture, Soviet ballet, Soviet operetta, Soviet drama theater, India

For citation: Sapanzha O. S. Another “La Bayadère»: Images of an Indian Temple Dancer in Soviet Theatrical Culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 1:59—78 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-59>

Введение. Образы Индии — сказочной и загадочной, традиционно занимали в театральной культуре значительное место. Фигура баядерки — храмовой танцовщицы, была особенно привлекательной для театрального искусства, она позволяла представить на сцене экзотическую культуру, наполнить произведение восточным колоритом, включить естественным образом в театральное действие танец. Само понятие «баядерка», или «баядера», этимология которого с XVI в. связана с португальским словом *bailadera*, т. е. танцовщица, стало европейским наименованием девадаси (или дэвадаси — с санскрита *deva* — бог и *dâsî* — рабыня) — девушек, получающих специальное воспитание, живущих в Индии при храмах и посвящавших себя служению божеству. Понятно, что в европейском искусстве образ обрел свои черты, весьма далекие от подлинной Индии. Не удивительно, что, когда в 1838 г. пять настоящих де-

вадаси из храма Вишну региона Пондишери на юге Индии приехали во Францию на гастроли по Европе, парижская публика не поверила, что они подлинные танцовщицы из Индии — настолько они отличались от сложившегося канона [1, с. 27].

В современном искусствознании и филологии достаточно полно изучены хореографические решения реализованных постановок, в которых главным действующим лицом является храмовая танцовщица («Баядерка»), образная система драматических спектаклей («Белый лотос»), однако анализ осуществленных и неосуществленных постановок как элемента культурной политики не представлен, что определяет актуальность культурологического анализа выбранного сюжета.

«Баядерки» в XVIII—XIX вв.: сложение канона. На европейской сцене образ «индианки», как считается, впервые появился в постановке балета «Триумф любви» Ж.-Б. Люлли, представленного в 1681 г. при дворе Людовика XIV. Путь же баядерки как персонажа романтических музыкальных произведений, по мнению исследователей, начинается в 1798 г., когда в ежегоднике «Альманах муз» была опубликована баллада И. В. Гете «Бог и баядерка. Индийская легенда», ставшая основой музыки К. Ф. Цельтера. В 1810 г. в Театре искусств состоялась премьера оперы-балета «Баядерка» Ш. С. Кетеля, в 1830 г. — также оперы-балета «Бог и баядерка, или Влюбленная куртизанка» Д. Обера, в котором партию баядерки Золои исполнила Мария Тальони, ставшая на долгие годы эталоном исполнения индийского танца [1, с. 26]. Именно после ее исполнения европейская публика отказывалась признать в подлинных девадаси индийских храмовых танцовщиц.

В 1877 г. началась история «Баядерки», имевшей самую долгую и блестящую сценическую судьбу — в Санкт-Петербурге в Большом (Каменном) театре состоялась премьера знаменитого балета Мариуса Петипа, поставленного для бенефиса балерины Екатерины Вазем. В 1900 г. спектакль был возобновлен в новых декорациях на сцене Мариинского театра, в 1917 г. в московском Большом театре была представлена редакция Александра Горского.

Истории «Баядерки» М. Петипа и ее судьбе на сценах императорских театров современное искусствоведение уделяет довольно много внимания (Б. А. Илларионов, Н. Н. Зозулина, Т. Леуччи), как и последующей судьбе балета в XX в., утратившего четвертый акт со

сценой возмездия. Именно эта «Баядерка» по праву считается самым ярким произведением европейской культуры, представляющим образ храмовой танцовщицы, однако не единственным — XX столетие предложило и иные варианты «Баядерок» в театральной культуре.

«Баядерки» на сцене советских театров. Отметим в скобках, что образ баядерки привлекал не только режиссеров музыкального театра. Едва появившись, искусство кинематографа тоже представило свое видение образа восточной танцовщицы. В 1913 г. выходит фильм (кинемо-роман) «Глаза баядерки» по роману А. Клермана «Потерянное ожерелье» режиссера Георга Якоби (общество «Биоскоп» и товарищество «Танагра», фильм снимался в Берлине с участием русских актеров). Действие происходит в Европе, но на костюмированном балу прелестная и жестокосердная госпожа Лу Адамович появляется в костюме баядерки и сражает молодого художника Ганса Дорна, который затем создает ее портрет в этом образе [2, с. 44—45]. Здесь, как видим, Индия и образ храмовой танцовщицы присутствуют совсем опосредованно, становясь лишь частью карнавала.

В 1921 г. началась история «Баядеры» в мировом музыкальном театре легкого жанра — премьера оперетты Имре Кальмана с таким названием состоялась в венском Карл-театре (авторы либретто — Ю. Браммер и А. Грюнвальд). Вскоре началось триумфальное шествие оперетты по сценическим площадкам, в том числе Советского Союза. В советский период, казалось, образ чарующей танцовщицы не мог стать актуальным для театрального искусства, однако НЭП легко воспринял новую «Баядерку» в жанре оперетты. Прямые ноты Востока и веселый Париж, любовь индийского принца и актрисы-танцовщицы вполне соответствовали духу новой экономической политики, а визуальная эстетика — изысканному ар-деко. В 1920-е гг. оперетта шла на московской сцене под более привычным публике названием «Баядерка». Вариант либретто на русском языке написали Р. И. Тихомиров и С. Б. Фогельсон. Мелодии оперетты были столь популярны, что ноты и тексты продавались отдельными изданиями. Клавир был издан в Ленинграде в 1926 году, однако ранее арии оперетты выпускались отдельными брошюрами. Таково, например, издание для пения и фортепиано с русским текстом в переводе Павла Германа, изданное в 1924 г. в Кие-

ве [3]. Образ баядерки на обложке напоминает скульптурные работы Д. Чипаруса, в нем декларативно представлены принципы европейской моды 1920-х гг., воплощавшей представление о восточной культуре и новой рафинированной эстетике. Сюжетно новая «Баядерка» также представляла собой интересный вариант перемещения индийской темы в европейское культурное пространство: восточный принц Раджами покорен примадонной Парижского варьете Одеттой Даримонд. Такая сюжетная линия позволяла соединить интерес к восточной экзотике и парижский шик, характерный для ар-деко.

Между тем в советском балетном театре 1920—1930-х гг. продолжалась и история классической «Баядерки» Л. Минкуса. В 1920-е гг. с перерывами (иногда на год — например, в 1923 г.) «Баядерка» шла на сцене петроградского-ленинградского театра — то в трехактном, то в четырехактном исполнении. В 1929 г. состоялось последнее представление, которое должно было завершить сценическую жизнь балета. В 1930 г. на заседании художественно-политического совета балетной труппы прозвучало предложение снять с репертуара «Баядерку» как балет, не имеющий художественной ценности, пропагандирующий эстетство и воспитывающий мещанские чувства. Тем не менее, в декабре 1932 г. и в январе 1933 г. состоялись два представления балета, связанные с гастролями Марины Семеновой — тогда уже балерины Большого театра СССР [4, с. 28]. Затем «Баядерка» была забыта почти на десять лет.

Новая история «Баядерки», поставленной Вахтангом Чебукиани на основе хореографического текста Мариуса Петипа, сохраненного Владимиром Пономаревым, началась в 1941 г. — тогда на сцене ленинградского Кировского театра была представлена версия балета, окончательно утвердившая трехактную постановку и сюжетный порядок без финальной сцены возмездия [5, с. 22]. Балет снова стал одним из важнейших в репертуаре ленинградского театра, хотя до начала 1990-х гг. ни разу не представлялся в полном виде на зарубежных гастролях [6, с. 29—30]¹.

Новый этап театрального освоения образов индийской культуры начинается в послевоенный период. Причины этого интере-

¹ О причинах (от идейной незрелости либретто до невозможности вывезти декорации 1900 года, имеющих статус музейных ценностей) размышляет Б. А. Илларионов [6].

са были связаны с изменившимся местом Индии в пространстве советской культуры [7]. В 1947 г. Советский Союз и получившая независимость Индия устанавливают дипломатические отношения. Когда в 1960-е гг. Индия становится самым крупным некоммунистическим торговым партнером СССР [8, с. 621], представление об индийской культуре вполне сложилось практически у каждого советского гражданина благодаря публикациям в журналах («Огонек», «Советский Союз», позднее — специализированный журнал «Индия»), кино и телевидению (фильм «Бродяга» в советском прокате стал третьим зарубежным фильмом по количеству посещений), товарам массового производства (чай, аксессуары), произведениям декоративного промышленного искусства (тиражный фарфор с образами руководителей Индии — Джавахарлала Неру и Индиры Ганди и простых индийцев — танцующих или занимающихся повседневными делами) [7, с. 24—26]. Не удивительно, что в области театрального искусства — менее массового, чем экранные искусства, но тем не менее занимающего важное место в пантеоне советских искусств, тоже должны были появиться актуальные произведения на сюжеты индийской истории и культуры. В этих произведениях нашел отражение и уже известный благодаря балету и оперетте образ баядерки — храмовой танцовщицы.

В 1948 г. происходит возвращение на сцену Кировского театра балета «Баядерка» с новыми танцами — дуэтом Никии и раба и вариацией Золотого божка. В 1979 г. Центральное телевидение СССР осуществило съемку балета с Габриэлой Комлевой, Татьяной Тереховой и Реджепом Абдыевым в главных партиях, включив этот старинный, классический балет ленинградского «хореографического Эрмитажа»¹ в пространство массовой телевизионной (а сегодня — и сетевой) культуры.

Опыт сценического воплощения образа храмовой танцовщицы на советской театральной драматической сцене был связан с обращением к индийскому первоисточнику — одному из самых значительных произведений древнеиндийской драматургии — пьесе «Глиняная повозка» («Мриччхакатика»). Автором пьесы считают Шудраки, который жил в период от IV до начала VIII века н. э. Если

¹ Выражение Олега Виноградова, с 1977 г. художественного руководителя балетной труппы и главного балетмейстера Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

в случае с балетом и опереттой сюжет был фантазийный, представляющий в первом случае сказочную Индию чудес, а во втором — понятный и манящий Париж, в котором разворачивается любовная драма, то постановка пьесы «Белый лотос» продемонстрировала интерес к подлинной древней истории. Отметим, что актуализированная древность в послевоенный период в целом стала важным маркером имперского Советского Союза. Можно предположить, что и древняя история стран-партнеров (а именно таким крупным партнером была Индия, политический и культурный статусы которой рассматривались в контексте концепции сотрудничества с «неприсоединившимися странами», не входящими в военные блоки) приобретала особенно важное и серьезное значение.

Итак, обращение к древнему сюжету в этой связи вполне показательно. Премьера спектакля «Белый лотос»¹ состоялась 21 октября 1956 г. в московском драматическом театре им. А. С. Пушкина. В основе сюжетного действия пьесы — благородная, чистая любовь разорившегося брамина Чарудатты к баядере Васантасене, грубая животная страсть и гнусные интриги сластолюбивого царского шурина Санстанани, победоносное восстание низов против ненавистного народу царя, возглавленное мужественным пастухом Арьякой. Критики отмечали, что, «несмотря на значительное обновление, пьеса сохранила колорит седой старины и прелесть наивной, но благородной поэтики древнего эпоса»². Успех спектакля продемонстрировал, что обращение к «седой старине» вполне продуктивно и классический сюжет может быть использован в иных театральных постановках, особенно если он содержит сцены восставшего народа.

Попытки переложить драматический спектакль и пьесу на старинный индийский сюжет на язык балета были предприняты и в Кировском театре. Хотя «Баядерка», как уже отмечалось, имела для

¹ Пьеса «Белый лотос» написана В. В. Винниковым и Ю. А. Осносом по мотивам древнеиндийского драматического эпоса Шудрака «Глиняная повозочка». Спектакль был поставлен в театре им. А. С. Пушкина заслуженным деятелем искусств И. М. Тумановым и режиссером М. Л. Лейн, художник спектакля — Е. К. Коваленко.

² URL: <https://teatrpushkin.ru/spektakli/detail/belyy-lotos/> Первые рецензии на спектакль были подготовлены Ю. И. Волчком — театральным критиком, публицистом, лектором.

Ленинграда особое значение, тем не менее, в 1950—1960-х гг. руководство театра рассматривало варианты постановки нового балета на «индийский сюжет». Более того — спектакль должен был соответствовать актуальному политическому контексту, отражать вектор политической дипломатии и стать частью дипломатии культурной. Начиная с середины 1950-х гг. советский балет был включен как в процессы формирования внутренней культурной политики, являлся частью программы по формированию советского культурного человека, так и рассматривался как дипломатический инструмент — средство укрепления мира и дружбы. Поскольку Индия была важным партнером Советского Союза, то постановка балета, который, с одной стороны, обеспечивал еще один канал распространения знаний и представлений об Индии внутри страны, а с другой — мог стать спектаклем для визитов дипломатических миссий в театр и гастролей за рубеж, была стратегической задачей и факт активной разработки новых тем и сюжетов для постановок на сцене ведущего ленинградского театра можно признать закономерным шагом на пути поиска механизмов представления Индии, ее истории и культуры в публичном пространстве.

Классическая «Баядерка» императорского театра не могла в полной мере решить актуальные политические задачи, а им была подчинена репертуарная политика театров. Более того — даже если культура той или иной страны в обобщенном виде была представлена на балетной сцене, это не мешало создавать советским композиторам балеты, обращенные к литературным произведениям. Например, в императорском балете Испания была представлена балетом Л. Минкуса «Дон Кихот», который занял важное место и в репертуаре советских театров, что не помешало Александру Крейну обратиться к пьесе «Овечий источник» испанского драматурга Лопе де Веги и создать в 1939 г. балет «Лауренсия». Выбор именно сюжета испанской литературы был неслучаен и объяснялся совсем не отсутствием испанских сюжетов на балетной сцене. Причина заключалась в политических событиях. Балет был заказан композитору Большим театром в 1936 г. — в год начала Гражданской войны в Испании, а премьера балета состоялась в Кировском театре в 1939 г. — в год ее окончания. Вахтанг Чабукиани, поставивший этот балет, отмечал, что его, в первую очередь, увлекает мысль о работе над спектаклем о новой Испании, о борьбе испанского наро-

да за свою свободу и независимость. Испанский колорит становился фоном, а сутью — борьба испанского народа. Как видим, обращение к сюжету начала XVII в. не было помехой для создания актуального с политической точки зрения спектакля. Активная вовлеченность в события Гражданской войны в Испании в советском обществе требовала создания новых произведений в различных видах искусства — литературе, изобразительном искусстве, искусствах сценических.

Похожая ситуация складывается в 1950-х гг. в связи с установлением дипломатических отношений с Индией и началом кампании по формированию позитивного облика этой страны. В советских театрах практика создания альтернативных вариантов новых постановок была достаточно распространенной — она позволяла выбирать из широкого веера предложений. Первая попытка создания нового актуального балета об Индии относится к 1950 г. и связана с созданием Э. Аленник либретто «Чудо Индии» [9]. В этот период Индия уже формально обрела независимость, но пока не обрела статус безусловно дружественной страны. Неопределенность отношений между странами вполне отражена в содержании спектакля, в котором центральным событием является забастовка на предприятии, которым фактически, несмотря на уход, продолжают владеть англичане. Общие лексические формулы («ограбленный, лишенный крова, доведенный до предела нищеты, но пронесший сквозь века унижения и гнета волю к свободе, народ Индии, скорбный и гневный, встает под красные знамена пролетарской революции» [9, л.3]) пока идентичны лозунгам агитационных брошюр серии «Революционное движение в странах капитала», «Капиталистический мир» и т. д. Образ танцовщицы в этом балете присутствует, но это не храмовая танцовщица, а народная плясунья Саси, которая танцует перед собравшимся простым народом, а полученную лепешку отдает голодному брату-рикше.

Следующая попытка создать балет на актуальные темы истории и культуры Индии относится к 1956 г. М. В. Агатов и Л. М. Лубнин создают либретто балета «Дочь Индии» [10]. К середине 1950-х гг. отношения между Советским Союзом и Индией приобретают вполне определенный характер, и это недвусмысленным образом отражается на содержании балета. Во-первых, действие переносится пусть в недалекое, но прошлое. В предисловии к балету

указывается, что речь идет «о недавней борьбе индийского народа за свою свободу» [10, л. 2]. Поскольку Индия стала дружественной страной, в которой решаются все противоречия, то политический конфликт мог быть перенесен только в прошлое: охотник Найдумай вместе с индийскими патриотами борется за свободу своей дочери Доби. Характерно, что и в этом балете появляется образ танцовщицы, но опять-таки не храмовой. Доби — цирковая танцовщица и вместе со своим отцом занимается распространением листовок. Финальная сцена становится массовым танцем победившего народа.

Слишком прямолинейные, сиюминутные решения содержания балетов, основанные на политике текущего момента, вероятно, стали основной причиной отказа в дальнейшей работе над постановками. При малейшей смене конъюнктуры содержание переставало быть актуальным и требовалась серьезная переработка либретто.

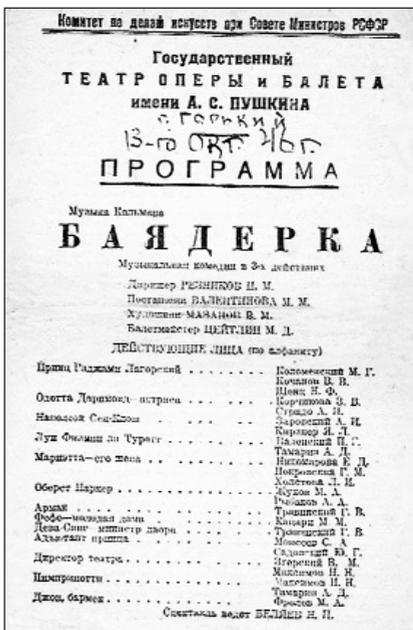
Между тем отношения Индии и Советского Союза укреплялись, и задача создания балета на индийский сюжет не теряла актуальности. В начале 1960-х гг. Н. Канин предлагает либретто балета «Танцовщица из Калькутты». Автор предлагает проверенный ход — обратиться к литературному первоисточнику, и в качестве основы выбирает роман Х. А. Аббаса «Завтра принадлежит нам» (1945) [11]. Показательно, что в предисловии к сценарию Н. Канин как раз обращает внимание на факт наличия только одного балета, посвященного Индии — «Баядерка» Л. Минкуса, который «по своему содержанию безнадежно архаичен и ничего общего с подлинной Индией не имеет» [11, л. 2]. Однако, несмотря на обещание автора заполнить пробел в репертуаре и предложить замену «Баядерке», и этот балет содержит немало сиюминутного, например сатирическое изображение американской молодежи, танцующей под буги-вуги («пары начинают танцевать странный дергающий танец» [11, л. 8]), появление популярного образа голубя мира и т. д. Главная героиня этого балета — тоже танцовщица. На этот раз зрителю предлагают образ Румпати, которая в начале балета выступает перед богатой публикой в Гранд-театре в Калькутте, а в финале танцует в Народном театре вместе с советской балериной Степановой [12]¹.

¹ Подробное описание балетов «Чудо Индии», «Дочь Индии» и «Танцовщица из Калькутты» см. в статье «Советский балет в системе культурной дипломатии: три неосуществленных спектакля Государственного академического теа-

1. Обложка издания «Баядерка. Оперетта в 3-х актах. Русский текст в переводе Павла Германа. Музыка Эммериха Кальмана. Киев. 1924».

1. Cover page of "La Bayadère. The Operetta in 3 Acts. The Russian Libretto Translated by Pavel German. Music by Imre Kalman. Kiev. 1924".

2. Программа оперетты «Баядерка». Государственный театр оперы и балета им. А. С. Пушкина. г. Горький. 1946 г.

2. "La Bayadère" Operetta Bill Listing. A. S. Pushkin Opera and Ballet State Theatre. Gorky City. 1946.

Неизвестное либретто балета о баядерке. Такая активность в разработке либретто балетов об Индии позволяет говорить о серьезном государственном запросе на разработку темы о дружественной стране. Обилие сиюминутных деталей и устаревшие сюжетные и сценографические решения определили отказ в дальнейшем рассмотрении представленных руководству театров либретто, однако не остановили попыток создать произведение, которое мог-

тра оперы и балета им. С. М. Кирова («Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты»)» [12].

ло бы тягаться с классической «Баядеркой» Л. Минкуса. Выход, казалось, был очевиден — необходимо было создать балет, в котором центральным персонажем была бы не просто танцовщица (этот образ, как мы видим, является сквозным и присутствует во всех вариантах либретто балетов), а именно храмовая танцовщица — баядерка. Сюжетной основой должен стать не остроактуальный сюжет (как в «Чуде Индии»), и даже не произведение современной литературы (как в «Танцовщице из Калькутты»), а легенда, уходящая вглубь веков. Такой попыткой стала идея балета «Индийская легенда», либретто которого было создано в 1964 г. сценаристом «Белого лотоса» Ю. А. Осносом [14]. На титульном листе, в отличие от предыдущих вариантов, указано и имя композитора — В. А. Гевиксман. Возможно, речь шла о развитии для балета созданных композитором симфонической поэмы «Индийская рапсодия» (1952) и симфонической сюиты «Индийские картины» (1954) на основе индийского фольклора и народных тем.

В предисловии к либретто Ю. А. Оснос объясняет выбор сюжета следующим образом: «Предлагаемое либретто основано на классическом древнеиндийском эпосе «Глиняная повозка», являющимся национальной гордостью народа Индии. Мотивы этого эпоса были использованы в драматической форме в пьесе «Белый лотос», поставленной в 1956 г. в Москве театром имени Пушкина и чрезвычайно тепло встреченной как советской, так и индийской общественностью. Появление образов «Глиняной повозки» на советской сцене было отмечено всеми ведущими газетами Индии. Вице-президент Индии Радхакришнан, приезжавший в Москву, и посол Индии в СССР К. Менон выразили в нашей печати благодарность деятелям советского искусства, посвятившим свои усилия сценическому воплощению классического творения индийской культуры. Настоящее либретто представляет собой самостоятельное произведение балетного жанра, совпадая с пьесой "Белый лотос" лишь в той мере, в какой это обусловлено единством первоисточника» [13, л. 1].

Поскольку сценарий балета не был опубликован и балет не был поставлен на сцене, кратко изложим предложенный содержательный план.

Первая картина балета представляет площадь у дома Чарудатты — благородного и ученого молодого брамина. На площади

торговец-ювелир предлагает драгоценности, толпу потешает оборванец — добродушный плут. Отдельные сцены иллюстрируют всевластие и произвол раджи Санстанак и его приспешников. Руководитель готовящегося народного восстания Арьяка вступает за одного из обиженных бедняков и разжигает негодование народа. Стражники хватают его. Друг Арьяки Шарвила пытается подкупить стражников, но те отказываются, так как денег предложено слишком мало. В это время в другом конце площади возникает драка — два шулера избивают проигравшего в кости оборванца.

Во второй сцене первой картины на площади появляется храмовая танцовщица — баядера Васантасена со служанкой Маданикой. Она помогает откупиться оборванцу, и народ приветствует ее. Автор либретто отмечает: «Замечательная танцовщица Васантасена давно любима народом за свое искусство, красоту и духовное благородство. Васантасена покупает у ювелира жемчужное ожерелье и надевает его».

Далее на площадь врываются телохранители раджи Санстанак. Васантасена пытается убежать, но Санстанак требует, чтобы она отправилась с ним во дворец. Васантасена отказывается, но Санстанак показывает на изображение божества. Васантасена — баядера и обязана подчиниться, ведь подчинение требованиям Раджи — это религиозные и кастовые законы страны.

Маданика бросается за защитой к дому Чарудатты. Тот вырывает Васантасену из рук Санстанак и уводит рыдающую баядеру в свой дом. Маданика поднимает разорванное ожерелье и тоже идет в дом.

Вторая картина представляет сад позади дома Чарудатты. В Чарудатте зарождается любовь к баядере. Он обнаруживает забытое ожерелье, это прекрасный повод увидеться с танцовщицей. За Чарудатой наблюдает мятежник Шарвила. Он выхватывает ожерелье и убегает.

В третьей картине в доме Васантасены появляется Шарвила — возлюбленный Маданики. Он говорит, что должен освободить Арьяку и возглавить восстание. В качестве выкупа он показывает ожерелье. Когда приходит Чарудатта, история с ожерельем раскрывается и Чарудатта дает деньги для выкупа, за что Шарвила горячо его благодарит.

3. Обложка издания «Баядерка. Балет в 3 действиях, 5 картинах. Краткое содержание балета. Л.: Государственное музыкальное издательство, 1954».

3. Cover page “La Bayadère. The Ballet in 3 Acts, 5 Scenes. Precis of the Ballet. Leningrad: State Music Publishing House, 1954”.

4. Программа балета «Баядерка». Театр им. С. М. Кирова. 4 марта 1959 г.

4. “La Bayadère” Bill Listing. S. M. Kirov Theatre. March 4, 1959.

Чарудатта и Васантесена обмениваются браслетом и ожерельем — залогом любви. Но для баядеры любовь свободных людей недоступна, ведь закон не разрешает баядерам вступать в брак. Возлюбленные решают бежать, чтобы соединить свои судьбы. Чарудатта уходит готовить побег, а Маданика помогает Васантесене собраться в дорогу.

Четвертая картина представляет улицу перед домом Васантасены. Ночь. Гроза. Майтрея и возница ждут Васантасену. Появляет-

ся Санстанака, он хочет похитить Васантасену. Увидев коляску, он приказывает слугам схватить Майтрею и возницу и сменить покрывала на колясках. Васантасена выходит и садится в коляску раджи. Коляска уезжает. Выбегает избитый Майтейя, он охвачен отчаянием. Появляются Арьяка и Шарвила. Увидев коляску, они решают бежать на ней. Майтея говорит вознице везти украшенную царским покрывалом коляску, куда скажет Арьяка.

Пятая картина представляет загородный сад. Санстанака поджидает коляску с Васантасеной. Васантасена выходит, ожидая встречи с любимым, однако навстречу ей выбегает Санстанака. Васантасена в его объятиях, она в ужасе. Санстанака грубо домогается любви Васантасены. Встретив ненависть и презрение, раджа душил Васантасену. Он испуган содеянным и прячет тело в зарослях. Слышатся шаги, Санстанака удирает.

Входят Майтрея и Чарудата. Майтрея рассказывает Чарудатте о похищении Васантасены. Чарудата вне себя от горя. Возвращается Санстанака со стражниками. По приказу раджи стражники бросаются на Чарудатту. В ходе стычки стражники находят ожерелье и показывают его Санстанাকে. Тот берет ожерелье, раздвигает заросли и показывает тело. Он указывает на Чарудатту: вот убийца Васантасены! Майтрея бросается на Сантанаку, и тот закалывает его. Санстанака уходит. Стражники уводят Чарудатту.

Появляется оборванец. Он видит убитого Майтрею, подходит к Васантасене, склоняется над ней, и она неожиданно делает слабое движение.

Шестая картина представляет лагерь Арьяки. Повстанцы ожидают вождя. Появляются Арьяка и Шарвила. Их радостно встречают воинственными танцами. Идет подготовка к наступлению.

Седьмая картина — это место казни. Привозят Чарудатту в клетке смертников. Он подавлен гибелью Васантасены и безучастен ко всему. Палачи, сочувствуя любимцу города Чарудатте, оттягивают казнь. Приходит Санстанака и торопит их. Над головой Чарудатты занесен меч. Врывается Арьяка во главе победоносных повстанцев. Санстанака схвачен. Появляются оборванец и спасенная им Васантасена. Народ ликует и приветствует союз Чарудатты и Васантасены, ставший возможным благодаря его победе [14, л. 2—6].

Как видим, либретто для балетного спектакля достаточно подробное, перегруженное деталями, и, возможно, это стало причи-

ной отказа от дальнейшей работы над перспективным сюжетом. Однако важно отметить ряд моментов. Во-первых, это обращение к сюжету древнеиндийской литературы, подтверждающей «подлинность» сюжета, его связь с национальной традицией и культурой — в отличие от либретто балета и оперетты «Баядерка», где Индия становилась лишь красочной и экзотической канвой сюжетной линии. Во-вторых, сюжет древней литературы позволял избежать необходимости переделывать и уточнять либретто при изменении политической ситуации. В-третьих, главной героиней произведения оказывалась баядерка — образ, который уже имел определенные коннотации и легко воспринимался зрителем.

Заключение. Образ баядерки — индийской храмовой танцовщицы, как видим, оказался достаточно популярным в театральной культуре XX в. и был представлен на сцене и музыкального, и драматического театров. При этом каждое новое произведение предлагало образ, актуальный для текущей культурной политики. В 1920-х гг. успехом пользовалась оперетта И. Кальмана «Баядерка», соответствовавшая общему духу НЭПа. Показательно, что в дальнейшем в советской популярной культуре эта оперетта не входила в число известных и экранизируемых оперетт И. Кальмана (экранизировались оперетты «Сильва», «Принцесса цирка», «Марица», «Фиалка Монмартра»). Классический балет «Баядерка» Л. Минкуса оставался в репертуаре Кировского театра, однако не вывозился целиком за рубеж в рамках гастрольных туров.

В 1950—1960-х гг. в связи с установлением дипломатических отношений и началом широкого сотрудничества Советского Союза и Индии предпринимаются попытки представить индийскую историю и культуру на театральной сцене в спектаклях, основанных на произведениях классической индийской литературы. Таким спектаклем стала пьеса «Белый лотос», одним из центральных образов которого стала фигура баядерки Васантасены. Параллельно идут поиски новых сюжетов в искусстве балета, разрабатываются либретто балетов «Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты», в которых присутствуют образы танцовщиц.

Сюжет пьесы «Глиняная повозка» древнеиндийского автора Шудраки становится основой для либретто балета «Индийская легенда», в которой также присутствует образ баядерки. Еще одна не-

известная «Баядерка» («Индийская легенда») 1964 г. стала логичным продолжением галереи образов храмовых танцовщиц Индии, которые к этому времени были представлены на театральной сцене — в балете М. Петипа «Баядерка» (1877), оперетте И. Кальмана «Баядера» (1921) и драматическом спектакле «Белый лотос» (1956).

Список источников

1. Леуччи Т. Наследие романтизма и ориентализма в балетах Мариуса Петипа с индийским мотивом: «Баядерка» (1877) и «Талисман» (1889) // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2019. № 6 (65). С. 22—32.
2. Описание новых картин // Вестник кинематографии. 1913. № 20. С. 44—45.
3. Баядерка : оперетта в 3-х актах / русский текст в переводе Павла Германа; музыка Эммериха Кальмана. Киев, 1924.
4. Зозулина Н. Н. «Баядерка» М. Петипа: к вопросу о четвертом акте балета // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2018. № 5 (58). С. 26—39.
5. Илларионов Б. А. «Баядерка»: структура и судьба // Academia: танец, музыка, театр, образование. 2019. № 1(47). С. 21—23.
6. Илларионов Б. А. «Баядерка»: три или четыре? // Вестник Академии русского балета им. А. Я. Вагановой. 2017. № 4 (51). С. 28—39.
7. Сапанжа О. С. Образы Индии в советской повседневной культуре 1950—1960-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 4 (37). С. 22—27.
8. Юрлов Н. Ф., Юрлова Е. С. История Индии. XX век. М.: Институт Востоковедения РАН, 2010. 920 с.
9. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее — ЦГАЛИ СПб). Ф. 337. Оп. 1. Д. 475. Либретто балета «Чудо Индии».
10. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 1. Д. 704. Либретто балета «Дочь Индии. Индийская быль».
11. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 1. Д. 707. Либретто балета «Танцовщица из Калькутты».
12. Сапанжа О. С. Советский балет в системе культурной дипломатии: три неосуществленных спектакля Государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова («Чудо Индии», «Дочь Индии», «Танцовщица из Калькутты») // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2021, 14 (1). С. 225—251.
13. ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 9. Д. 112. Либретто балета «Индийская легенда». 1964.

References

1. Leuchchi T. The legacy of romanticism and orientalism in the ballets of Marius Petipa with an Indian motif: La Bayadère (1877) and The Talisman (1889). *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj* [Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet], 2019, no 6 (65), pp. 22—32. (In Russ.).
2. Description of new films. *Vestnik kinematografii* [Herald of Cinematography], 1913, no 20, pp. 44—45. (In Russ.).
3. *Bayaderka. Operetta v 3-h aktah* [Bayaderka. Operetta in 3 acts Russkij tekst v perevode Pavla Germana. Muzyka Emmeriha Kal'mana [La Bayadère. Operetta in 3 acts. Russian text translated by Pavel German. Music by Emmerich Kalman]. Kiev, 1924. (In Russ.).
4. Zozulina N. N. “La Bayadère” by M. Petipa: on the question of the fourth act of the ballet. *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj* [Bulletin of the Vaganova Ballet Academy], 2018, no 5 (58), pp. 26—39. (In Russ.).
5. Illarionov B. A. “La Bayadère”: structure and fate. *Academia: tanec, muzyka, teatr, obrazovanie* [Academia: dance, music, theater, education], 2019, no 1(47), pp. 21—23. (In Russ.).
6. Illarionov B. A. La Bayadère: three or four? *Vestnik Akademii russkogo baleta im. A. Ya. Vaganovoj* [Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet], 2017, no. 4 (51), pp. 28—39. (In Russ.).
7. Sapanzha O. S. Images of India in Soviet Everyday Culture in the 1950s—1960s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], 2018, no 4 (37), pp. 22—27. (In Russ.).
8. Yurlov N. F., Yurlova E. S. *Istoriya Indii. XX vek* [History of India. 20th century]. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN, 2010. 920 p. (In Russ.).
9. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (dalee — CGALI SPb)*. [Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg] F. 337. Op. 1. D. 475. Libretto baleta «Chudo Indii». (In Russ.).
10. CGALI SPb. F. 337. Op. 1. D. 704. Libretto baleta «Doch' Indii. Indijskaya byl'» [Libretto of the ballet “Daughter of India. Indian story”]. (In Russ.).
11. CGALI SPb. F. 337. Op. 1. D. 707. Libretto baleta «Tancovshchica iz Kal'kutty» [Libretto of the ballet “Dancer from Kolkata”]. (In Russ.).
12. Sapanzha O. S. Soviet ballet in the system of cultural diplomacy: three unrealized performances of the State Academic Opera and Ballet Theatre. S. M. Kirova (“Miracle of India”, “Daughter of India”, “Dancer from Calcutta”). *Journal of Modern Russian History and Historiography*, 2021,14 (1), pp. 225—251. (In Russ.).
13. CGALI SPb. F. 337. Op. 9. D. 112. Libretto baleta «Indijskaya legenda» [Libretto of the ballet “Indian legend”]. 1964. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the author

Сапанжа Ольга Сергеевна

Olga S. Sapanzha

доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры искусствоведения
и педагогики искусства, директор
института художественного
образования, Российский
государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена

Doctor of Culture-Studies, Professor,
Professor of the Arts-Studies
and Arts Pedagogy Department,
Headteacher of the Arts Education
Institute, Herzen State Pedagogical
University of Russia

191186 Санкт-Петербург,
наб. Мойки, 48

48, Emb. river Moika, St. Petersburg,
191186, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	31.01.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	16.02.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	18.02.2022

Научная статья / Original article

УДК 304(444)

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-79>

**Исторический миф: особенности генезиса, пути
«овеществления» и способы реализации
Статья 1**

**Смирнова Алла Александровна¹, Леонов Иван Владимирович²,
Кириллов Игорь Викторович³**

^{1,2,3} Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия

¹ allasmir@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6739-2489](http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489)

² ivaleon@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-0026-3807](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807)

³ os84@yandex.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-3401-1798](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798)

Аннотация. *Статья посвящена изучению исторического мифа как феномена культуры и источника знаний о прошлом. Уделяется внимание рассмотрению природы мифа как такового. Особый акцент делается на изучение взаимосвязи исторических мифов и памятников историко-культурного наследия — с учетом различных степеней зазора между научно-верифицируемой и мифологизированной сторонами памятников. Анализируются такие вопросы мифоисторической проблематики, как специфика и роль исторических мифов в культуре; особенности их возникновения, закрепления и исчезновения в культурной памяти; реализация и проявление исторического мифотворчества в различные эпохи. Рассматривается роль, которую играют артефакты в возникновении, овеществлении и бытовании исторических мифов. Текст содержит ряд конкретных примеров, которые относятся к мифоисторической сфере.*

Ключевые слова: *исторический миф, артефакт, «место памяти», культурная память, «гуманитарные технологии», социальная инженерия, ноогенез*

Для цитирования: Смирнова А. А., Леонов И. В., Кириллов И. В. Исторический миф: особенности генезиса, пути «овеществления» и способы реализации. Статья 1 // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 79—100. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-79>

Historical Myth: Features of Genesis, Ways of «Materialization» and Ways of Realization

Article 1

Alla A. Smirnova¹, Ivan V. Leonov², Igor V. Kirillov³

^{1,2,3} Saint-Petersburg State Institute of Culture, Saint-Petersburg, Russia

¹ allasmir@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0002-6739-2489](http://orcid.org/ORCID:0000-0002-6739-2489)

² ivaleon@mail.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-0026-3807](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-0026-3807)

³ os84@yandex.ru, [http://orcid.org/ORCID: 0000-0003-3401-1798](http://orcid.org/ORCID:0000-0003-3401-1798)

Abstract. *The article is devoted to the study of historical myth as a cultural phenomenon and a source of knowledge about the past. Attention is paid to the consideration of the myth nature as such. Special emphasis is placed on the study of relationship between historical myths and monuments of historical and cultural heritage — taking into account various degrees of the gap between the scientifically verified and mythologized sides of the monuments. The author analyzes such questions of mythohistorical problems as specificity and role of historical myths in the culture; peculiarities of their emergence, consolidation and disappearance in cultural memory; realization and manifestation of historical myth-making in different epochs. The role that artifacts play in the emergence, materialization and existence of historical myths is discussed in the article. The text contains a number of specific examples that relate to the mythohistorical sphere.*

Keywords: *historical myth, artifact, «place of memory», cultural memory, «humanitarian technologies», social engineering, noogenesis*

For citation: Smirnova A. A., Leonov I. V., Kirillov I. V. Historical Myth: Features of Genesis, Ways of «Materialization» and Ways of Realization. Article 1. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 1:79—100 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-79>

Для меня история — это сумма всех возможных историй, всех подходов и точек зрения — прошлых, настоящих и будущих.

Ф. Бродель [1, с. 128]

Введение. Среди многочисленных артефактов историко-культурного наследия выделяется ряд памятников, которые характеризуются тесной сопряженностью со сферой исторических мифов. Данное обстоятельство нередко «усиливает» артефакты, придавая им особый статус, во многих случаях превращая их в «свидетелей» сакральных и значимых аспектов истории и способствуя при-

влечению к ним большого общественного внимания. Будучи достаточно значимыми, такие исторические артефакты обретают двойственный статус, выраженный в сопричастности памятника двум различным реальностям — верифицируемой научным путем и мифологизированной. При этом указанные «измерения» нередко переплетаются в восприятии артефакта, порой противореча друг другу, а иногда вступая в симбиотическое взаимодействие. Диапазон указанных взаимодействий носит широкий характер. С одной стороны, возможна ситуация, когда зазор между мифологизированной и исторической реальностями артефакта минимальный, а миф выступает в качестве своеобразной «надстройки» над верифицируемым прошлым, по сути дополняя и усиливая памятник. С другой стороны, имеют место случаи явного антагонизма между мифологизированной реальностью и реальностью, которую можно проверить методами позитивистской науки, — вплоть до восприятия мифологической компоненты как «того, чего не было на самом деле», того, что противоречит истине, является полным вымыслом и вводит в заблуждение. Иными словами, артефакт может стать носителем исторических мифов различной степени достоверности. В более широком проблемном контуре речь идет о соотношении двух принципиально различных способов постижения исторической действительности, первый из которых выражен в ее научной интерпретации, основанной на анализе овеществленных и документированных проявлений прошлого, а второй способ основан на постижении прошлого посредством языка мифа. Тем не менее данные реальности могут пересекаться, смешиваясь между собой и «врастая в ткань» памятников, образуя различные сочетания.

Основная часть. В качестве примера памятника, мифологическая и верифицируемая реальности которого довольно близки друг другу, можно назвать треуголку Петра I, простреленную мушкетной пулей во время Полтавской битвы, в ходе которой царь находился в передовых порядках русских войск. На уровне исторического мифа это событие получило интерпретацию, согласно которой пуля была три — одна попала в шляпу, другая в седло, третья в нательный крест Петра I, что «усиливало» историческую действительность в народном сознании. Простреленная шляпа была воспета Феофаном Прокоповичем, выдающимся российским духовным и полити-

ческим деятелем, писателем и богословом: «Шляпа пулю пробила. О страшный и благополучный случай! <...> О шляпа драгоценна! Не дорогая веществом, но вредом сим своим всех венцев, всех утварей царских дражайшая! Пишут историки, который Российское государство описуют, что ни на едином европейском государе не видети есть так драгоценной короны, как на монархе российстем. Но отселе уже не корону, но шляпу сию царевицу разсуждайте и со удивлением описуйте» [2, с. 56—57]. Простреленная треуголка превратилась в важный артефакт Петровского времени и стала одной из составляющих «полтавского» и «петровского» мифов; ныне шляпа находится в собрании Государственного Эрмитажа. Приведенный миф содержит неверные (на уровне частных деталей) исторические данные, однако одна из пуль действительно пробила шляпу Петра, создав опасную ситуацию. Сам факт того, что царь оказался в эпицентре битвы и его головной убор был прострелен пулей, является экстраординарным и значимым. Соответственно, мифологизация данного факта выступает его дополнением и усилением в сознании носителей мифа, во многом интерпретирующего исторический факт в виде короткого художественно-образного «текста», основанного на проявлении архетипических структурообразующих компонент, которые устойчиво бытуют в отечественной военной культуре и фольклоре на протяжении многих столетий. В рамках российской культуры издревле приветствовалось, если военачальник, князь, царь лично принимали участие в боевых действиях, шли в огонь; подобные ситуации вызывают благоговение и трепет у носителей многих культур, но в России этому придавали особенное значение. Будучи значимой частью российской военной культуры, указанная модель поведения командного состава во время сражений не всегда была рационально оправдана, однако для многих монархов и военачальников следование этой модели было делом чести (в качестве примера можно привести сюжет о том, как Дмитрий Донской во время Куликовской битвы, поставив вместо себя под княжеское знамя боярина М. Бренка, лично сражался с неприятелем в составе одного из русских полков: «И везде на избранный свой конь и, взем копие свое и палицу железную, и подвижеса ис полку, и въсхоте преже всех сам битися с погаными от великиа горести душа своеа, за свою великую обиду и за святыа церкви и веру христианьскую. <...> Великого князя уязвиша велми

и с коня его збиша <...> Божию силою съхраненъ бысть» [3, с. 174, 178]); проявление этой тенденции можно отметить и в войнах Новейшего времени.

Артефактом, иллюстрирующим наличие зазора и некоторых противоречий между мифологической и исторически верифицируемой составляющими, является Медный всадник. «Смысловая аура» данного памятника, который является знаковым феноменом культуры Санкт-Петербурга и всей России, включает весьма сложный мифологический слой, который «обобщает», манифестирует и прославляет Петровское время и включает при этом как связанные с реальной историей, так и фантастические и даже мистические сюжеты, тем не менее содержащие историко-культурные аллюзии. К «мифосфере» Медного всадника, достаточно дистанцированной от историко-культурного процесса, однако пунктирно связанной с ним, относится миф о причинах, по которым не состоялась эвакуация памятника в 1812 г. Во время наполеоновского нашествия было принято решение о вывозе Медного всадника в числе других произведений искусства из столицы, однако некий майор Батулин добился свидания с личным другом императора князем А.Н. Голицыным и объявил, что его преследует один и тот же сон: он видит во сне, как оживает памятник Петру I и как огромный всадник на исполинском коне скачет к императорскому дворцу. К нему выходит император Александр I. «Я хорошо видел лицо государя: оно было грустно и озабочено. Ускоренными шагами подошел он к царственному всаднику, почтительно склонил перед ним голову и как будто ожидал его приказаний. Петр Великий бросил на него быстрый и строгий взгляд. — “Ты соболезуешь о России!” — прозвучал его громкий и суровый голос, от которого сердце забилося у меня с удвоенной силой. <...> — “Не опасайся! — сказал опять Петр. — Пока я стою на гранитной скале перед Невою, моему возлюбленному городу нечего страшиться. Не трогайте меня — ни один враг ко мне не прикоснется”» [4, с. 229—230]. Этот рассказ произвел глубокое впечатление на мистически настроенных кн. Голицына и императора Александра I — и решение о перемещении памятника было отменено. В данном случае историческая ситуация с отменой эвакуации получает весьма фантастическое объяснение — тем не менее соответствующее ментально-психологическим и патриотическим установкам российского общества (показательно, что во многих россий-

ских городах определенные памятники воспринимались как своеобразные «обереги», защищавшие города во время войн; подобные установки устойчиво воспроизводились в отечественной культуре в XIX и в первой половине XX в.). Указанная почва делает миф приближенным к реальности на уровне отражения соответствующих аспектов национального характера и глубинных ценностно-смысловых структур российской культуры.

Еще одним примером исторического мифа с некоторым зазором относительно историко-культурной реальности является миф о пьедестале Медного всадника — Гром-камне, который якобы был связан с Петром I: «Хранилось предание, что неподалеку от Кронштадтского залива Петр Великий любил часто восходить на одно из тамошних возвышений и отсюда обозревать пустынные окрестности. Начали искать этой горы и нашли ее в 12 верстах от Петербурга, близь карельской деревни Лахты» [5, с. 107]. Далее мегалит был доставлен в Санкт-Петербург и после соответствующей обработки занял свое место на Сенатской площади. При этом документальных подтверждений того, что Петр I восходил на этот камень, не имеется. Тем не менее при отсутствии верифицируемости данной истории указанный сюжет отражает тенденцию мифологизации и овеществления исторических деяний Петра, стремление потомков обеспечить преемственность и связь с его именем и его эпохой, используя особый язык интерпретации прошлого.

Анализ указанных мифов показывает, что их историческая «достоверность» может быть выражена в том, что они выступают средством передачи основных идейных и ценностно-смысловых установок и настроений того или иного времени, общих оценок той или иной исторической личности и исторических событий. Исторический миф в целом может являть собой своеобразный «маркер», раскрывающий сущность эпохи, которая породила его. В указанных «источниках» порой не делается упор на фактографические данные — более того, они нередко приносятся в жертву ради трансляции упомянутых выше ценностно-смысловых структур, которые передают и иллюстрируют исторические мифы. Исторический миф, будучи своеобразной формой «переживания» прошлого, устроен так, что степень отклонений от исторической действительности в его интерпретации может быть довольно высокой. Однако данные отклонения не всегда ведут к полной утрате связи с исторической

действительностью, специфическим образом интерпретируя и нередко усиливая ее.

Помимо уже названных, мифосфера Медного всадника включает мифы с достаточно существенным зазором с исторической реальностью, который фактически выводит их из числа исторических мифов. Наиболее ярким отражением этого явления предстает поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» (во много связанная с мифосферой, сформировавшейся к тому времени вокруг монумента). Расстроенному воображению главного героя этой стихотворной повести представлялось, что за ним скачет ожившая статуя Петра I, которая разгневалась на него за злобные слова. Указанная история, переходящая «грань историчности» и со временем мифологизированная, может быть объяснена как фантастически пережитый образ одиозного царя-преобразователя, реформы которого были противоречивы и отвергались значительной частью российского общества, что вело к созданию «черного мифа» о Петре. По В. Н. Топорову, миф о Медном всаднике тесно связан как с «креативным» мифом (мифом об основании города), так и с мифом эсхатологическим (мифом о гибели Петербурга-«чертограда» (эпитет З. Гиппиус)) [6, с. 22—23], отражения которого можно найти в сочинениях многих литераторов — А. Н. Толстого, А. Белого, А. Мицкевича и др. В качестве еще одного исторического мифа, основанного на глубоком разрыве между исторической действительностью и ее мифологизированной интерпретацией, приведем «черный миф» об императоре Павле I, который был сформирован в начале XIX в., оказал существенное влияние на российскую историографию и до сих пор существует в отечественной культуре. Между тем исходя из тех верифицируемых сведений о Павле I и его правлении, которыми мы обладаем, решительно невозможно характеризовать его как явно-го самодура и недалекого человека.

Наконец, третью группу составляют артефакты, которые являются носителями историко-мифологической компоненты, не имеющей под собой никаких научно верифицируемых подтверждений. Принадлежность данных памятников к определенным историческим мифам держится не на научных данных, а на гипотезах, предположениях и вере (в том числе и религиозной) в то, что некий исторический миф имеет под собой реальную основу. При этом создается весьма специфическая ситуация, когда существует некий истори-

ческий миф, который обнаруживает свое «подтверждение» в научно не обоснованных и не верифицируемых формах, что относит связь между мифом и артефактами, в которых он овеществляется, к сфере верований. Такого рода мифы, не имея под собой научных оснований, тем не менее пытаются внедриться в «тела» памятников, в том числе в целях своей легитимации и подтверждения. Результатом такого «внедрения» становятся артефакты с неподтвержденной верифицируемыми данными историко-мифологической компонентой, восприятие которых как источника сведений о некой исторической реальности основано лишь на вере, что зачастую выводит вопрос о связи артефакта с историческим мифом за рамки научного дискурса. Показательным примером представляется миф об Атлантиде, который в силу не верифицируемости невозможно охарактеризовать как исторический миф. Указанная ситуация позволяет сделать вывод, что для устойчивого бытования исторического мифа необходимо наличие хотя бы минимальной верифицируемой «сцепки» с реальностью через соответствующие артефакты и документальные подтверждения, *что делает артефакты значимой частью бытования исторической мифологии.*

Анализ приведенных выше диспозиций мифологизированной и исторически верифицируемой сторон памятника показывает сложность структуры самих артефактов — носителей историко-мифологической нагрузки разной степени сопричастности к реальным историческим событиям. Мифологическая составляющая таких памятников порой препятствует их пониманию как источников научных исторических сведений. С другой стороны, мифологическая компонента обогащает артефакт, делая его «многослойным» памятником культуры, отражающим различные проявления историко-культурной реальности. Таким образом, приведенный обзор высвечивает ряд вопросов, связанных с постижением природы исторических мифов, их ролью и значением в культуре, включая взаимосвязь с предметной сферой. Перечень вопросов выглядит следующим образом: *В чем выражена специфика и роль исторических мифов? Как они возникают и закрепляются в культуре — и как они исчезают? Как реализовывалось и проявляло себя историческое мифотворчество в различные эпохи? Каковую роль в возникновении, овеществлении и бытовании исторических мифов играют артефакты? Как выражено взаимодействие исторической науки с таким явлением как истори-*

ческий миф? Каковы пределы возможных отклонений данных мифов от историко-научной интерпретации реальности?

Начать разговор о сущности исторических мифов следует с более общих позиций — анализа природы мифа как такового, поскольку многие сущностные черты мифологического мировосприятия достаточно устойчиво проявляют себя в интерпретации реальности, в том числе и на современном этапе истории. В первую очередь необходимо преодолеть представления об абсолютном невежестве и «ложности» мифа как способа отражения и объяснения бытия. Подобная традиция во многом зиждется на примате научной картины мира как полностью верной и преодолевшей заблуждения и предрассудки предыдущих этапов развития сознания, включая мифологический и религиозный этапы. В данном случае особую значимость имеет позиция, согласно которой различные способы объяснения реальности, созданные на том или ином этапе ноогенеза, для их создателей были «правильными»; порой они успешно выполняли свои мирообъясняющие функции на протяжении долгого времени. Когда мы сравниваем миф, религию и науку, необходимо исходить из того, что данные формы переживания реальности находятся в разных измерениях, принципиально различающихся плоскостях познания, обладающих своими языками, степенями доказуемости и аргументацией. Указанные формы переживания и отражения мира (несмотря на то, что неоднократно предпринимались попытки «примирить» их — например, Т. де Шарденом) принципиально различны, что затрудняет их перевод из одной формы в другую, а порой и сопоставление. *Миф как форму отражения бытия, которая основана на фантастичности, высокой доле воображаемой реальности, аллегоричности, художественно-образных решениях, поэтичности, наличии структурирующих мифологические тексты моделей, осмыслению и отражению бытия с высокой долей эмоциональной составляющей, интерпретации сути при отсеивании деталей и второстепенных событий, нельзя воспринимать как нечто исключительно ложное и далекое от реальности. Бытие, пережитое и объясненное через миф, хоть и облекается в неправдоподобные формы, все же скрывает пережитый опыт взаимодействия человека с реальностью, включая ее историко-культурную составляющую.* В данном случае показательным является мнение Ф. Бэкона, который, анализируя природу мифов, писал: «Я склонен считать, что весьма многим мифам, соз-

данным древнейшими поэтами, уже изначально присущ некий тайный и аллегорический смысл. Меня заставляет думать так и преклонение перед прошлым, и то, что в некоторых мифах я нахожу удивительные и совершенно очевидные подобие и связь с обозначаемыми в них вещами как в самом сюжете мифа, так и в значении имен, которыми наделены действующие в них лица, так что невозможно отрицать, что этот тайный смысл уже с самого начала был заложен в мифе и старательно завуалирован его создателями» [7, с. 237]. При этом, рассматривая древние мифы, Ф. Бэкон писал: «И пусть никого не смущает то обстоятельство, что здесь порой что-то примешивается из истории, или кое-что говорится лишь ради красоты, или же допускаются хронологические ошибки, или из одного мифа что-то переносится в другой и вводится новая аллегория. Ведь все это неизбежно, ибо мифы были созданием людей, живших в разные эпохи и преследовавших различные цели: одни жили раньше, другие — позже, одних интересовала природа, других — гражданские дела» [Там же, с. 237—238]. Сходным образом понимал природу мифов и Дж. Вико, который полагал, что важнейшим источником исторических мифов были «Гражданские Истории Первых Народов» [8, с. 119], изложенные в поэтической, аллегорической, метафорической форме, «языком Сказаний» [Там же, с. 145, 146].

В определенной степени миф, в том числе и исторический миф, может представлять собой особую группу источников знаний о прошлом — разумеется, с учетом специфики указанной формы отражения реальности. Пережив и «зашифровав» свое прошлое в форме мифов, многие культуры транслируют их, даже несмотря на возникновение и бытование религиозных и научных измерений реальности, обеспечивая традицию и непрерывность передачи соответствующих представлений об истории. По мнению И. М. Андромоновой, «культурный опыт показывает, что исторические мифы отличаются особой устойчивостью структуры, в частности культурных кодов, и составляют основу исторического сознания значительной части общества» [9, с. 92]. Причем сама историческая мифосфера принимает достаточно сложный характер, воплощаясь, согласно Е. Топольскому, в «мифах происхождения», «мифах, содержащих проекции будущего», «мифах историографических», «фактографических», «теоретических», «фундаментальных» (цит. по: [10, с. 81—82]). Миф, согласно мнению А. В. Святославского, «не может быть

просто однозначно осужден и отвергнут в современной культуре (подобно тому, как часто продолжает осуждаться т.н. советское мифотворчество), ибо он неотделим от человеческой природы и культуры, а значит, ценен и необходим как таковой, в том числе и современному массовому сознанию» [11, с. 46—47]. Еще несколько десятилетий тому назад, отмечает исследователь, «в отечественной науке все обстояло достаточно просто: миф противопоставлялся научному изложению истории как плод религиозного вымысла, хотя еще в 1930 г. А. Ф. Лосев бросил вызов столь примитивному пониманию, всесторонне рассмотрев феномен мифа, показав универсальность этого явления в культуре» [Там же, с. 47]. Примером того, что исторический миф может служить вполне перспективным источником исторического знания, является случай Г. Шлимана, который, опираясь на мифологический материал, нашел Трои (хотя стоит отметить некоторые дискуссионные моменты относительно археологических открытий Шлимана, связанные с возможным «притягиванием» исторически верифицируемой действительности к мифу).

Рассматривая тему мифов, следует указать, что сводить миф как значимое явление культуры исключительно к дорелигиозным фазам развития сознания ошибочно. И в модернизационные периоды развития тех или иных культур можно наблюдать устойчивое бытование и возникновение явлений, которые по формальным признакам могут быть отнесены к мифам. Более того, в последние десятилетия наблюдается архаизация массового сознания и есть основания считать, что сознание представителей западных и восточных культур в наше время более мифологично, чем несколько десятилетий назад (что противоречит преобладавшим в конце XIX — первой половине XX в. представлениям о том, что с течением времени роль религиозной и мифической компонент культуры будет сведена к самому минимуму). В этом плане показательным мнением Д. В. Маковской, которая отмечает, что «категория “миф” эволюционирует от представления о нем как о присущем первобытному, донаучному мышлению способу объяснения человеком окружающей действительности, к пониманию мифа как феномена жизни современного социума» [10, с. 78].

Рассматривая проблематику исторического мифа, необходимо учитывать тенденцию, согласно которой ноогенез различных форм сознания, включая его мифологическую, религиозную и на-

учную стадии, во многом характеризуется нарастанием своеобразных «годовых колец» на первичные формы сознания. При этом с течением ноогенеза образующиеся слои сохраняются в сознании в различных пропорциях и с различными доминантами, взаимодействуя между собой, дополняя и порой усиливая друг друга. В любой, даже самой строгой научной картине мира можно обнаружить проявления различных поверий, мифов и религиозную составляющую, которые сохраняются и нередко смешиваются в мировоззрении. Поэтому соприсутствие в мировоззрении научных и историко-мифологических форм освоения и переживания действительности вполне закономерно и естественно.

Исторический миф, будучи наравне с наукой и религией одним из способов интерпретации и запоминания прошлого, наиболее ярко проявляет себя на уровне «культурной памяти» (в терминологии Я. Ассмана [12]) и может обеспечивать «вращивание», «вписывание» в ткань конкретной культуры и легитимацию какого-либо явления, события, артефакта. Такого рода мифы обобщают прошлое, концентрируясь на отдельных (зачастую наиболее ярких, выразительных, характерных) «точках притяжения» памяти. Многие из таких «гравитационных центров» культурной памяти представляют собой уникальные, единичные, максимально значимые события истории, интерпретированные и поданные на языке мифа; другие же представляют квинтэссенцию определенного типа поступков или аналогичных событий, мифологизируемых в рамках единичных, локальных историй, — в качестве примера в данном случае можно привести мифологизированный трудовой подвиг А. Стаханова, во многом «впитавший» и отразивший аналогичные достижения других передовиков производства.

Изучая тему исторических мифов, понимаете, нельзя обойти вниманием такую проблему, как их несоответствие историко-культурной реальности, а порой и откровенную фальсифицированность. По сути, про любой исторический миф можно сказать, что он не полностью соответствует исторической реальности. Приведенные в начале статьи примеры мифов, иллюстрирующие разные степени зазора между исторической действительностью с позиции ее научно-верифицируемого понимания и ее мифологической интерпретацией, ярко иллюстрируют всю степень сложности, неоднозначности изучаемого явления. *То, что миф есть научная истина, сказать нельзя. С другой стороны, то, что многие исторические*

мифы — это полные выдумки, тоже сказать нельзя. Деликатность и сложность ситуации состоит в том, что совершенно разные мифо-исторические тексты порой оценивают тенденциозно, опираясь на анализ определенной группы мифов, как правило, с существенной дистанцией между мифологизированной и исторической действительностями. Либо акцент делается на откровенно сфальсифицированные мифы, которые подаются как дискредитирующие всю область исторического мифотворчества, — что может воспрепятствовать бытованию в культуре мифов с минимальным зазором между верифицированной и мифологической составляющими.

Весьма показательны в указанном ракурсе попытки потревожить многие основополагающие события советской истории, которые имеют в том числе и мифолого-историческую интерпретацию. Такие мифологизированные сюжеты, во многом основанные на верифицируемой истории и выступающие в качестве «надстройки над правдой», являлись значимыми составляющими ценностно-смысловой сферы советской культуры, включая ее аксиологический эпицентр. При этом многие из указанных текстов остаются актуальными и имеют сакральную степень значимости для современной России, будучи (в терминологии Д. Тоша) [13, с. 205] «стабилизирующими элементами» общества.

Ярким и показательным примером в рассматриваемом вопросе является история о 28 панфиловцах — один из самых выразительных и эмоционально окрашенных эпизодов Великой Отечественной войны, чрезвычайно значимый для российской культуры. Данный эпизод получил свое отражение и в отечественной мифоисторической сфере, заняв в ней одно из центральных мест. Эта история относится к значимым «местам памяти» культуры, которые, по П. Нора, подобно «точкам гравитации» концентрируют представления о минувшем в наиболее «сильных» эпизодах, обеспечивая «стабильный кадр представлений о прошлом» [14, с. 22]. Работа с такими эпизодами истории должна носить весьма деликатный и осторожный характер. Указанный аспект во многом связан с массивными и систематическими атаками сил, заинтересованных в размывании и демонтаже отечественной историко-культурной матрицы. Кроме того, он может проявиться даже тогда, когда осуществляются попытки сугубо научного уточнения тех или иных событий с целью выявления «технических неточностей».

Документально подтверждено, что 316-я стрелковая дивизия (и, в частности, 1075-й стрелковый полк) в середине ноября 1941 г. упорно сражалась с наступающими на Москву вражескими войсками. Благодаря усилиям панфиловцев было остановлено немецкое наступление на волоколамском направлении. Многие бойцы и командиры 1075-го полка — 1-я стрелковая рота лейтенанта Е. Е. Филимонова, 2-я стрелковая рота лейтенанта С. И. Краева, группа политрука П. Б. Вихрева, группа лейтенанта Огуреева и младшего лейтенанта М. Исламкулова и другие подразделения, и в числе прочих группа истребителей танков под командованием политрука В. Г. Клочкова — проявили в этих боях мужество и самоотверженность (см., например: [15]). История о 28 панфиловцах, которая в своих базовых моментах с исторически верифицируемой реальностью не расходится, являет собой сакрально значимый сюжет, объединяющий большое количество аналогичных боевых эпизодов, происходивших в разное время и на разных участках фронта, когда защитники Отечества ценой героических усилий противостояли противнику. Мифологизированная интерпретация рассмотренного исторического события представляет собой отражение исторической правды, теснейшим образом сопряженной с аксиосферой культуры России.

Переходя к вопросу о причинах возникновения, овеществления и закрепления в культуре исторических мифов, отметим, что данные процессы тесным образом связаны с тем, что, как уже отмечалось выше, сознание человека на ранних этапах культурогенеза породило мифологическую форму осмысления реальности. Далее указанная форма сохранялась, репродуцируя соответствующие тексты, но с течением ноогенеза и развитием других форм сознания она во многих культурах утрачивала статус доминирующей, оттесняясь религиозной, а впоследствии и научной формами мировоззрения, — и тем не менее полностью никогда не пропадала. *Наличие мифологической мировоззренческой компоненты и обеспечивает возникновение соответствующих форм восприятия и отражения реальности языком мифа — вплоть до современности.*

Следует указать, что на ранних этапах культурогенеза мифы возникали преимущественно «снизу» (как естественный способ осмысления и «освоения» реальности). На более поздних этапах исторического развития механизмы возникновения мифов усложнились, и в настоящее время в модернизированных культурах мифы

как прорастают «снизу», так и выстраиваются «сверху» — вследствие применяемой различными заинтересованными группами социальной инженерии (известны даже ситуации, когда можно достоверно установить авторство конкретного мифа или его составных частей — например, можно сказать, что исторический миф об Александре Невском, чрезвычайно важный для российской культуры, в своем современном виде был во многом сформирован С. М. Эзенштейном — режиссером и автором сценария одноименного фильма (1938), П. А. Павленко — соавтором сценария указанного фильма, и К. М. Симоновым — автором известной поэмы «Ледовое побоище», которая была опубликована одновременно с выходом кинокартины. Одним из аспектов мифа об Александре Невском, в частности, является фраза «Если кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет», впервые прозвучавшая именно в данном фильме и получившая широчайшую известность. Тот же С. М. Эзенштейн в фильме «Октябрь» (1927) показал штурм Зимнего дворца во время революционных событий 1917 г.; штурм дворца был продемонстрирован в режиссерской интерпретации, с многочисленными отклонениями от исторической реальности — но продемонстрированное в фильме было воспринято массовой аудиторией как отражение реальных событий и стало важной частью «октябрьского мифа»). При этом предлагаемое деление является довольно условным, поскольку зачастую в рамках одного мифа весьма сложно провести границу между его аспектами, выстраиваемыми сверху и прорастающими снизу. Указанные пути мифотворчества, включая историческое мифотворчество, нередко дополняют друг друга, синхронизируются, переплетаются, формируя различные «биографии» и обеспечивая живучесть мифоисторических текстов.

Устойчивость мифа во многом обеспечивается его соответствием «органике» мифопорождающей культуры и конкретно-исторической реальности, а также значимым процессам, которые он отражает, — и до тех пор, пока то или иное историко-мифологическое объяснение позволяет обществу успешно взаимодействовать с реальностью, миф будет актуальным. Кроме того, устойчивость мифа определяется эффективностью практик его закрепления и реализации; основу закрепления составляют тексты, символы и артефакты, связанные с мифом; в свою очередь, реализация мифа проявляется в различных ритуалах, церемониях и обрядах. Как след-

ствии, в зависимости от указанных историко-культурных обстоятельств, а также от содержательной стороны исторических мифов формируются их «жизненные траектории», которые могут иметь разную длину. Так, указанный выше миф об Александре Невском оказался чрезвычайно устойчивым и органично вписанным в природу российской культуры. Тем не менее следует отметить, что устойчивыми могут быть и слабоверифицируемые и даже откровенно неправдоподобные мифы. Например, в петербургской (и не только) интеллигентской среде по сию пору бытует миф о том, что Г. В. Романов, который руководил Ленинградом в 1970—1980-х гг., приказал взять из Эрмитажа драгоценный сервиз на свадьбу своей дочери. Никаких документальных подтверждений этого мифа не имеется, что не мешало ему циркулировать на протяжении нескольких десятилетий. Данный миф был весьма живучим, потому что соответствовал умонастроениям части городской интеллигенции. Тем не менее актуальность этого мифа в наши дни утрачивается — во многом в связи с изменением новостной повестки.

Область исторических мифов, как и мифосфера в целом, достаточно изменчива и архитектурна (см. об архитектурном подходе: [16; 17]). В ней есть устойчивые структуры, которые весьма актуальны и востребованы; также она включает «снятую» часть (то есть мифы, преданные забвению); наконец, в ее состав входит потенциальная составляющая, включающая возможные, «прорастающие», а также утратившие актуальность сюжетные линии, которые в будущем могут быть реанимированы. Забвение и смена исторических мифов в первую очередь связаны с архитектурными перестройками ценностно-смысловых «сборок» культуры, которые обеспечивают согласованность элементов ее системы вследствие эффекта собственной «гравитации». В результате рассогласованности органических связей мифа с ценностно-смысловым эпицентром культуры вследствие его разрушения или радикального обновления степень актуальности мифа снижается либо утрачивается вовсе, что вполне соотносится с общими механизмами функционирования социальной памяти, в частности с возможностью забвения некоторых ее элементов [18]. В свою очередь, обновленная смысловосфера культуры, нивелировав значение некоторых исторических мифов, может «притягивать» к себе другие, утратившие актуальность ранее, и способствует появлению новых. Кроме того, быва-

ют ситуации, когда в рамках дезорганизованной смысловой сферы возникает историко-мифологический хаос, то есть неупорядоченность сферы исторических мифов, отсутствие ее созвучия определенному «смысловому горизонту».

Переходя к вопросу о том, как реализовывалось и проявляло себя историческое мифотворчество на разных этапах истории культуры, отметим, что первоначально исторический миф формировал некую общую структуру прошлого, которая носила эпический и легендарный характер и выражалась в отражении достаточно отдаленных событий, героев и вождей давних лет. Впоследствии, с усложнением культуры и появлением ранних цивилизаций, историческая мифосфера стала более осязаемой и многогранной. Историчность этих мифов стала более ясной и нередко верифицируемой; практики закрепления и реализации данных мифов также усложнились. Обогатилась их историко-фактографическая сторона, стали более разнообразными формы их воплощения. Данный период характеризуется оформлением «классических» мифологических систем, которые были во многом историчны, содержали сюжеты, имена, образы, имеющие реальных прототипов. Историческое мифотворчество проявляло себя и в последующие периоды в рамках религиозной картины мира; при этом нередко мифологизация истории находит отражение в самих священных текстах. В Новое и Новейшее время дополнительный импульс историческому мифотворчеству придавал процесс изменения форм государства, который зачастую сопровождался трансформациями смысловой сферы культуры и исторического сознания. В терминологии П. Нора данная последовательность выглядит как постепенное смещение акцентов в историческом мифотворчестве «постренессансного» периода с мифологизации личности монарха и института монархии на мифологизацию государства, далее на мифологизацию нации, — и, наконец, на мифологизацию «гражданскую» [14, с. 51—55].

Отвечая на вопрос, какую роль в возникновении и бытовании исторических мифов играют артефакты, следует напомнить, что информации, бытующей в культуре, в том числе в исторических мифах, свойственно закрепляться, опредмечиваться. При этом специфика исторического мифа выражена в том, что, претендуя на роль источника знаний об историко-культурной действительности, миф становится более легитимным, если обнаруживаются его матери-

альные подтверждения. Воображаемая реальность мифа нуждается в овеществлении, поскольку в воображении допустимы существенные метаморфозы информации; в свою очередь, овеществление привязывает ее к действительности и способствует сужению рамок интерпретации мифа. Определенное (по сути «документированное») знание о прошлом имеет более высокий статус, чем знание, бытующее сугубо на уровне вербальной информации и образов. В указанном ракурсе показательной является концепция П. Нора о «местах памяти» (точнее, «зацепках памяти»), способных закреплять информацию о прошлом в различных событиях, образах, явлениях, в том числе и в артефактах. Миф, который получает подобное «подтверждение», обретает устойчивость, порой повышая свой статус, переходя из поля вымышленной реальности в пространство текстов, «зацепившихся» за материальный мир, а потому имеющих более высокую степень подтверждения. В данном случае уместно вспомнить о приведенных в начале статьи примерах артефактов, являющихся местами памяти для мифов разной степени достоверности, «поселяющихся» в соответствующих памятниках. *Специфика историко-культурного мифа заключается в том, что он «стремится», «желает», «хочет» внедриться в артефакт.*

Заключение. В завершении отметим, что по причине ограничений по объему научной статьи некоторые заявленные в ней вопросы остались нераскрытыми или были раскрыты частично. Речь идет об особенностях взаимодействия исторической науки с таким явлением, как исторический миф; кроме того, не до конца раскрытым остается вопрос о пределах возможных отклонений исторических мифов от верифицируемой историко-культурной реальности в рамках научного дискурса. Наконец, анализ некоторых аспектов уже рассмотренных вопросов может быть расширен и обогащен, в том числе с привлечением конкретного историко-мифологического материала. Рассмотрению указанных граней историко-мифологической проблематики будет посвящена следующая статья. Тем не менее уже сейчас можно заключить, что исторический миф является специфическим и неординарным источником сведений об историко-культурной реальности, отвергать который и относить исключительно к сфере вымыслов довольно опрометчиво и малоперспективно. Вся притягательность указанных ис-

точников заключается в том, что они доносят до нас зашифрованную и переработанную информацию, прочтение которой требует умения ее «раскодировать» и правильно интерпретировать посредством привлечения и корректного использования комплексного арсенала современной науки — включая культурологию, одна из существенных черт которой выражена в высокой степени генерализации эвристического потенциала разных областей знания. «Расшифровка» историко-мифологических текстов должна строиться на основе глубокого погружения в историко-культурный «код» эпохи, в контексте которого они создавались. Такой миф необходимо «читать» с учетом особенностей его образно-метафорического языка, наличия фантастических аспектов, степеней отклонения от интерпретируемых событий, обобщений и выделения частных. Также изучение исторических мифов требует учета механизмов их воздействия на психоэмоциональную сферу, обусловленных в том числе их структурными особенностями; помимо этого, необходимо принимать во внимание многие аспекты и обстоятельства, которые, по мнению различных исследователей, выводят мифы за пределы круга серьезных источников об историко-культурной действительности. Тем не менее данные источники являются притягательными, интересными (в том числе для массовой аудитории) и при всей своей сложности и дискуссионности нуждаются во вдумчивом, обстоятельном изучении и интерпретации — в том числе для упорядочивания указанной сферы на предмет выявления откровенных фальсификаций и спекуляций в ее пространстве.

Список источников

1. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории* : сб. статей / под ред. И. С. Кона. М.: Прогресс, 1977. С. 115—42.
2. Прокопович Ф. Слово похвальное о баталии Полтавской // *Прокопович Ф. Сочинения* / под ред. И. П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 48—59.
3. Сказание о Мамаевом побоище // *Библиотека литературы Древней Руси*. СПб.: Наука, 1999. Т. 6. С. 138—189.
4. Милюков А. Доброе старое время. Очерки былого. Санкт-Петербург: Типография Скарятина, 1872. [6], 263, [2] с.
5. Пушкирев И. Путеводитель по СанктПетербургу и окрестностям его. Санкт-Петербург: В типографии департамента внешней торговли, 1843. XVI, 468, 34 с.

6. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской культуры» // Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. С. 7—118.
7. Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е, испр. и доп. изд. / сост., общ. ред. и вступит., статья А.Л. Субботина. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 575 с.
8. Вико Дж. Основания новой науки. М.: REFL-book; Киев: ИСА, 1994. 656 с.
9. Андрамонова И. М. Исторический миф о Смуте и его бытование в художественной практике // Ярославский педагогический вестник. 2008. № 1 (54). С. 91—94.
10. Маковская Д. В. Исторический миф и этнический конфликт: теория, методология, технология конструирования // Научная мысль Кавказа. 2014. № 1. С. 78—86.
11. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
12. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
13. Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.
14. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок; пер. с фр. Д. Хапаевой; науч. конс. пер. Н. Копосов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17—48.
15. Малкин В. М. Панфиловцы — символ массового героизма // Военно-исторический журнал. 1996. № 1. С. 4—8.
16. Кондаков И. В. Архитектоника русской культуры // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 159—172.
17. Кондаков И. В. Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие / науч. ред. и сост. А. В. Бондарев. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 533—544.
18. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

References

1. Brodel' F. History and social sciences. Historical Duration. *Filosofiya i metodologiya istorii: sb. statej* [Philosophy and Methodology of History]. Moscow: Progress, 1977, pp. 115—142. (In Russ.)
2. Prokopovich F. A commendable word about the battle of Poltava. Prokopovich F. F. *Sochineniya* [Works]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961, pp. 48—59. (In Russ.)
3. Skazanie o Mamaevom poboishche. *Biblioteka literatury Drevnej Rusi* [Library of Literature of Ancient Russia]. Vol. 6. St.-Petersburg: Nauka, 1999, pp. 138—189. (In Russ.)

4. Milyukov A. *Dobroe staroe vremya. Ocherki bylogo* [Good old time. Essays of the past]. St.-Petersburg: Tipogra fiya Skaryatina, 1872. [6], 263, [2] s. (In Russ.)
5. Pushkarev I. *Putevoditel' po Sanktpeterburgu i okrestnostyam ego* [Guide to St. Petersburg and surroundings]. St.-Petersburg: V tipografii departamenta vneshnej torgovli, 1843. XVI, 468, 34 p. (In Russ.)
6. Toporov V. N. Petersburg and "Petersburg text of Russian culture". *Peterburgskij tekst russkoj literatury: Izbrannye trudy* [Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St.-Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2003, pp. 7—118. (In Russ.)
7. Bekon F. *Sochineniya v dvuh tomah* [Essays]. 2-e, ispr. i dop. izd. T. 2. Moscow: Mysl', 1978. 575 p. (In Russ.)
8. Viko Dzh. *Osnovaniya novoj nauki* [Foundations of a new science]. Moscow: REFL-book; Kiev: ISA, 1994. 656 p. (In Russ.)
9. Andramonova I. M. The historical myth of the Time of Troubles and its existence in artistic practice. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2008, no 1 (54), pp. 91—94. (In Russ.)
10. Makovskaya D. V. *Historical myth and ethnic conflict: teoriya, metodologiya, design technology. Nauchnaya mysl' Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus], 2014, no 1, pp. 78—86. (In Russ.)
11. Svyatoslavskij A. V. *Istoriya Rossii v zerkale pamyati* [The history of Russia in the mirror of memory]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2013. 592 p. (In Russ.)
12. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 p. (In Russ.)
13. Tosh D. *Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika* [The pursuit of truth. How to become a historian]. Moscow: Ves' Mir, 2000. 296 p. (In Russ.)
14. Nora P. Between memory and history. *Franciya-pamyat'* [France-memory] / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; per. s fr. D. Hapaevoj; nauch. kons. per. N. Koposov. St.-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999, pp. 17—148. (In Russ.)
15. Malkin V. M. Panfilov's men are a symbol of mass heroism. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal], 1996, no 1, pp. 4—8. (In Russ.)
16. Kondakov I. V. Architectonics of Russian culture. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 1999, no 1, pp. 159—172. (In Russ.)
17. Kondakov I. V. *Architectonics of cultural heritage. Kul'turogenез i kul'turnoe nasledie* [Cultural genesis and cultural heritage] / Nauch. red. i sost. A.V. Bondarev. Moscow; St.-Petersburg: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2014, pp. 533—544. (In Russ.)
18. Hal'bvaks M. *Social'nye ramki pamyati* [Social framework of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. 348 p. (In Russ.)

Окончание следует.

Сведения об авторе / Information about the author

Смирнова Алла Александровна

Alla A. Smirnova

доктор исторических наук,
профессор, проректор по учебной
и воспитательной работе, зав.
кафедрой теории и истории
культуры, Санкт-Петербургский
государственный институт
культуры.

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Vice-President in Charge of Academic
and Educational Work, Head of
the Theory and History of Culture
Department of Saint-Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian Federation

Леонов Иван Владимирович

Ivan V. Leonov

доктор культурологии, доцент,
доцент кафедры теории и истории
культуры, Санкт-Петербургский
государственный институт
культуры

Doctor of Culture-Studies, Associate
Professor, Associate Professor of
the Theory and History of Culture
Department of Saint-Petersburg State
Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian Federation

Кириллов Игорь Викторович

Igor V. Kirillov

магистрант кафедры теории
и истории культуры, Санкт-
Петербургский государственный
институт культуры

Master student of the Theory and
History of Culture Department of Saint-
Petersburg State Institute of Culture

191186, Россия, Санкт-Петербург,
Дворцовая набережная, д. 2

2, Palace Embankment, Saint-
Petersburg, 191186, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

09.11.2021
11.01.2022
26.01.2022

Научная статья / Original article

УДК 304.442

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-101>

**Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика:
возможности регионального социокультурного
проектирования¹**

Тульчинский Григорий Львович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия, gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Аннотация. Трансформация современных социально-культурных практик делает достаточно острой необходимость комплексной гуманитарной экспертизы. Цель данной работы — показать значение и перспективы реализации такой экспертизы при разработке и реализации масштабных проектов и программ. Современные социально-культурные практики выявили ядро, главный, если не абсолютный критерий гуманитарной экспертизы. Таким ядром является обеспечение, сохранение и развитие субъектности как главного фактора и импульса развития человеческой цивилизации, главного условия ее пластичности, преадаптивности и прокреативности. Концептуальная основа решения проблемы может быть связана с междисциплинарным подходом на основе социальной семиотики и ее расширением в глубокой семиотике. Такой подход реализует роль и значение фактора личностной субъектности в качестве источника, инструмента и результата семиозиса культуры как порождения, отбора, хранения и трансляции социального опыта. Примером реализации такого подхода является региональное социокультурное проектирование. Такие возможности показаны на примере работы известных культурологов В. И. Бакштановского, И. Е. Фадеевой, В. А. Сулимова. Специальное рассмотрение посвящено проекту этнопарка финно-угорской культуры в Республике Коми, который нацелен на решение масштабного комплекса задач: от развития человеческого и социального капиталов и просветительно-рекреативных целей до продвижения имиджево-репутационного потенциала региона. Данный проект суть обещание реализации желаемых переживаний, объединяющая, привлекательная идея, уходящая корнями в прошлое, осмысляющая настоящее, отвечающая на глубокие чаяния, надежды, открывающая новые горизонты будущего развития. Таким образом, проведенное рассмотрение демонстрирует возможности социальной се-

миотики, гуманитарной экспертизы не только в научно-теоретическом, но и в практическом планах, включая социально-экономическое развитие в региональном масштабе.

Ключевые слова: брендинг, глубокая семиотика, гуманитарная экспертиза, личностный смысл, социальная семиотика

Для цитирования: Тулчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза и социальная семиотика: возможности регионального социокультурного проектирования // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 101—113. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-101>

Humanitarian Expertise and Social Semiotics: Regional Dimension

Grigorii L. Tulchinskii

National Research University “Higher School of Economics”, Saint Petersburg, Russia, gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Abstract. *A modern civilization transformation necessitates a complex humanitarian expertise. The purpose of the article is to show significance and prospects for implementation of such expertise in the development and implementation of large-scale projects and programs. Modern socio-cultural practices have revealed the core, the main, if not the absolute criterion of humanitarian expertise. Such a core is the provision, preservation and development of subjectivity as the main factor and impetus for the development of human civilization, the main condition for its plasticity, pre-adaptation and pro-creativity. Its conceptual basis can be associated with an interdisciplinary approach based on social semiotics and its expansion into deep semiotics. This approach realizes the role and significance of the factor of personal subjectivity as a source, tool and result of semiosis of culture as generation, selection, storage and transmission of social experience. An example of this approach implementation is regional socio-cultural design. Such opportunities are represented by the works of famous culturologists V. I. Bakshtanovsky, I. E. Fadeeva, and V. A. Sulimov. A special consideration is devoted to the project of the Ethno-park of Finno-Ugric Culture in the Komi Republic aimed at solving a large-scale set of tasks — from development of human and social capital and educational and recreational goals to promoting the image and reputational potential of the region. This project is the promise of realization of the desired experiences, a unifying, attractive idea rooted in the past, comprehending the present, responding to deep aspirations, hopes, opening up new horizons for future development. Thus, the work demonstrates possibilities of social semiotics, humanitarian expertise, not only in scientific and theoretical, but also in practical terms including socio-economic development on a regional scale.*

Keywords: *branding, deep semiotics, humanitarian expertise, personal meaning, social semiotics*

For citation: Tulchinskii G. L. Humanitarian Expertise and Social Semiotics: Regional Dimension. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2022; 1:101—113 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-101>

Введение. Вопросы гуманитарной экспертизы рассматривались исследователями в различных контекстах. Одним из первых о гуманитарной экспертизе начал говорить и писать В. И. Бакштановский, который еще в 1970-80-х гг. проводил региональные деловые игры, связывая гуманитарную экспертизу с планами регионального развития: насколько они способствуют решению социальных проблем, всему тому, что сейчас называется человеческим и социальным капиталом [2]. Позже, создав НИИ прикладной этики на базе Тюменского индустриального университета, В. И. Бакштановский сконцентрировался на этической экспертизе высшего образования и управления им [3]. С педагогической деятельностью связывали гуманитарную экспертизу также С. И. Братченко, В. А. Бухвалов, Я. Г. Плинер [4]. Л. Н. Канищевой были выделены критерии для проведения гуманитарной экспертизы образовательного проекта (решения, разработки), включая его ресурсное обеспечение, экологичность, соблюдение правовых и нравственных норм, эстетическую привлекательность [5].

Давно сложился институт психологической и лингвистической экспертизы. Однако со временем становилось все более очевидно, что психологических, экономических, правовых и лингвистических экспертиз недостаточно. Так, подобные экспертизы, которые практикуются в судебном деле (когда суды и стороны, участвующие в судебном разбирательстве, заказывают необходимые экспертизы), часто упираются в вопросы морали, этики, а то и философии. Вызревает необходимость комплексной экспертизы, затрагивающей гуманитарные аспекты конфликта, его причин, развития, последствий. Такая экспертиза необходима не только в суде, но и для оценки проектов — прежде всего образовательных программ и практик, проектов регионального развития, в здравоохранении, культурных индустриях. И принципиально важно, что такая экспертиза не может быть осуществлена каким-то одним человеком — гуманитар-

ная экспертиза носит комплексный междисциплинарный характер [8; 14].

Запрос на комплексную гуманитарную экспертизу обострился в связи с интенсивной цифровизацией, использованием цифровых технологий в образовании, экономике, культуре, социальной сфере, имеющими неоднозначные последствия, которые иногда специалисты даже связывают с перспективами пост- и трансгуманизма.

Речь идет о серьезных вызовах. Это вызовы экономические — когда в режиме прекарного труда приобретает рентный характер сам образ жизни работника. Большие массивы данных (Big Data), оставляемых нами в социальных сетях, при поиске и покупках, получаемых услугах, используются маркетологами и прочими интересантами. Маркетинг подталкивания (nudge), контроль и социальные сети становятся инструментами тотального манипулирования. Это также вызовы психофизиологические (деградация способности к рефлексии, речевых способностей), коммуникативные, когда от человека требуется только пользоваться правильными опциями, лайкать, банить и покупать. Именно это Д. Агамбен и называет «новой животностью» — от человека требуется не рассуждение и аргументация, а правильная реакция. Сама субъектность (самосознание самости) все больше поглощается реализацией алгоритмов, задаваемых извне. Такая ситуация иногда квалифицируется как антропологическая катастрофа. М. К. Мамардашвили применял эту характеристику к опыту тоталитаризма. Но тоталитаризм индустриального общества был пробой пера того, что реализуется с помощью цифровизации, которая придает таким практикам технологический институциональный характер.

До собственно необратимой катастрофы дело еще не дошло. Но уже остро ощущается дефицит человеческой субъектности, того, что только и обеспечивает креативность, способность выхода за рамки алгоритма, открывать и создавать новое, еще не запрограммированное. Это то, что еще называют soft skills — способность аргументировать, рассуждать, сопереживать... Даже разработчики говорят, что им нужна гуманитарная компетентность в оценке ставящихся целей, хода разработки, ее реализации, а не только последствий.

Цифровизация выявила ядро, главный, если не абсолютный критерий гуманитарной экспертизы. Это обеспечение, сохранение

и развитие субъектности — главного фактора и импульса развития человеческой цивилизации, главного условия ее пластичности, преадаптивности и прокреативности [1; 6].

Методы исследования, теоретическая база. Возникает вопрос о теоретической и практической концептуальной основе необходимой комплексной гуманитарной экспертизы. И такой концептуальный аппарат должен давать возможность междисциплинарного анализа, обеспечивающего не разрозненность и фрагментарность дисциплинарных аналитик и оценок, а их взаимодополнительность, интеграцию, а то и конвергенцию. Такие возможности дает семиотический подход, который уже давно перерос его сведение к анализу лингвистических систем, расширив возможности анализа знаковых систем на социально-культурные практики (социальная семиотика, семиотика культуры), раскрывая в глубокой семиотике (*deep semiotics*) роль и значение фактора личностной субъектности как источника, инструмента и результата семиозиса [9; 15].

В этой связи чрезвычайно перспективным является потенциал подходов и наработок, полученных в последнюю четверть предыдущего и в начале нынешнего столетия в исследованиях семиотики культуры (Ю. М. Лотман и тартусско-московская семиотическая школа), социальной герменевтики (Г. И. Богин), роли осмысления и смыслообразования в психологии коммуникации (А. А. Брудный, А. И. Портнов), социопсихолингвистики и семиотики города (Т. М. Дридзе) [20].

Результаты исследования и их обсуждение. Особый интерес представляет синтез философии языка, культуры и личности, реализованный В. А. Сулимовым и И. Е. Фадеевой в предложенном ими направлении социокультурной семиотики. Ирина Евгеньевна Фадеева (1952—2017), создатель кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, доктор культурологии, защищалась у выдающегося отечественного исследователя культуры и творчества М. С. Кагана. Владимир Александрович Сулимов (1952—2018) учился во Львовском университете у учеников К. Айдукевича и Т. Котарбинского, был аспирантом замечательного специалиста

по психологии и языковой коммуникации А. А. Леонтьева, доктор культурологии, возглавил кафедру после кончины И. Е. Фадеевой.

Начинали они с философии культуры и символа [17], символической и текстовой деятельности в социально-культурной коммуникации [11; 13], семиотической структуры и содержания языкового континуума [10; 12], но развернутая ими масштабная программа анализа знакового и символического содержания коммуникативного пространства культуры вывела исследователей к тематике социальной семиотики [18], включая культурные практики русского Севера [19]. Это был значимый переход, во-первых, от структурно-статичных моделей семиозиса к многомерно-динамическим, а во-вторых, к учету в социально-семиотическом анализе личностного аспекта. Тем самым в поле семиозиса было введено многообразие социально-культурных практик различного уровня и масштаба.

После распада СССР, фактического ухода из русскоязычного пространства Тартуского университета, интенсивным самоопределением коллег в Кыргызстане, именно в Сыктывкаре сложилось развитое и продвинутое направление социально-семиотических исследований. К сожалению, создатели направления с интервалом в год ушли из жизни. Но остался круг коллег и учеников, их усилиями продолжается ставшая регулярной масштабная конференция «Семиозис и культура», выходит качественный научный журнал «Человек. Культура. Образование».

Применением аппарата социальной семиотики и ее расширения в глубокой семиотике при активном участии В. А. Сулимова и коллег стало содержательное наполнение проекта «Финно-угорский этнокультурный парк» в с. Ыб Сыктывдинского района Республики Коми в рамках долгосрочной республиканской целевой программы «Создание комплекса "Финно-угорский этнокультурный парк (2010—2012 годы)"». Создание этнопарка было важно для развития социально-культурного комплекса региона.

Коми есть что предложить российским и мировым рынкам. И этому может способствовать эффективный брендинг, привлекающий внимание к региону. Брендинг сам по себе — комплексная проблема гуманитарной экспертизы. Бренд — это не броский логотип и яркий слоган. Полноценный бренд — ответ на чаяния и надежды, обещание реализации желаемых переживаний [16]. Формирование такого бренда — дело серьезного, внятного, а главное — совмест-

ного интеллектуального поиска не только экспертов, но и представителей бизнеса, власти. У регионального бренда, в отличие от товарного, личностного, корпоративного брендов, нет и не может быть единственного собственника. Он инструмент консолидации власти, бизнеса и населения, формирования общего сознания «мы» (региональной идентичности).

В этой связи упомянутый проект важен не просто как этнографический парк, которых немало и в России, и в мире. Есть такие привлекательные для туристов проекты, как, например, «Скансен» в Стокгольме или проект в Малых Мандрогах на Свири. В подавляющем большинстве они реализуются на перекрестках туристических маршрутов. Таким перекрестком ни Сыктывкар, ни Ыб пока еще не являются. Более того, Сыктывкар является железнодорожным тупиком. И инициаторы этого проекта прекрасно понимали необходимость создания чего-то такого, что бы заставляло людей целенаправленно приезжать сюда и оставлять здесь деньги. Бренд этого комплекса не может быть идеей, апеллирующей только к славному прошлому, культурно-историческому наследию. Такой бренд представляет интерес только для небольшого круга туристов — не более, что особенно опасно в случае данного комплекса, который расположен в стороне от основных туристических маршрутов и транспортных коммуникаций. Он имеет перспективы только в случае формирования эксклюзивного продукта.

Но в конечном счете дело даже не в туристах. Разработчики проекта смотрели глубже, шире, выше и дальше, потому что под этот проект подверстывается некая идея точки социокультурного роста региона и фактора личностного роста. Речь идет прежде всего о многоуровневой образовательной деятельности, подготовке специалистов под конкретные рабочие места, широких связях с вузами и образовательными структурами. Идея этнопарка органично вписывалась в целый хозяйственно-функциональный комплекс, отражающий специфику региона, включая лесное производство, сельское хозяйство, обучение молодежи, развитие занятости, Центр народных ремесел в Вьльгорте. В этом случае можно говорить о социальной политике, которая предшествует экономике, когда социально-культурный человеческий фактор является не результатом, не продуктом, а предпосылкой для развития экономики.

И тогда становится особенно ясно, что главное в этой связи — это проблема бренда, проблема идеологии в хорошем смысле этого слова, что и отражает этот проект. Очевидное преимущество проекта в том, что он не ограничивается районом и даже республикой, поскольку речь идет о финно-угорской культуре. Также с очевидностью он может и должен быть связан с представлением о будущем России.

Был создан «растущий» проект, который должен постепенно интегрировать в себя и, в свою очередь, интегрироваться с другими комплексами, будет к ним сопричастным, выстраивая некую общую мечту, некий общий уникальный бренд. Культура финно-угорских народов, природа Коми, уникальный экономический комплекс республики, научно-образовательный потенциал Сыктывкара обладают несомненной уникальностью. Реализация проекта дала бы существенные возможности позиционирования Республики Коми в российском и мировом культурном, информационном и экономическом пространстве, она открывала новые окна возможностей экономического и социально-культурного развития Коми. Однако концепция этнопарка была приостановлена.

В 2015 г. Глава республики обратился к студентам и преподавателям Сыктывкарского университета подготовить предложения по преобразованию финно-угорского этнопарка. Новая концепция была готова в мае 2016 г. (рук. рабочей группы Л. В. Гурленова, в группу входил и В. А. Сулимов).

Разработчики ставили задачу организации пространства бытия коми культуры в легко воспринимаемых и прочитываемых формах, воплощения в предметной среде архетипических и фантазийных элементов сознания современного человека, включения детей и взрослых в область исторического и культурного действия, познания этнонациональных основ жизни коми народа, других финно-угорских народов.

Поиски главной идеи бренда проекта привели к эпической поэме К. Жакова «Биармия» — эпосу коми, написанному по аналогии с финским эпосом «Калевала» и эстонским эпосом «Калевипоэг». Идея Биармии отлично согласуется с давней североевропейской памятью Гипербореи — биармийцы предстают прямыми потомками гиперборейцев — счастливыми людьми в счастливом крае, наследниками гиперборейской прародины человечества.

Такое название открывало возможность создания территории-страны с разнообразными зонами: мифологической, этнографо-бытовой, военно-исторической, языческой и христианской, искусства, спортивной («первая лыжа») и др., т. е. формирования цельного этнокультурного пространства, в котором объединены прошлое и современность, духовная и материальная культуры. Возникла перспектива использования благоприятных природно-ландшафтных ресурсов и экологических условий территории (многообразная северная фауна и флора, отдаленность от промышленных производств), расширения услуг природного туризма за счет подключения к площадке этнопарка дополнительных ресурсов (Печоро-Илычского государственного природного заповедника и национального парка «Югыд ва») [7].

Этнопарк под Сыктывкарком имел потенциал стать уникальной площадкой регулярно проводимых мероприятий, привлекательных не только для туристов. К информационной поддержке продвижения проекта могли бы привлекаться многочисленные электронные ресурсы геймерских сообществ. А событийное наполнение информационного продвижения, привлечение широкого внимания к проекту можно было обеспечить спортивными состязаниями, анимационными баттлами, проектами реконструкторов в онлайн- и офлайн-форматах, съемками передач формата «Форт Байард», различных испытаний, приближенных к экстремальным — ландшафтно-климатические условия Коми позволяют это делать круглогодично с учетом сезонного разнообразия. На первых этапах эти испытания должны пройти какие-то известные люди, потом они должны быть доступны другим участникам с получением различных сертификатов «биармийских испытаний» по мужским, женским, детским номинациям. Таких номинаций может быть веер. Знаменитости + сертификат + уникальность могут вызвать стремление приехать и пройти эти испытания.

Речь может идти не только о физических испытаниях, но и интеллектуальных, каких-то умений, способностей... Возможно использование названия «гиперборейское многоборье». Только эти испытания должны быть серьезными, тогда и внимание к проекту будет гарантировано.

Брэнд в современном понимании — не просто удачное название, а обещание реализации желаемых переживаний, объединяю-

шая, привлекательная идея, уходящая корнями в прошлое, осмысляющая настоящее, отвечающая на глубокие чаяния, надежды, открывающая новые горизонты будущего развития. Людям предлагается некая мечта о будущем: брэнд — это всегда посыл в будущее. Поэтому особенно важна тщательная проработка такой «идеологии» проекта. Такая разработка являлась центральным звеном определения брэнда и художественной концепции комплекса «Финно-угорский этнокультурный парк».

Заключение. К сожалению, в силу ряда причин развернутая реализация проекта, в котором гуманитарная составляющая была исходным и сквозным фактором, несколько притормозилась. Но описанный выше его потенциал полностью сохраняется, потому что территория республики нуждается в подобных проектах. Так, по инициативе мэрии Сыктывкара началась разработка проекта брендинга Сыктывкара как «столицы леса», в нем также прослеживается важнейшая гуманитарная составляющая.

Республика Коми является достойным предметом для мечты, только нужно определить содержание этой мечты, наполнить его актуализированными интерактивными образами, познавательными практиками, позволяющими развернуть историческое смысловое пространство Республики Коми в современном мире. В глобализированном экономическом, культурном и информационном пространстве уникальность, неповторимость, своеобразие выступают главными факторами конкурентоспособности и остро востребованы.

Материал статьи показывает возможности социальной семиотики, гуманитарной экспертизы не только в научно-теоретическом, но и в практическом планах, включая социально-экономическое развитие в региональном масштабе.

Список источников

1. Асмолов А. Г., Шехтер Е. Д., Черноризов А. М. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
2. Бакштановский В. И. (ред.) Гуманитарная экспертиза: Возможности и перспективы. Новосибирск: Наука, 1992. 173 с.
3. Бакштановский В. И. Прикладная этика и моральное творчество: концепция гуманитарной экспертизы и консультирования. Тюмень: ИПСО, 1990. 196 с.

4. Братченко С. Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования. СПб.: СПб ГУПМ, 2003. 137 с.
5. Канищева Л. Н. Формирование опыта гуманитарной экспертизы у будущих программистов: на материале социально ориентированных технических проектов. Волгоград: ВГПУ, 2009. 27 с.
6. Киященко Л. П. Событие. Личность. Время (К философии трансдисциплинарности). М.: ИФ РАН, 2017. 113 с.
7. Концепция развития финно-угорского этнокультурного парка в с. Ыб (Биармия) / рук. группы Л. В. Гурленова. Сыктывкар: СГУ им. П. Сорокина. 2016.
8. Леонтьев Д. А., Иванченко Г. В. Комплексная гуманитарная экспертиза. М.: Смысл, 2008. 140 с.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003. 487 с.
10. Сулимов В. А. Семиотика литературного текста. Сыктывкар: Коми пединститут, 2009. 162 с.
11. Сулимов В. А. Текстовая деятельность, культура, коммуникация. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2003. 93 с.
12. Сулимов В. А. Философия и логика русского языкового континуума. Сыктывкар: Изд-во КГПИ, 2005. 128 с.
13. Сулимов В. А., Фадеева И. Е. Коммуникативное пространство современной культуры: знаки и символы // Философские науки. 2004. № 4. С. 110—123.
14. Тульчинский Г. Л. Гуманитарная экспертиза как социальная технология // Экспертиза в социальном мире: от знания к деятельности. М.: Смысл, 2006. С. 10—29.
15. Тульчинский Г. Л. Оценочно-эмоциональные факторы смыслообразования: нормативно-ценностные паттерны нарративов культуры // Человек. Культура. Образование. 2018. № 4 (30). С. 175—193.
16. Тульчинский Г. Л. Total branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре. СПб.: СПб ГУ, 2013. 280 с.
17. Фадеева И. Е. Символ в системе культуры. Теория и культурно-историческая феноменология. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 144 с.
18. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Семиозис: субъективная антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 252 с.
19. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Человек в культуре Севера: от модерна к модернизации (Республика Коми). СПб.: Астерион, 2016. 202 с.
20. Tulchinskii G. L. Social semiotics: communicative and socio-cultural practices. The Russian-speaking contribution to the development of social semiotics in 1970—2000 s. // Russian Journal of Communication, 2021. Vol.13. Issue 2. P. 203—221.

References

1. Asmolv A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. *Preadaptatsija k neopredeljonnosti: nepredskzuemye marshruty evoljutsii* [Pre-adaptation to uncertainty: unpredictable evolutionary routes]. Moscow: Akropol, 2018. 212 p. (In Russ.).
2. Bakshatanovskij V.I. (ed.) *Gumanitarnaja ekspertiza: vozmozhnosti i perspektivy* [Humanitarian Expertise: Opportunities and Prospects]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 173p. (In Russ.).
3. Bakshatanovskij V. I. *Prikladnaja etika i moral'noe tvorchestvo: kontseptsija gumanitarnoj ekspertizy i konsul'irovanija* [Applied Ethics and Moral Creativity: The Concept of Humanitarian Expertise and Counseling]. Tyumen: IPOS, 1990. 196p. (In Russ.).
4. Bratchenko S. L. *Vvedenie v gumanitarnuju ekspertizu obrazovanija* [Introduction to the humanitarian expertise of education]. St. Petersburg: SPb GUPM, 2003. 137 p. (In Russ.).
5. Kanitsheva L. N. *Formirovanie opyta gumanitarnoj ekspertizy u budushikh programmistov: na materiale sotsial'no orientirovannykh proektov* [Formation of the experience of humanitarian expertise among future programmers: on the material of socially oriented technical projects]. Volgograd: VGPU, 2009. 27 p. (In Russ.).
6. Kijattschenko L. P. *Sobytie. Lichnost'. Vremja (K filosofii transdistsiplinarnosti)* [Event. Personality. Time (Toward a Philosophy of Transdisciplinarity)]. Moscow: IPh RAS, 2017. 113 p. (In Russ.).
7. *Kontseptsija razvitija finno-ugorskogo etnokul'turnogo parka v s.Yb (Biarmija)* [The concept of the development of the Finno-Ugric ethnocultural park in the village Yb (Biarmia)]. (head of the group L.V. Gurlenova). Syktyvkar: SGU. 2016. (In Russ.).
8. Leont'ev D. A., Ivanchenko G. V. *Kompleksnaja gumanitarnaja ekspertiza* [Complex Humanitarian Expertise]. Moscow: Smysl, 2008. 140 p. (In Russ.).
9. Leont'ev D. A. *Psikhologija smysla. Priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti* [The psychology of sense. The nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow: Smysl, 2003. 487 p. (In Russ.).
10. Sulimov V. A. *Semiotika literaturnogo teksta* [Semiotics of the literary text]. Syktyvkar, Komi pedinstitut, 2009. 162 p. (In Russ.).
11. Sulimov V. A. *Tekstovaja dejatel'nost, kultura, kommunikatsija* [Text activity, culture, communication]. Syktyvkar, Isd. KGPI, 2003. 93 p. (In Russ.).
12. Sulimov V. A. *Filosofija i logika russkogo jazykovogo kontinuuma* [Philosophy and Logic of the Russian Linguistic Continuum]. Syktyvkar, Isd. KGPI, 2005. 128 p. (In Russ.).
13. Sulimov V. A., Fadeeva I. E. Communicative space of modern culture: signs and symbols. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2004, no.4, p. 110—123. (In Russ.).

14. Tulchinskii G. L. Humanitarian expertise as a social technology. *Ekspertiza v sotsial'nom mire: ot znaniya k dejitel'nosti* [Expertise in the social world: from knowledge to action]. Moscow: Smysl, 2006, pp. 10—29. (In Russ.).

15. Tulchinskii G. L. Estimating and emotional factors for meanings generation: normative-value patterns of cultural narratives. *Chelovek. Kultura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2018, no. 4(30), pp. 175—193. (In Russ.).

16. Tulchinskii G. L. *Total branding: mifodizain postinformatsionnogo obshchestva. Brendy i ikh rol' v sovremennom biznese i kul'ture* [Total branding: mythodesign of a post-information society. Brands and their role in modern business and culture]. St. Petersburg: SPbGU, 2013. 280 p. (In Russ.).

17. Fadeeva I. E. *Simvol v sisteme kultury. Teorija i kulturnoistoricheskaja fenomenologija* [Symbol in the system of culture. Theory and Cultural-Historical Phenomenology]. St. Petersburg, RGPU, 2003. 144 p. (In Russ.).

18. Fadeeva I. E., Sylimov V. A. *Semiozis: subjektivnaja antropologija simvolicheskoy realnosti* [Semiosis: the subjective anthropology of symbolic reality]. St. Petersburg, Asterion, 2013. 252 p. (In Russ.).

19. Fadeeva I. E., Sylimov V. A. *Chelovek v culture Severa: ot moderna k modernizatsii (Respublika Komi)* [Man in the culture of the North: from modernity to modernization (Komi Republic)]. St. Petersburg, Asterion, 2016. 202 p. (In Russ.).

20. Tulchinskii G. L. Social semiotics: communicative and socio-cultural practices. The Russian-speaking contribution to the development of social semiotics in 1970–2000s. *Russian Journal of Communication*, 2021, Vol. 13, Issue 2, p. 203—221.

Сведения об авторе / Information about the author

Тулчинский Григорий Львович

Grigori L. Tulchinskii

доктор философских наук,
профессор, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в
Санкт-Петербурге; профессор Санкт-
Петербургского государственного
университета (Санкт-Петербург,
Россия)

Doctor of Philosophy, Professor of
National Research University “Higher
School of Economics” (Saint Petersburg
Branch); Professor of Saint Petersburg
State University (St. Petersburg,
Russia)

199034, Россия, Санкт-Петербург,
10-я Линия В. О., 3

3, 10th Liniya V. O., St. Petersburg,
199034, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

21.02.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

25.02.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

27.02.2022

Научная статья / Original article

УДК 308

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-114>

**Мифологические представления тунгусо-маньчжуров
о происхождении человека**

Кубанова Татьяна Андреевна,

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург, Россия,
tatiana_kub@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена некоторым антропологическим аспектам мифологической картины мира тунгусо-маньчжуров, одного из самых многочисленных народов Сибири. При работе применялись системный и синергетический подходы, междисциплинарный и интегративный методы, методы опроса, моделирования, реконструкции. В статье использованы опубликованные материалы сибиреведов и отдельные полевые материалы автора.*

Культурологический анализ фольклорного, лексического, этнографического материалов позволяет выделить группы предков человека и определить их роль в формировании мифологической картины мира. Гендерные отношения между стихиями, заложенные еще в период создания мира, продолжают развиваться в процессе антропогенеза и поддерживаются в дальнейшем человеческим обществом с помощью обрядов и ритуалов. Первоначально человек совершенен и бессмертен, постепенно между стихиями неба и земли складываются антагонистические отношения, проявляющиеся в духовном и физическом несовершенстве человека. Шаман с помощью специальных ритуалов обеспечивает путь к гармоничному продолжению жизни человеческого рода.

Актуализация мифологической картины мира тунгусо-маньчжуров на рубеже XX—XXI вв. способствует выявлению продуктивных связей традиций и инноваций, обеспечивая преемственность современного художественного процесса Сибири.

Ключевые слова: миф, мифологическая картина мира, предок, род Саян, Сибирь, тунгусо-маньчжуры, человек, шаман

Для цитирования: Кубанова Т. А. Мифологические представления тунгусо-маньчжуров о происхождении человека // Человек. Культура. Об-

разование. 2022. № 1. С. 114—125. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-114>

Mythological Representations of the Tungus-Manchus about the Origin of Man

Tatyana A. Kubanova

State Russian Museum, St. Petersburg, Russia, tatiana_kub@mail.ru

Abstract. *The article is devoted to some anthropological aspects of the mythological picture of the world of the Tungus-Manchus, one of the most numerous peoples of Siberia. Systematic and synergistic approaches, interdisciplinary and integrative methods, survey methods, modeling, and reconstruction were used during the work. The article uses published materials of scientists and individual field materials of the author.*

Cultural analysis of folklore, lexical, ethnographic materials allows us to identify groups of human ancestors and determine their role in the mythological picture of the world. Gender relations between the elements, established as early as the period of the creation of the world, continue to develop in the process of anthropogenesis and are further supported by human society with the help of rites and rituals. Initially, a person is perfect and immortal, gradually antagonistic relations develop between the elements of heaven and earth, manifesting themselves in the spiritual and physical imperfection of a person. And a shaman helps in overcoming it, providing a path to the harmonious continuation of life of the human race.

Maintenance of the mythological picture of the world of the Tungus-Manchus at the turn of the 20th — 21st centuries. contributes to identification of the productive links between traditions and innovations, ensuring the continuity of the modern artistic process in Siberia.

Keywords: *myth, mythological picture of the world, ancestor, genus Samar, Siberia, Tungus-Manchus, man, shaman*

For citation: Kubanova T. A. Mythological Representations of the Tungus-Manchus about the Origin of Man. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 1:114—125 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-114>

Введение. Рубеж XX—XXI вв., характеризующийся процессом глобализации, в перспективе может привести к стиранию пространственных и временных границ, плюрализму идей и мнений. Но с другой стороны — это явление грозит зыбкостью человеческого существования, трудностью самоопределения отдельного человека и

потерей специфичности целых культур. В последние годы все активнее заявляют о себе этнические культуры и стремление к так называемой самобытности сопротивления [1]. Не случайно нынешний год объявлен президентом и правительством РФ годом народного искусства и нематериального культурного наследия народов России. Осмысленное отношение россиян к своей культуре, уважение к культуре малочисленных народов будет способствовать не только полноценному развитию культур многонационального государства, но и обогащению современного культурного пространства.

Цель данной статьи: исследовать некоторые антропологические аспекты мифологической картины мира одного из самых многочисленных народов Сибири — тунгусо-маньчжуров, активного участника культурогенеза Евразии. На основе фольклорного, этнографического, лексического материалов необходимо выявить предков человека и их роль в формировании мифологической картины мира (МКМ). Эти аспекты позволяют раскрыть структуру и смысл мировоззренческих представлений народов Сибири, ведущих традиционный образ жизни.

В языковую группу тунгусо-маньчжуров входят эвенки, эвены, нанайцы, ульчи, удэгейцы, негидальцы, орочи, ороки, которые по-прежнему сохраняют традиционный образ жизни охотников, рыболовов, оленеводов, собирателей.

Изучением истории и культуры тунгусо-маньчжуров, ее отдельных направлений занимались ряд историков, археологов, этнографов, фольклористов (А. Ф. Анисимов, Н. Я. Бичурин, М. В. Воробьев, Н. В. Ермолова, А. А. Петров, А. В. Смоляк, С. А. Козин, Н. В. Кюнер, З. С. Лапшина, А. П. Окладников, Л. И. Сем, Ю. А. Сем, С. М. Широкоголов и многие др.).

В истории изучения картины мира выделяются три периода: XIII—XVII вв. — собирательный; XVIII — начало XX в. — историко-этнографический; середина XX — начало XXI в. — культурно-антропологический. Последние десятилетия — время активной работы таких ученых, как С. В. Березницкий, Т. Д. Булгакова, А. А. Бурыкин, Е. А. Гаер, Н. В. Кочешков, Я. С. Крыжановская, Т. В. Лементович, Т. А. Пан, В. В. Подмаскин, Т. Ю. Сем, Г. Т. Титорева, А. Я. Чадаева, Е. В. Шаньшина, К. С. Яхонтов и др. Важное место в их публикациях, наряду с историко-этнографическими изысканиями, уделяется фиксации и анализу фольклорных материалов (мифов, легенд, пре-

даний, сказок), а также шаманских камланий и песнопений [2]. Нередко соавторами ученых выступают носители культуры, пытающиеся осмыслить особенности феномена своего народа. Безусловно, в этом плане заслуживает внимание книги Е. Д. Самар о малоизученном этносе Амура — гаринских нанайцах и древнем шаманском роде Самандё-Моха-Монггол, к которому принадлежит автор. Используя собственные знания, а также предания «дедовьев», она, дочь шамана и дипломированный врач, повествует о религиозных представлениях воззрениях своего народа. Этот взгляд «изнутри» представляет значительный интерес для исследователей [3].

Значительный фольклорный материал, собранный в 1960—1990-х известными учеными Л. И. и Ю. А. Семами во время экспедиций, опубликован в книге «Мифы, сказки и предания нанайцев (гольдов, хэчжэ)». Ученые зафиксировали бесценный материал носителей культуры, проживающих на Дальнем Востоке в середине прошлого столетия [4].

К началу XXI в. относится монография потомственного этнографа Т. Ю. Сем. В своих историко-этнографических очерках она анализирует структуру мироздания тунгусо-маньчжуров, его мифологическую и шаманскую составляющую, выявляет пантеон божеств и духов, которых почитают этносы на рубеже XIX—XX вв. [5].

Несмотря на опубликованный материал последних лет, посвященный тунгусо-маньчжурам, за рамками исследований остаются отдельные аспекты МКМ, которые и решает осветить автор данной статьи.

Методы исследования. Автором использовались системный и синергетический подходы, междисциплинарный и интегративный методы, методы моделирования и реконструкции. В основу обоснования указанных методов была положена необходимость научного осмысления проведенных комплексных, культурологических исследований мировоззрения и жизнедеятельности тунгусо-маньчжуров Сибири на рубеже XX—XXI вв. При этом были использованы опубликованные материалы сибиреведов и отдельные полые материалы автора (ПМА).

Результаты исследования. Важный этап в становлении МКМ связан с рождением человека, благодаря которому появляются раз-

личные мифы и сказания о древних доисторических и исторических временах. Анализ значительного фольклорного материала тунгусо-маньчжуров позволяет автору выделить две группы мифологических предков человека, отражающие разные этапы формирования мира. Первая группа связана с начальным периодом мироустройства, когда в мире царит водный хаос. Постепенно, благодаря небесной стихии, сферы воды и неба отделяются друг от друга, формируется двухчастная картина мира и появляется Человек/Демиург.

Вторая группа повествует о дальнейшем структурировании вселенной, появлении земли и усовершенствовании жизни человеческого рода. Мир приобретает трехчастную форму: к уже существующим стихиям неба и воды прибавляется срединный мир — место жизни земного человека.

Предками человека в первой, немногочисленной группе являются Птицы, небесные и водоплавающие (Утки, Лебеди, Гуси). В этом небесно-водном союзе находится место Человеку (Мужчине, Женщине, Братьям), который обладает созидательным началом. У негидальцев, орочей, нанайцев, ульчей создателем людей, демиургом выступают герой по имени Хадау/Эндури/Андури или безымянные небесные духи.

Согласно же орочскому мифу, люди на Земле произошли от брака первого человека с женщиной-уткой. Однажды в юрту к Человеку пришла утка Киоча, которая была очень ласковая, постепенно она выросла, стала говорить человеческим голосом и кричать по-людски. Она надела на себя одежды и стала как настоящая женщина, которую человек взял в жены, через несколько лет у них родились сын и дочь. Постепенно подобных людей становилось больше, они были высокого роста, никогда не болели и не умирали [6, с. 20]. В роли первопредка в некоторых вариантах преданий у нанайских родов Самар, Донкан, Удынкан, Киле, Тумали фигурирует птица орел. Появление людей у нанайцев связано также с оплодотворяющим действием помета птицы [3, 2003, с. 75—97]. Следует обратить также внимание и на то, что названия нанайских родов связаны с анатомическим строением мифической птицы кори: например, задняя часть колена досталась роду Заксор, передняя — Бельды, грудь — Тумали и т. д. [7, с. 503].

В маньчжурских вариантах мифов из красного плода, брошенного сорокой (воплощение горного духа) на озере Бурхули, у одной

из дев рождается мальчик, которого нарекают *Айжинь-гиоро*, что означает будущий властитель Маньчжурии. На его долю выпадает роль объединителя родов и создателя единого государства [8, с. 51—52].

Именно Первым Людям принадлежит начальное обустройство земного мира. Постепенно Человек, живший на маленьком клочке суши, с помощью плети увеличил ее размер, и, встретив женщину, образовал семью. В ней появились дети — первые земные люди, которые умели говорить, а звери, птицы, рыбы знали язык Человека и слышали его разговоры. Первые же люди во время жаркого периода Трех Солнц на Земле (этот период наступил по их воле, чтобы спасти землю от перенаселения) устанавливают порядок. Убив Два (Одно) Солнца, они, таким образом, восстанавливают условия для жизни смертного человека, которого они сами и породили [4, с. 102—106].

Итак, рассматривая первую группу мифов о предках человека, следует подчеркнуть, что Человек появляется под руководством небесной стихии с важной целью мироустройства, которое он совершает самостоятельно или в союзе с демидургами. Первоначально человек, как следует из космогонических мифов, обладает какими-то сверхъестественными силами, благодаря которым уже появляется небольшая часть земли и отдельные представители человеческого рода, а также устанавливаются законы человеческого общения.

Во второй группе мифов повествуется о земной жизни. Человек теряет свое божественное происхождение, которое было отмечено в первой группе. И предками человеческого рода становятся представители среднего мира (животные, растения или сама земля и ее недра).

У многих народов сохранились мифы, согласно которым в процессе создания людей нарушались условия их сохранения: из идеальных они становились кривоногими, хромыми, плешивыми, смертными¹. Первые люди (в их числе и шаманы), чтобы решить проблему перенаселения земли, определяют дорогу в подземный мир *буни*, которого не было ранее [4, с. 106—108].

У эвенков процессу сотворения человека предшествовал период создания животных на средней земле. В одном из сказаний злой Старший Брат создавал вредных животных. По воле же Младшего Брата появились полезные животные, умеющие разговаривать. Они позже и должны были охранять изваяния человека от проказ

¹ ПМА, 1989. Эвенкия. Сказитель В. Д. Хирогир, 1925 г. р., п. Эконда.

злого брата, но не смогли справиться с поставленной создателем задачей, за что поплатились умением изъясняться человеческим языком. Старший Брат, завладев человеком, породил в нем различные болезни [9, с. 31].

По некоторым нанайским версиям раньше мужчина был «все равно, что животное», позже верховное божество *Андури/Эндури* превознес его выше животного — человеком, который молился ему за это. А предки — животные остаются защитником человека на протяжении всей его жизни [10, с. 155—156]. У эвенков существует также миф о медведе — брате человека [11, с. 216—217]. Героиня сказки «Младшая Пудин», родившая сына от медведя, помогает блюсти законы жизни большой семьи. Предательство медведя-мужа оборачивается для его человеческих жены и сына превращением в медведицу и медвежонка. Но люди, убив их вторично, помогают вновь обратиться в подобных себе: капля крови медведицы вначале превратилась в птицу, севшую на ветку дерева, а затем в женщину, спасшую своего сына. Вновь очеловеченные мать и сын помирились с богатырем Мэргэном, отцом и мужем, осознавшим свою ошибку, и стали жить вместе¹.

Среди нанайцев не менее популярен тигр, от которого ведут происхождение большинство нанайских родов: Бельды, Одзял, отдельные группы Самар, Пассар, Заксор, Актанка; а также ульчские: Узяли, Байаусал. К примеру, у рода Актанка существует легенда о рождении мальчика по имени Актанка, что значит рожденный от тигра [12, с. 208—209]. Как правило, животных, которых считали предками рода, не убивали, а если это происходило случайно, то не устраивали пышных праздников по этому случаю. Вот чем объясняется отсутствие у рода Самар и других «медвежьих» родов традиционного для большинства нанайцев медвежьего праздника, во время которого варили мясо убитого зверя и угощали им собравшихся. Нельзя радоваться смерти своего предка представителям медвежьего рода, тогда как поедание мяса и жир хозяина тайги для представителей других родов способствует здоровью, силе, ловкости, выносливости охотников и их семей².

¹ ПМА, 1995. Сказитель А. Д. Оненко, с. Троицкое, Нанайский район, Хабаровский край.

² ПМА, 1996—1999. Информация К. И. Дигор, М. И. Тумали (до замужества из рода Самар), Е. Д. Самар, п. Кондон, Солнечный район, Хабаровский край

В лексике нанайцев отражается особое отношение к животным-предкам. Так, медведя называют *мана*, *мафа* (дед, дедушка), тигра — *бучилэ* (отец, прадедушка старик), волка — *ама* (дед, дедушка).

У части нанайских родов Пассар, Ходжер, Киле, Одзял, Донкан в роли прародителя выступает фантастическое животное — дракон (пумур, мудур), который, по мнению одних, живет в воде, по мнению других — на небе.

Для многих народов России характерны представления о родстве человека и дерева, не исключением являются и тунгусо-маньчжуры. У каждого человека есть свое личное дерево, за состоянием которого следят и при необходимости (к примеру, если дерево приходило в негодность) рядом сажают новое, и шаман переносил в него душу человека¹. Каждый нанайский род также имеет свое родовое дерево *омия Мони*, которое растет в небе. Души детей в виде птичек *омия* «созревали» на нем, а потом воплощались в женщин рода. Распространенным среди тунгусо-маньчжуров считается слово *мугдэ*, означающее деревянное изображение, воплощающее тело и душу умершего духа-предка [13, с. 59, 63]. Некоторые носители культуры отмечают, что деревья обязательно имеют половое отличие. К разряду женских деревьев многие носители культуры относят березу, осину, к мужским — тополь, лиственницу, дуб, черную березу. Эвенки считали, что бог при сотворении людей на земле создал два дерева: мужчину-лиственницу и женщину-ель [14, с. 54].

Итак, во второй группе мифологических предков человека важная роль отводится стихии воды. Как одна из ипостасей среднего мира, вода реализует свою созидательную женскую миссию в начале творения мира и «рожает» человека из недр земли (сохранились мифы, что человек появляется из глины, гальки, щепок, камней, пещер и др.). Она же, подчиняясь верховному божеству, выполняет его волю (к примеру, дождь изменяет не только внешний вид человека, но и его внутреннее содержание), связанную с выстраиванием иерархической лестницы между верхним миром и средним, между божеством и человеком. Таким образом, воплощаются антагонистические отношения, проявляющиеся не только между стихиями, которые мы наблюдали в первой группе мифов, но и внутри самих стихий.

¹ ПМА, 1995. Томск. Информация этнографа И.Е.Максимовой.

В образе животных, с которыми человек взаимодействует в критической ситуации, воплощается мудрое и благородное божество. Оно спасает человека от несправедливости, помогает в постижении законов жизни, в освоении им нравственных основ. И оно же наделяет женщину плодотворностью, реализуя, таким образом, гендерные отношения между человеком и небом, заложенные еще в начальный период сотворения мира. Животные-прародители узаконивают отношения как внутри среднего мира (к примеру, между человеком и миром тайги), так и между средним миром и небесным, обеспечивая в дальнейшем гармоничное существование человека. В мифологии сибирских народов первоначальное божественное единство «Человек — Мировое дерево» впоследствии, после рождения человека, нарушается в результате утраты человеком божественной силы. Теперь отношения между ним и деревом строятся по принципу: небо (дерево) — средний мир (человек), и небо обладает правом управления жизнью человека. Лишившись силы дерева, человек становится смертным. Иное положение занимает шаман как представитель неба на земле. Он не только усовершенствует структуру мира, создавая царство мертвых, но и с помощью обрядов и ритуалов поддерживает порядок в человеческом обществе [15, с. 135].

Заключение. Предок человека, как творение вселенной, в мифологической картине мира выполняет созидательную роль мироустроителя. Он участвует в формировании и еще неосознанном структурировании мира, создавая необходимые условия для жизни человека. Гендерные отношения между стихиями, заложенные еще в период создания мира, продолжают развиваться в процессе антропогенеза. Первоначально человек совершенен и бессмертен подобно богам. Но на следующем этапе его творения складываются антагонистические отношения между стихиями неба и земли, которые и отражаются в несовершенстве человека. Шаман с помощью специальных ритуалов обеспечивает путь к гармоничному продолжению жизни человеческого рода.

Актуальным направлением дальнейших исследований в условиях глобализации культурных процессов может стать изучение перспектив развития и трансформации культуры Сибири XXI в. в

контексте взаимодействия с культурой коренных народов как уникального явления региона России.

Список источников

1. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая индустриальная волна на Западе: антология. М.: Академия, 1999. С. 298—310.
2. Древний свет / зап. лит. обработка А. Чадаевой. Хабаровск: Кн. изд-во, 1990. 240 с.; Бельды Р. Ф., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Фюрстенберг, 2012. 268 с.; Булгакова Т. Д. Камлания нанайских шаманов. Фюрстенберг, 2016. 309 с.
3. Самар Е. Д. Под сенью Родового Древа. Хабаровск: Кн. изд-во, 2003. 211с.; Самар Е. Д. Под сенью Родового Древа. Хабаровск: Редакция «Рыбак Хабаровского края», 2016. 312 с.
4. Сем Л. И., Сем Ю. А. Мифы, сказки и предания нанайцев (гольдов, хэчжэ). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 668 с.
5. Сем Т. Ю. Картина мира тунгусов: пантеон (семантика образов и этнокультурные связи): историко-этнографические очерки. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 626 с.
6. Березницкий С. В. Мифология и верование орочей. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 208 с.
7. Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы : статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
8. Васильев В. П. Сведения о маньчжурах во времена династии Юань и Минь. СПб.: Тип. В. Головина, 1863. 75 с.
9. Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК им. П. Г. Смидовича, 1936. 290 с.
10. Кубанова Т. А. Мудрый Мир На-Най. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2006. 197 с.
11. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
12. Лопатин И. А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Опыт этнографического исследования // ЗОИАК ВОПО РГО. Владивосток: ДВГУ, 1922. Т. XVIII. 370 с.
13. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (кон. XIX — нач. XX в.). Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1984. 200 с.
14. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1992. 241с.
15. Хренов Н. А. Миф в культуре XX века в его экранном варианте // Методологические проблемы исследования этнических культур : материалы симпозиума. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1978. С. 131—141.

References

1. Kastel's M. The Power of Identity. *Novaya industrial'naya volna na Zapade: antologiya* [The New Industrial Wave in the West: An Anthology]. Moscow: Akademiya, 1999, pp. 298—310. (In Russ.).

2. *Drevnij svet* [Ancient light] / Zap.i lit.obrabotka A.Chadaevoj. Habarovsk: Kn. Izd-vo, 1990. 240 p. (In Russ.); Bel'dy R. F., Bulgakova T. D. *Nanajskie skazki* [Nanai tales]. Fyurstenberg, 2012. 268 p. (In Russ.); Bulgakova T.D. *Kamlaniya nanajskih shamanov* [Kamlaniya of Nanai shamans]. Fyurstenberg, 2016. 309 p. (In Russ.).

3. Samar E. D. *Pod sen'yu Rodovogo Dreva* [Under the shadow of the Family Tree]. Khabarovsk: Kn. Izd-vo Press, 2003. 211 p. (In Russ.); Samar E. D. *Pod sen'yu Rodovogo Dreva* [Under the shadow of the Family Tree]. Khabarovsk: OOO Redakciya «Rybak Habarovskogo kraja» Press, 2016. 312 p. (In Russ.).

4. Sem L. I., Sem Yu. A. *Mify, skazki i predaniya nanajcev (gol'dov, hechzhe)*. [Myths, fairy tales and legends of the Nanais (golds, hezhe)]. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 2019. 668 p. (In Russ.).

5. Sem T. Yu. *Kartina mira tungusov: panteon (semantika obrazov i etnokul'turnye svyazi): istoriko-etnograficheskie ocherki* [The picture of the world of the Tungus: pantheon (semantics of images and ethno-cultural connections): historical and ethnographic essays]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU Press, 2012. 626 p. (In Russ.).

6. Bereznickij S. V. *Mifologiya i verovanie orochej* [Mythology and beliefs of the Orcs.]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 208 p. (In Russ.).

7. Shternberg L. Ya. *Gilyaki, orochoi, gol'dy, negidal'cy: stat'i i materialy* [Gilyaks, Orochs, Golds, Negidals: articles and materials]. Khabarovsk: Dal'giz, 1933. 740 p. (In Russ.).

8. Vasil'ev V. P. *Svedeniya o man'chzhurah vo vremena dinastii YUan' i Min'* [Information about the Manchus during the Yuan and Ming Dynasties]. St. Petersburg: tip. V. Golovina, 1863. 75 p. (In Russ.).

9. Vasilevich G. M. *Sbornik materialov po evenkijskomu (tungusskomu) fol'kloru* [Collection of materials on Evenki (Tungus) folklore]. Leningrad: Izd-vo Instituta narodov Severa CIK im. P. G. Smidovicha Press, 1936. 290 p. (In Russ.).

10. Kubanova T. A. *Mudryj Mir Na-Naj* [Wise World Na-Nai]. St. Petersburg: Kul't-Inform-Press, 2006. 197 p. (In Russ.).

11. Vasilevich G. M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nach. XX v.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII — early XX century)]. Leningrad: Nauka, 1969. 304 p. (In Russ.).

12. Lopatin I. A. *Gol'dy amurskie, ussurijskie i sungarijskie. Opyt etnograficheskogo issledovaniya* [Amur, Ussuri and Sungari golds. Experience of ethnographic research]. ZOYAK VOPO RGS [ZOYAK VOPO RGS], vol. XVIII. Vladivostok: DVGU Press, 1922. 370 p. (In Russ.).

13. Mazin A. I. *Tradicionnye verovaniya i obryady evenkov-orochonov (kon. XIX — nach. XX v.)* [Traditional beliefs and rituals of the Evenks-Orochons (end of the 19th — beginning of the 20th century)]. Novosibirsk: Nauka, Sib. otделение, 1984. 200 p. (In Russ.).

14. Alekseev N. A. *Tradicionnye religioznye verovaniya tyurkoyazychnyh narodov Sibiri* [Traditional religious beliefs of the Turkic-speaking peoples of Siberia]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 241 p. (In Russ.).

15. Hrenov N. A. Myth in the culture of the twentieth century in its screen version. *Metodologicheskie problemy issledovaniya etnicheskih kul'tur: materialy simpoziuma* [Methodological problems of the study of ethnic cultures: materials of the symposium]. Yerevan: Izd-vo AN Armyanskoj SSR, 1978, pp. 131—141. (In Russ.).

Сведения об авторе / Information about the author

Кубанова Татьяна Андреевна

Tatyana A. Kubanova

кандидат культурологии,
Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург, Россия
191186, Санкт-Петербург,
Инженерная ул., 8

Candidate of Culture-Studies
Head Researcher on Science Education
of the FSBEU «State Russian Museum»
8, St. Engineering, St. Petersburg,
191186, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing
Принята к публикации / Accepted for publication

11.02.2022
19.02.2022
25.02.2022

Научная статья / Original article

УДК 130.2 + 001.8 + 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-126>

Культурология и постколониальные исследования
Статья 1

Мартынов Владимир Анатольевич

Омская гуманитарная академия, Омск, Россия, vmartynov@list.ru

Аннотация. В многообразном поле дисциплинарных исследований сюжет «культурология и постколониализм» особенно драматичен. Именно отсылки к моральному авторитету постколониализма, обретшего статус научной дисциплины к 1990 г., существенно усилили то давление, с которым российская культурология столкнулась через пять-семь лет после своей институализации. Исследуемая область первой статьи очерка — эпистемологические импликации аутентичного постколониализма, т. е. того его состояния, которое представлено в «Ориентализме» Э. Саида. Исходные эпистемологические параметры проявляются в контексте дихотомии «реализм-конструктивизм», т. е. проверяются на наличие реалистического «бэкграунда». До сих пор такая проверка не предпринималась, хотя именно уточнение первичных параметров — то, что сегодня в первую очередь актуально. Гипотеза, которая представлена в первой статье, заключается в допущении фундаментальной сложности раннего постколониализма: аутентичный постколониализм не был унифицированно конструктивистским проектом, всеобщее представление о постколониализме как о стерильно чистом конструктивистском проекте, свободном от следов реализма, некорректно. Методология исследования опирается на принципы сравнительно-исторической эпистемологии. Результат исследования: аутентичный постколониализм Э. Саида существенно реалистичен. Более того, в каком-то из моментов своего развития логика становящегося постколониализма выходила к тому варианту реализма, который является фундаментальным для российской культурологии. В некоторой точке намечалось почти родство. Понимание этого факта важно и для того, чтобы понять постколониализм всерьез, как нечто принципиально значимое, и для того, чтобы противостоять критикам реалистической культурологии.

Ключевые слова: культурология, эпистемологический реализм, эпистемологический конструктивизм, междисциплинарные исследования,

постколониальные исследования, Культура с большой буквы, Э. Саид, эссенциализм, плюрализм, М. М. Бахтин

Для цитирования: Мартынов В. А. Культурология и постколониальные исследования. Статья первая // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 126—148. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-126>

Culturology and Postcolonial Studies Article 1

Vladimir A. Martynov

Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia, vmartynov@list.ru

Abstract. *In the diverse field of disciplinary research, the plot of “cultural studies and postcolonialism” is particularly dramatic. It was the references to the moral authority of postcolonialism which acquired the status of a scientific discipline by 1990, that significantly increased the pressure that Russian culturology faced some years after its institutionalization. The research area of the first article of the essay is the epistemological implications of authentic postcolonialism, i.e. its state which is represented in E. Said’s “Orientalism”. The initial epistemological parameters are clarified in the context of the “realism-constructivism” dichotomy, i.e. they are checked for the presence of a realistic “background”. So far, no such verification has been undertaken although clarification of the primary parameters of discourse is primarily relevant today. The hypothesis presented in the first article is the assumption of the fundamental complexity of early postcolonialism: authentic postcolonialism was not a unified constructivist project, the general idea of postcolonialism as a sterile pure constructivist project, free from traces of realism, is incorrect. The research methodology is based on the principles of comparative historical epistemology. The result of the study is that the authentic postcolonialism of E. Said is essentially realistic. Moreover, at some point in its development, the logic of the emerging postcolonialism came out to that version of realism, which is fundamental for Russian culturology. At some point, there was almost a kinship. Understanding this fact is important both in order to understand postcolonialism seriously as something fundamentally significant, and in order to resist critics of realistic culturology.*

Keywords: *Culture-studies, epistemological realism, epistemological constructivism, inter-disciplinary research, post-colonial studies, Culture as spelled with a capital letter, E. Said, essentialism, pluralism, M. M. Bakhtin*

For citation: Martynov V. A. Culturology and Postcolonial Studies. Article 1. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 1:126—148 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-126>

Введение. Если прав академик В. А. Лекторский и действительно в современном гуманитарном знании ни одна фундаментальная проблема не может быть решена без постановки в контекст дихотомии «реализм-конструктивизм» [1]¹, то для междисциплинарных исследований это особенно важно. Здесь аналитика усложняется радикальным образом. О междисциплинарных связях невозможно больше размышлять «просто», как о ситуации «вообще», выстраивая линии либо «вражды», либо «дружбы» дисциплин «Х» и «У». Любой анализ междисциплинарных связей тогда требует учета комбинаторики возможностей, вытекающих из умножения двух дисциплин на две эпистемологии.

Особенно драматично в этом контексте выглядит положение культурологии. Она и так «прилипчива» к соседним дисциплинам, и так почти вся сплошь на границах и на стыках. Достаточно вспомнить конференции Российского института культурологии в Белых Столбах (см.: [6; 7; 8; 9; 10]). Эти пять конференций — лучшее из того, что было в теоретических баталиях «эпохи РИКа». И все они — о культурологии как о «пограничном» дискурсе. Иначе говоря, само определение культурологии оказывалось указанием на векторы притяжения и отталкивания с соседними дисциплинами, т. е. само бытие культурологии — это бытие на гранях и на границах.

История притяжений и отталкиваний культурологии и постколониализма в этой перспективе — нечто особенно драматичное. Это вызвано особым положением постколониализма в круге наук о культуре. Главная из этих особенностей — наличие значительного морального авторитета или, в терминологии П. Бурдьё, капитала. А метафора «капитал» непростая. В реальной экономике капитал может быть инвестирован как в рост какого-то актива, так и в снижение. Драма в том, что по отношению к культурологии работали и работают обе эти стратегии. На один из вариантов культурологии авторитет постколониализма обрушился давлением, «акции» другой культурологии, наоборот, получили поддержку. «Имена адресатов» поддержки/сопротивления тайной не являются: в планетарном успехе англо-американского проекта *cultural studies* большую

¹ О контекстах этого тезиса В. А. Лекторского, о сегодняшних дискуссиях конструктивистов и реалистов и о том, как это связано с культурологией кратко см.: [2; 3]. Подробнее о проблемах современного гуманитарного знания в контексте «дихотомии Лекторского» см.: [4; 5].

роль сыграл именно авторитет постколониализма. А успех культуральных исследований обрушился с середины 1990-х гг. на российскую культурологию системным давлением.

Сегодня все западное гуманитарное знание — это прежде всего постколониальное знание. Для этого оно должно было пережить радикальную трансформацию, в том числе институционального порядка. Это и произошло и продолжает происходить. Это видно, например, в литературоведческой отрасли. Повсеместно прекращают существование кафедры, традиционно изучавшие историю литературы как часть истории национальных культур. Изучать историю национальных литератур теперь считается неактуальным. В ведущих университетах на месте старых кафедр национальных литератур появляются кафедры постколониального литературоведения. В России кафедры русской литературы еще пока сохраняются, но российские литературоведы многое сделали для того, чтобы подготовиться к современным трансформациям.

Сложность положения российской культурологии в этом контексте очевидна. Мы не только имеем смелость изучать русскую культуру, нет никаких признаков того, что российские культурологи собираются от этой неполиткорректной «привычки» отказываться. Наша культурология остается форпостом, почти воинственно противостоящим новейшим трендам. Крупнейший центр культурологических исследований, Российский НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, не только занимается изучением русской национальной культурной традиции самым принципиальным образом, более того, для него это главная приоритетная цель (заявленная в самом названии института). «Ключевой стратегической целью» работы НИИ им. Лихачева является «проведение фундаментальных и прикладных исследований в области... изучения роли наследия в передаче от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения» (программное положение с заглавных страниц сайта института). С точки зрения западного гуманитарного знания это — расизм. Вопрос стоит именно так. Само понятие «русской цивилизации» — расизм, акцент на «наследии»¹ — фундаментализм, и т. д. и т. п. С точки зрения просвещенного западного гуманитария мы все — ра-

¹ Очень выразительно краткое название НИИ им. Лихачева: «Институт Наследия», именно так, с большой буквы «Н» в слове «наследие».

систы и фундаменталисты. В крупнейшей методологической дискуссии в нашей гуманитаристике¹ её «застрельщик» американский теоретик К. Платт поражался тому, что в России до сих пор всерьёз («фундаментально», как сказано в программных установках НИИ им. Лихачева) изучают Пушкина. «Некоторые российские специалисты намекали мне, что это [изучать и всерьёз читать Пушкина. — В. М.] правильно и хорошо, что они счастливы надеть мантию первосвященника культа Пушкина. Мне нечего возразить на их выбор. Но я полагаю, что наука в целом должна идти другим путем» [12, с. 72]. Для К. Платта изучать всерьёз Пушкина, — именно расизм и империализм, те, кто изучают Пушкина — не ученые, а пропагандисты, или, что еще хуже, шаманы. «Специалист, изучающий Пушкина», «гораздо больше похож на первосвященника какой-то религии, чем на ученого, выискующего знания» [12, с. 72].

Как противостоять этому обвинению? Оправдываться? Но *о-правдываться* — значит отказаться от самой правды, значит принять заданные извне правила «игры».

Кстати, именно так поступила элита нашей антропологии/этнологии. Книга академика В. А. Тишкова «Реквием по этносу» [13] — это именно и попытка оправдания, и перехода на новые правила «игры». Знаком уже состоявшейся трансформации стал термин «примордиализм», ставший после книги В. А. Тишкова регулярным инструментом российской этнологии².

Нет, оправдываться не надо. Мы не расисты. Надо прежде всего твёрдо уяснить себе сам этот факт, затем найти слова для ответа. То есть нужна логика. Нужна внятная контекстуализация проблемы. «Дихотомия Лекторского» и есть тот контекст, который, во-первых, усложняет ситуацию и позволяет увидеть в том числе и в постколониализме не только источник агрессии, но и иное; во-вторых, возвращает к простой правде: изучение поэзии Пушкина (равно как и драм Шекспира) — не расизм и не империализм, как то полагают наши критики.

¹ В журнале «Новое литературное обозрение» в 2010—2013 гг. Подробно о дискуссии см.: [11].

² Драматично о предистории этой трансформации недавно рассказал сам В. А. Тишков [14]. Получилось все как-то просто. Первые же контакты еще советских тогда этнологов с американской антропологией в конце 1980-х гг. привели В. Тишкова в состояние глубочайшего стыда за собственный «расизм». Итогом этих переживаний и стала книга «Реквием по этносу».

Первая констатация, важная для осмысления проблемы «культурология и постколониализм» в контексте «дихотомии Лекторского»: современное западное гуманитарное знание является все в целом радикально конструктивистским. Соответственно, все значимые теоретические проекты в ближайшей предыстории современного знания мыслятся конструктивистки. Второе: постколониализм мыслится сегодня тоже полностью конструктивистским проектом. Иное мыслить в принципе недопустимо, поскольку постколониализм — фундаментальное основание современного знания. Классические тексты постколониализма превратились в священные книги современного знания.

Понятно, какие дополнительные проблемы это создает для российской культурологии. Российская культурология была и продолжает оставаться реалистичной. Следствие этого — серьезное отношение к культурному наследию, к классике, к «Культуре с большой буквы». И уже это — страшный грех. Потому что для конструктивизма Культура с большой буквы — мертва, а те, кто её защищают — пытаются затащить человечество в мертвое прошлое, в традиционализм и фундаментализм. Но этих обвинений мало, они недостаточно театрально эффектны. Постколониализм появился как раз вовремя. Именно благодаря постколониализму появилась возможность обвинить реалистичное гуманитарное знание еще и в расизме. Именно постколониальное риторическое творчество изобретает метафору, объявляющую Культуру с большой буквы идеологической формой диктатуры «Большого белого человека». Эта метафора делает давление на реалистичную культурологию на порядок более сильным. Поэтому не случайно, что среди филиппик, адресуемых российской культурологии, слова обвинения были сказаны именно в том контексте, где постколониальная риторика была центром и «порождающей грамматикой» дискурса¹. Поэтому определение позиции по отношению к постколониализму является необхо-

¹ «Постперестроечная» российская культурология — «свалка дилетантских сочинений “на тему культуры”» [15, с. 87] (К. Богданов). К. Богданов — один из наиболее близких к постколониальной гуманитаристике наших антропологов. А слова о российской культурологии как о «свалке» произнесены в упоминавшейся выше дискуссии в журнале «Новое литературное обозрение», где К. Платт призывал российское гуманитарное знание следовать курсом американского литературоведения, пережившего трансформацию из национального, т. е. «колониального», в постколониальное литературоведение [16].

димым моментом работы в сегодняшнем теоретическом самоопределении реалистической российской культурологии.

Методологические предпосылки исследования. Методология исследования опирается на принципы сравнительно-исторической эпистемологии. Авторитетная современная модель сравнительно-исторического метода исследования «эпистем» представлена П. Серио в его исследовании раннего структурализма [17]. Это интересно и продуктивно. Но допустимы поправки. П. Серио — радикальный конструктивист. Между тем как сравнительно-историческая эпистемология возможна и в реалистическом варианте. Более того, у реалистичной сравнительно-исторической эпистемологии есть богатая история, есть сложившиеся традиции. На это указано в работах: [18; 5]. Реалистичная сравнительная эпистемология — современный метод исследования интеллектуальной истории, эффективный и адекватный для исследования взаимосвязей постколониализма и культурологии.

Результаты исследования и их обсуждение. Определение границ аутентичного постколониализма не является проблемой. «Подлинный», «первоначальный» (здесь можно поставить любой из тех предикатов, которые связываются обычно с понятием аутентичности) постколониализм — это та его модель, которая представлена в книге Э. Саида «Ориентализм» [19]¹. Эта книга занимает ис-

¹ Отсюда возможность очень простой истории постколониализма, когда началом оказывается точная дата. Это 1978 год, год выхода книги Саида «Ориентализм». В принципе есть возможность мыслить генеалогию постколониализма иначе. Так, например, С. Кришна связывает её с «марксизмом третьего мира» [20]. Но в этом случае материнским дискурсом для постколониализма мыслится антиколониализм, вся целостность дискурсивных стратегий сопротивления колониализму. Отчасти это так, сопротивление колониализму является значимым фактором в становлении постколониализма. Но, даже если это и так, даже если «материнство» и можно приписать антиколониализму, то постколониализм — тот случай, когда нельзя обойтись без «отцовства», столь же важного. Речь, разумеется, о постструктурализме. Само слово «постколониализм», очевидно, вторично по отношению к термину «постструктурализм». Постколониализм как научный проект, как дискурс и как идеология целиком и полностью вторичен по отношению к постструктурализму М. Фуко и Ж. Деррида. Не освобождение как таковое является важным, а письмо

ключительное положение в современной науке. Её значение трудно с чем сравнить. Для современного знания она значима так же, как Библия для воцерковленного христианина. В книге Э. Саида установлен символ веры современного интеллектуала-гуманитария. Наверное этому символу любой сегодняшней западной гуманитарий присягает в своих работах. Следовательно, важно понять, что есть главное в книге Э. Саида, о её смысле как целостном акте высказывания.

В качестве такового книга «Ориентализм» представляет собой гигантский обвинительный приговор всей западной цивилизации в целом. На этот раз Запад оказывается виновным в преступлении против Востока. Это преступление — регулярно реализуемое на протяжении столетий насилие по отношению к Востоку. Это насилие деспотическое и поэтому не имеет оправданий. Отношение Запада к Востоку таково же, как отношение господина к бесправному рабу.

Что-то подобное в адрес Запада уже звучало, простой поток претензий не был бы чем-то оригинальным, а Э. Саид оригинален. В своеобразии его позиции решающих моментов два. Первый — это структуралистский подход к проблеме. Если бы подход был до-структуралистский или постструктуралистский, пунктов обвинения было бы множество, а у Саида он один-единственный. Все преступления Запада представляют собой системное целое, организуемое единым системным принципом. Этот принцип — воля к насилию, желание господина сохранить свое право на подавление воли раба.

Второй момент — сложность понимания насилия. Э. Саида не интересует прямое силовое подавление. Это слишком просто, это колониализм как таковой, история его хорошо известна. Саида же интересует современность, то состояние во взаимоотношениях

и чтение. «Для постколониализма фундаментально переосмысление условных модусов чтения» [21, р. 34]. Это есть и у М. Янга [22], и в новейших моделях [23; 24; 25]. Можно сделать вывод, что творец постколониализма — Э. Саид (см. особенно: [26]). Э. Саид — один из создателей современной рациональности, культовый мыслитель. Комментирование его текстов превратилось почти в науку, количество работ о нем велико и растет с каждым годом. Только что вышла капитальная научная биография, написанная известным теоретиком Т. Бреннаном [27]. Есть «саидовская энциклопедия» с обширной библиографией [28].

Востока и Запада, которое наступает после окончания колониальной эпохи. Прямое подавление в этой точке заканчивается, и тогда появляется возможность веры в то, что воля Запада к рабовладельческой эксплуатации Востока исчерпана, что её больше нет, а есть воля к взаимодействию на равных. Но Саид говорит: нет, это иллюзия. Все осталось по-прежнему, Запад продолжает эксплуатировать Восток как раба, при этом прямые силовые методы подавления сменились на косвенные. Книга Э. Саида является экспликацией новых методов подавления. Возможность этой экспликации появилась опять же благодаря структурализму. При переходе от прямой эксплуатации к косвенной сохранилось знание о Востоке. И это знание структурировано. Структуры этого знания не нейтральны, оно несет в себе алгоритмы, транслирующие насилие настолько эффективно, что степень повиновения слуги господину остается той же, что и при прямом силовом подавлении.

Особенный же драматизм ситуации в том, что в современном знании о Востоке есть что-то похожее на подвиг. Около двухсот пятидесяти лет тому назад были предприняты попытка создания науки о Востоке, «ориентализма». А там, где наука, там появляются претензии на возможность построения знания, свободного от злой или доброй воли, т. е. знания «объективного». Это серьезная претензия. Если попытка создать объективное знание о Востоке состоялась, то тогда с появлением ориентализма появилась возможность обрести знание о Востоке, свободное от воли к насилию. Сама возможность появления ориентализма — это торжество веры в свободное от насилия знание. Так ориентализм говорил о себе, так о нем говорили европейские элиты. До Э. Саида. Книга «Ориентализм» — это прежде всего похоронный марш по ориентализму как о подвиге. Вся история ориентализма — это история обманов и самообманов. Науки о Востоке, по Э. Саиду, никогда не было, нет и сегодня. Всем попыткам достижения истинного знания о Востоке предшествовала воля-к-знанию, а она никогда не была свободной от воли к насилию. Все знание Запада о Востоке — это знание, подавляющее Восток, а именно «ориентализующее» его. «Главной задачей» в том числе и самых великих ориенталистов «было держать Восток и ислам под контролем Белого Человека»[19, с. 367].

Э. Саид очень хочет быть радикальнейшим плюралистом и в целом умеет быть именно таковым. Он умеет быть плюралистом в са-

мом сложном, там, где плюрализм, казалось бы, не мыслим в принципе, в понимании сферы сакрального. Так, фундаментально плюралистичным, по Э. Саиду, оказывается ислам. Единого ислама нет. Все те события, в которых Запад видит проявления сильного единого ислама, означают иное, все это «не свободно от конфликта интерпретаций». «То, что на Западе видится чрезвычайным событием, возвратом к исламу или его возрождением, в действительности является борьбой внутри исламских сообществ за определение ислама» [19, с. 514]. Западный в целом и ориенталистский в частности взгляд на ислам является “некритичным и эссенциалистским” подходом к “гетерогенной, динамичной и комплексной человеческой реальности”» [19, с. 515].

Это очень сильное и яркое утверждение, и вся защита ислама Э. Саидом в целом интересна — именно почти вдохновенным плюрализмом. Но тут же сам собой возникает вопрос. В таком ответственном месте, в определении ислама как типологически особенной религии, ответственность должна быть последовательной, должны быть сделаны типологические оговорки, сравнение, прежде всего с христианством. Но есть другое. Никогда и нигде Э. Саид не говорит о плюрализме христианства. Наоборот, везде он говорит о христианстве как о «просто христианстве», т. е. как о простом явлении, обладающем монолитной смысловой целостностью. Всегда равной себе монолитностью. По Э. Саиду, о христианстве можно мыслить эссенциалистски (и фундаменталистски), тогда как о исламе мыслить эссенциалистски и фундаменталистски он категорически запрещает. Мусульманство плюралистично и свободно от фундаментализма, а вот христианство оказывается догматическим, антиплюралистическим фундаментализмом.

А еще необходимо учитывать значимость оппозиции «эссенциализм — антиэссенциализм» в его эпистемологии. Для Э. Саида эта дихотомия — главный эпистемологический инструмент. Слово «эссенциализм» в его текстах — наиболее регулярный оператор эпистемологической оценки, т. е., иначе говоря, это самое популярное у Э. Саида «эпистемологическое ругательство». И тогда еще раз: антиэссенциалистская трактовка ислама в мире Э. Саида означает его высшую оценку именно как фундаментально плюралистической логики. Тогда как христианство от подлинного плюрализма оказы-

вается отрезанным. Оно, в противоположность исламу, монолитно и монологично, является фундаменталистским догматизмом.

Несколько слов об инструментах интерпретации сакрального. Возьмем сакральное слово в его внутреннем пределе. Самое сакральное слово среди всех сакральных слов — это слово Бога. Оно может быть понято плюралистично? И да, и нет. Казалось бы, нет. На то оно и слово Бога, чтобы всегда оставаться именно Тем Самым Словом Бога, единственным, лишенным какой-либо множественности. Так это всегда в сфере сакрального и было. Но это один полюс. На другом полюсе — Евангелие, которое транслирует Слово Бога, но уже в точке сакрализованного акта священной трансляции этого слова ведет себя парадоксально. Оно дает не само слово Христа, который говорил на арамейском, а его перевод на греческий язык. Ведь любой перевод — это искажение. Затем существенная часть христиан согласилась считать священным слово, искаженное дважды, т. е. переведенное на латинский. Затем еще одна существенная часть приняла в качестве священного текст Лютера, где слово Бога было искажено трижды (греческий — латинский — немецкий). И т. д. и т. п. Переводы множатся и множатся, и вся эта индустрия переводов была санкционирована уже в ранних текстах Евангелия. Как это все интерпретировать?

Нет никакой возможности не связать переводимость Слова Бога с плюрализмом¹. Там, где есть допущение переводимости слова, там всегда есть вариативность смысла. А там, где есть допущение вариативности смысла, там есть и плюрализм. И тогда христианство, плюралистично понимающее Слово Бога, и есть фундаментально плюралистическое учение².

С другой стороны, где нет вариативности, там нет и плюрализма. А важнейший факт таков: ислам нигде и никогда не допускал возможность переводов Слова Пророка Мухаммеда. Переводы Ко-

¹ У Н. С. Автономовой операция перевода сама по себе имплицитно подразумевает плюрализм [29].

² Как нечто фундаментально плюралистичное понимал христианство С. С. Аверинцев. К сожалению, специальных текстов об этом он не опубликовал. Краткая формула такова: «Для христианства, в отличие от многих других религий, историческое время доктринально важно» [30, с. 371]. Отсюда получается, что Слово Бога не может быть не проблемным, оно не может «перестать быть трудным» [30, с. 371]. Все наше размышление о фундаментальном плюрализме христианства — попытка уточнения этих слов Аверинцева.

рана есть, но в практике богослужения они использованы быть не могут, во всех мечетях Коран читают по-арабски. И сколько бы ни было «конфликтов интерпретаций» внутри ислама между «мусульманскими обществами», ни одно из них никогда не покушалась на то, чтобы позволить себе написать слово пророка иначе, чем это написано в Коране.

Отсюда вопрос к Э. Саиду: как можно игнорировать тот факт, что ислам не допускает никакой вариативности в написании и произнесении Слова Пророка, тогда как христианство уже в «точке сборки» благословляет вариативность бытия Слова Христа? Эту разницу можно интерпретировать сколь угодно сложно, но не заметить сам факт существования Евангелия (благой вести) во множестве языковых обличей нельзя. И нельзя не связать эту вариативность с плюрализмом. Между тем как Э. Саид этой связи не видит в принципе. А еще он мыслит христианство эссенциалистски, при том что в плане общей теории им декларируется радикальнейший антиэссенциализм. То есть получается, что радикальнейший антиэссенциалист современного знания «правильно», антиэссенциалистски, мыслит то, что ему дорого и близко, а от того, что несимпатично, можно отказаться, не прибегая к эпистемологическим сложностям.

Почему это важно для разговора о главной книге Э. Саида и о её предмете, ориентализме? Потому что и ориентализм автор «Ориентализма» мыслит точно так же, как христианство, эссенциалистски, как то, о чем можно сказать, что оно просто «есть», и у чего есть «сущность». Получается, что мусульманство, являясь догматическим вероучением, оказывается плюралистическим пониманием «постоянно создающейся и пересоздающейся» «человеческой реальности», тогда как ориентализм, задуманный как научный дискурс, об изменчивой реальности ничего не знает и оказывается догматическим фундаментализмом.

Для Э. Саида это именно так, хоть и с уточнением. Логика Э. Саида и в целом, и по отношению к ориентализму динамична. Иногда он готов достаточно далеко уйти в постулировании каких-то плюралистических моментов ориентализма и говорит о вариантах. Но никогда по этому пути не уходит далеко, никогда не рвет с представлением о том, что ориентализм всегда и везде сохраняет монолитность своего целого. Своего предела саидовский плюрализм достигает в позднейшем «Послесловии» к переизданию «Ориентализ-

ма» 1995 г., в возражениях оппонентам. Говорится о том, что есть разные варианты, «нюансы и тонкие различия в том, что касается людей, периодов и стилей ориентализма». «Мой анализ меняет картину, усиливает различия, отделяет периоды и авторов друг от друга» [19, с. 520], но... Но при этом сказать об ориентализме то же, что он говорит об исламе, Э. Саид не может. Ислам настолько вариативен, что единого ислама, «просто ислама», ислама «самого по себе» нет, а есть только «множество вариантов». А вот ориентализм, несмотря на всю вариативность, самим собой остается. После всех «плюралистических» поправок к своему пониманию ориентализма Саид ставит слово «однако» и «таким образом», «мы вновь возвращаемся к историческому и политическому контексту книги» и «её содержанию» [19, с. 520]. «Таким образом» ориентализм снова и снова оказывается единой целостной системой. Ориентализм — «система идеологических фикций» [19, с. 497]. «Всю историю ориентализма можно рассматривать как вершину... с панорамным видением, на фоне которого подробности восточной жизни служат только лишь тому, чтобы еще раз подтвердить “восточность” предмета исследования»; прежде всего, ориентализму “всякого араба, коль скоро он — восточный человек, нужно подвести под представление о восточном типе, сконструированном западным ученым”» [19, с. 381—382]. И тогда ориентализм в главных своих моментах остается снова и снова всегда и везде одинаковым¹. Остается одной и той же «волей-к-истине», одной и той же агрессией. Нигде на про-

¹ В первой главе есть пассаж, который не оставляет возможности не думать, что ориентализм для Э. Саида — целостный единый проект, осуществляемый Западом с античности до сегодняшнего дня. «При обращении к ориентализму XIX и XX веков прежде всего бросается в глаза интенсивная схематизация им всего Востока в целом. Сколь давнюю историю имеет подобная схематизация, видно из приведенных мною примеров западной репрезентации Востока в классической Греции. Судить же о глубине и четкости артикуляции этих репрезентаций, основанных на более ранних представлениях... можно по дантову “Аду”» [19, с. 107]. Степень схематизации Востока (а это главное в ориентализме, это и есть эссенциализм, о котором так много будет в последних параграфах «Ориентализма» и в послесловии) одна и та же в Древней Греции, у Данте, в современном ориентализме. И т. д. и т. п. Об ориентализме можно запросто мимоходом сказать, что «сущность ориентализма заключается в том, что...» [19, с. 66]. К исламу, как мы уже знаем, такой оборот речи в принципе недопустим, это было бы грубым эссенциализмом, а вот об ориентализме так сказать можно.

тяжении всего текста книги Э. Саид не оставляет ориентализму возможности не быть насилем. «Ориентализм — это фундаментальная политическая доктрина, навязываемая Востоку силой» [19, с. 313]. «Ориентализм представляет собой агрессию» [19, с. 316].

Именно поэтому весь ориентализм — мёртв. Ориентализм — «поистине чудовищное культурное, политическое и материальное предприятие Европы» [19, с. 325]. Есть сотни попыток взгляда на Восток, и все они — одинаково «репрезентативные», т. е. фальшивые, мертвые. Весь ориентализм от начала до конца одинаково был таким, все его «подвиги» включают в себя насилие прежде всего. Снова и снова ориентализм оказывается последовательной регулярной системой, машиной насилия.

Ответ очевиден: эта угрюмо-серая картина — фантом. Предел этой «фантомности» — следующее утверждение: «Каждый европеец, что бы он ни пытался говорить о Востоке, неизбежно оказывался расистом, империалистом» [19, с. 315]. Это плохие слова. Эта картина невозможна как математически, вероятно, так и по соображениям здравого смысла. Люди разные. Это истина не только «здравая», она является еще и фундаментальным основанием плюрализма и толерантности. Если мы не принимаем её предельно всерьез, ни о каком плюрализме речи быть не может, даже если при этом будут произноситься тысячи слов о преодолении «эссенциализма», «хаосмосе», «ризоме» и «множественности множественностей». Поэтому еще раз: люди — разные. Среди сотен попыток ориенталистов выйти к пониманию Востока не могло не быть хотя бы нескольких честных, подлинных. Таких, где субъект размышления всерьез готов пожертвовать своими привычными стандартными привычками и действительно всерьез стремиться услышать собственный, не-репрезентативный голос Востока. Стремится узнать подлинные свидетельства бахтинского «самосознания» Другого. Несколько отчасти честных взглядов на Восток Э. Саид нашел, но ни одного примера нерепрезентативного среди них нет, потому что он позволил себе солидарность с взглядом М. Фуко на все доконструктивистское знание как на одинаково мертвое. Именно поэтому ориентализм, по Э. Саиду, всегда оставался ориентализмом, т. е. насилем, т. е. одной и той же сущностью. И тогда еще и еще раз вопрос: как так, ислам, каноническое вероучение, нельзя мыслить всегда равным себе, а гуманитарную научную дисциплину, разви-

вашую столетия, можно? Возможно ли такое в принципе? Нет и еще раз нет. Подлинно живое вопрошание Востока не могло не появиться. Можно определенно указать на время, когда нечто подлинное не могло не произойти. Это 1760—1780-е годы. Есть фигура, к которой с особенно пристальным вниманием нельзя не отнестись. Это И. Г. Гердер. Специально посвященных Востоку работ у него нет, но в его «Идеях к философии истории человечества» Востоку посвящены три главы, и они стоят многих и многих обширных монографий. Поэтому оценка роли Гердера — ключевой момент в любой модели истории ориентализма. Какая-то степень понимания этого есть и у Э. Саида, отсюда тот факт, что о Гердере он говорит достаточно внятно и несколько раз упоминает его имя. Но в целом Гердер для Э. Саида — скучная фигура. Гердер — еще одно лицо в угрюмом ряду мелких ориенталистов XVIII в., «подготовивших дорогу современному ориентализму» [19, с. 182]. У ориентализма Просвещения, по Э. Саиду, четыре особенности. Роль Гердера — участие в работе над третьей тенденцией, над «симпатической идентификацией» [19, с. 182], когда все на свете мыслится родственно, поэтому подлинное благородство допускается и на Востоке. Однако стоит вся эта «симпатическая идентификация» не очень дорого, потому как фактически является обратной стороной примитивных «преромантических и романтических представлений о Востоке как об экзотике» [19, с. 183]. Иное слово для «симпатической идентификации» — «популизм». Значимость популизма ничтожна, но все же не похвалить Гердера нельзя. «Проникнувшись отстаиваемым Гердером и другими авторами популистским и плюралистическим смыслом истории, сознание XVIII века смогло пробить брешь в воздвигнутых между Западом и исламом доктринальных стенах и увидеть скрытые элементы родства между собой и Востоком» [19, с. 182]. Это итоговая оценка Э. Саидом роли Гердера в деле сближения Запада с Востоком. Комментировать отождествление гердеровской категории «вчувствования»¹ с популизмом, а еще больше сближение популизма и историзма невозможно, и мы этого делать не будем. Скажем пока о другом, о главном: взгляд Гердера на Восток — подлинный². И не сказать об этом в книге «Ориентализм» было нельзя.

¹ Об открытии Гердером категории «вчувствование» и о значении этого понятия для исторического знания см.: [31].

² В последнее время стали регулярно появляться работы, где происходит

Позволим отступление. С самой общей точки зрения взаимодействие Запада и Востока — это коммуникация, общение. И, как и в любой коммуникации, её агенты стремятся быть полноценными субъектами общения, т. е. иметь право контроля над содержанием коммуникации. А это всегда проблема. Непроблемных коммуникаций не бывает. Полное понимание недостижимо. Драма непонимания (чреватая конфликтами) присутствует в любой коммуникации. И тогда нужна система координат, проблематизирующая конфликт непонимания внутри акта коммуникации. Есть основания считать самой сложной системой координат, реально проблематизирующей коммуникацию, параметрическую модель акта коммуникации М. М. Бахтина, его различение коммуникации, в структуру которой входит право Другого на самосознание, от коммуникации, превращающей Другого в вещь, удобную для потребления. Именно в этом контексте следует продумывать проблему понимания/непонимания Востока Западом. De facto эта логика присутствует и у Э. Саида. Ведь Запад виновен именно в том, что Бахтин полагал главной ошибкой коммуницирования — в превращении Другого в вещь. Все самые пронзительные ламентации Э. Саида — об этом. По Э. Саиду, все дело в том, что, пытаясь дать определения Востоку, Запад никогда не пытался и не пытается сейчас услышать голос самого Востока, его собственное определение самого себя. Запад «на самом деле никогда не слушал Восток» [19, с. 518]¹. Нежелание Запада услышать голос Востока — это фактически отказ восточному человеку в праве на самосознание. В том числе и на высочайших вершинах ориентализма сохраняется представление о том, что «восточный народ en soi был не в состоянии оценить или понять себя сам» [19, с. 417]².

А акцент на необходимости учета самосознания Другого — это суть учения и Бахтина, это главная проблема коммуницирования. «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова» [35, с. 68]. Коммуницирование, идущее мимо вопрошания, обращенного к самосознанию Дру-

существенная переоценка роли Гердера в формировании модерного знания, где он предстает творцом многих современных дискурсивных стратегий [32; 33; 34].

¹ К этому упреку Э. Саид готов свести весь смысл своей книги.

² Эпиграфом к «Ориентализму» Э. Саид взял слова Маркса: «Восток не может говорить за себя сам».

гого, — это псевдокоммуницирование, это отказ от понимания и путь к насилию¹. Книга Саида тоже прежде всего об этом.

Всё, на что способен был Запад, это варьировать те удобные формулы, которые не мешали ему заниматься тем единственным делом, на которое Запад был способен по отношению к Востоку, — доминированием, подавлением. «Ориентализм как система европейского или западного знания по поводу Востока становится синонимом европейского доминирования на Востоке» [19, с. 308]. И тогда Запад виновен именно в том, что Бахтин полагал главной ошибкой коммуницирования — в превращении Другого в вещь, удобную для манипуляций. В терминах Э. Саида слово о Востоке, идущее мимо самосознания Востока, является именно таковым. Именно в этом глубинный смысл саидовского термина «репрезентация». Репрезентации Востока — это западные слова о Востоке, не желающие услышать его подлинный, непосредственный голос. Непосредственной была бы прямая презентация, а её нет, есть ре-презентация. «Репрезентации являются именно репрезентациями, а вовсе не «естественными» изображениями Востока» [19, с. 37]. В основе «репрезентации всегда стоит та или иная версия трюизма, что будь Восток в состоянии представлять себя сам, он так бы и поступал, но коль скоро он этого не может, эту задачу выполняет репрезентация» [19, с. 37—38]. Убежденность в том, что Восток не в состоянии «понять себя сам», — тягчайший грех Запада, который делает мертвым ориентализм даже в таких его шедеврах, как теория Востока Массиньо-на. Право на голос, на самосознание — священны. Так это и у Саида, так это и у Бахтина. И тогда модели М. Бахтина и Э. Саида соотносимы, и там, и там решающее — призыв к праву на самосознание, на голос.

Выводы первой статьи. Здесь, после краткого сравнения логик Саида и Бахтина, можно остановиться. Одна из задач, поставленных в начале нашего исследования, уже решена. Можно указать на один важный методологический и эпистемологический вывод, а также на следствия уже не только эпистемологического, но и прагматического, этического порядка.

¹ «Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью» [35, с. 69].

Первое. Уже в самом начале нашего анализа мы позволили себе довольно резкую критику. Но это не отменяет того, что в логике Э. Саида могут быть смысловые слои, которые обеспечены ответственной этикой. И они есть. Это те моменты учения, о которых можно сказать, что здесь он прав. Ещё раз укажем на эту саидовскую правду: каждый живой голос должен быть услышан. Поэтому Восток может требовать от Запада права быть услышанным.

Второе. Этот момент особенно значим в контексте проблемы «постколониализм и культурология». Сделав акцент на подлинности неуслышанного «голоса Востока», Э. Саид сблизился не просто с культурологией вообще, а именно с реалистической культурологией.

Третье. Можно заключить, что в одной из своих ипостасей постколониализм был реалистическим проектом. Попытки конструктивистской культурологии зачислить весь постколониализм целиком в свой актив эпистемологически некорректны, они не учитывают многосложности и многослойности логики Э. Саида.

Четвертое. Совсем другое дело — вопрос о том, смог ли Э. Саид удержаться на высоте своего реализма в тексте «Ориентализма» как целом? А затем следующий вопрос: является ли постколониализм «после Саида» подлинно саидовским? Ответы на два этих вопроса — тема второй статьи.

Список источников

1. Лекторский В. А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // *Философия науки и техники*. 2018. Т. 23. № 2. С. 18—22.
2. Мартынов В. А. Антропологические аспекты социальной эпистемологии (заметки по поводу новой книги И. Т. Касавина) // *Вестник Омского ун-та*. 2015. № 1. С. 75—80.
3. Мартынов В. А. Культура с большой буквы как индикатор вариантов конструктивизма // *Эпистемология и философия науки*. 2017. Т. 52. № 2. С. 234—243.
4. Мартынов В. А. Реальность объективности и объективность реальности в гуманитарных исследованиях. Омск: Изд-во ОмГУ, 2017. 172 с.
5. Мартынов В. А. Метод и время. Проблема метода в практике современных гуманитарных исследований. Омск: Изд-во ОмГА, 2021. 224 с.
6. Этнология — антропология — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы межд. науч. конф. 3—5 апреля 2008 г., Белые Столбы. М.: Весь мир, 2009. 160 с.

7. Филология — искусствознание — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы межд. науч. конф. 2—4 апреля 2009 г., Белые Столбы. М.: Нестор-История, 2009. 248 с.
8. Социология и культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы межд. науч. конф. 1—3 апреля 2010 г., Белые Столбы. М.: РИК, 2010. 240 с.
9. Философия — философия культуры — культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы межд. науч. конф. 7—9 апреля 2011 г., Белые Столбы. М.: Совпадение, 2012. 256 с.
10. История — история культуры — историческая культурология — cultural history: новые водоразделы и перспективы взаимодействия : материалы межд. науч. конф. 5—7 апреля 2012 г., Белые Столбы. М.: Совпадение, 2013. 240 с.
11. Мартынов В. А. Закат филологии // Вестн. Омского ун-та. 2014. № 3. С. 166—175.
12. Платт К. Аутсайдеры в обители культуры // Новое литературное обозрение. 2012. № 3(113). С. 69—73.
13. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
14. Тишков В. А. Откуда и куда пошла российская этнология // Этнологическое обозрение. 2020. № 3. С. 72—92.
15. Богданов К. Заносы на поворотах // Новое Литературное Обозрение. 2012. № 113. С. 111—112.
16. Платт К. Ф. М. Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста // НЛО. 2010. № 6 (106). С. 13—26.
17. Серио П. Структура и целостность: Об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920—1930 гг. М.: ЯСК, 2001. 360 с.
18. Мартынов В. А. Casus структурализма // Вестник Омского ун-та. 2020. Т. 25. № 2. С. 56—69.
19. Саид Э. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб.: Русский мир, 2006. 638 с.
20. Krishna S. Globalization and Postcolonialism: Hegemony and Resistance in the Twenty-first Century. Lanham, Boulder, N. Y.: Rowman & Littlefields Publ., 2009. 223 p.
21. McLeod J. Beginning Postcolonialism. Manchester: MU Press, 2010. 352 p.
22. Young R. J. C. Postcolonialism: An Historical Introduction. Oxford, Blackwell Publ., 2001. 498 p.
23. Gandhi L. Postcolonial Theory. A Critical Introduction. 2nd Ed. N.Y.: Columbia University Press, 2019. 275 p.
24. Huggan G. Interdisciplinary Measures: Literature and the Future of Postcolonial Studies. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2008. 216 p.

25. Sakhkhane T. Spivak and Postcolonialism: Exploring Allegations of Textuality. L.: Palgrave Macmillan, 2012. 178 p.
26. Goulimari P. Literary Criticism and Theory. From Plato to Postcolonialism. L., N.Y.: Routledge, 2015. 377 p.
27. Brennan T. Place of Mind: A Life of E. Said. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2021. 455 p.
28. Radhakrishnan R. A. Said Dictionary. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 194 p.
29. Автономова Н. С. Познание и перевод: Опыт философии языка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 736 с.
30. Аверинцев С. С. Стилистические проблемы библейского перевода // Аверинцев С. С. София — Логос. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 366—371.
31. Мейнеке Ф. Возникновение историзма. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 480 с.
32. Forster M. After Herder: Philosophy of Language in the German Tradition. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. 482 p.
33. Sikka S. Herder on Humanity and Cultural Difference: Enlightened Relativism. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 280 p.
34. Zammito J. Kant, Herder, and the Birth of Anthropology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2002. 576 p.
35. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. Россия, 1979. 320 с.

References

1. Lektorskiy V. A. Constructive Realism as a modern form of epistemological Realism. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of science and technology], 2018, v. 23, no 2, pp. 18—22 (In Russ.).
2. Martynov V. A. Anthropological aspects of social epistemology (notes on the new book by I. T. Kasavin). *Vestnik Omskogo universiteta* [Gerald of Omsk University], 2015, no 1, pp. 75—80 (In Russ.).
3. Martynov V. A. Culture with a capital letter as an indicator of constructivism options. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2017, v. 52, no 2, pp. 234—243 (In Russ.).
4. Martynov V. A. *Real'nost' ob"ektivnosti i ob"ektivnost' real'nosti v gumanitarnykh issledovaniyakh* [Reality objectivity and objectivity of reality in humanitarian studies]. Omsk, Omsk Univ. Publ., 2017. 172 p. (In Russ.).
5. Martynov V. A. *Metod i vremya. Problema metoda v praktike sovremennykh gumanitarnykh issledovaniy* [Method and time. The problem of method in the practice of modern humanitarian research]. Omsk, OmGA Publ., 2021. 224 p. (In Russ.).
6. *Etnologiya — antropologiya — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstiya* — *antropologiya — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstiya* [Ethnol-

ogy — anthropology — cultural studies: new watersheds and prospects of interaction: new watersheds and prospects of interaction]. *Materialy mezhd. nauch. konf. 3-Filologiya — iskusstvoznanie — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya* [Philology — Art studies — cultural studies: new watersheds and prospects of interaction]. *Materialy mezhd. nauch. konf. 2—4 aprelya 2009 g.*, Belye Stolby. Moscow: Nestor-Istoriya, 2009. 248 p. (In Russ.).

7. *Filologiya — iskusstvoznanie — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya* [Philology — Art studies — cultural studies: new watersheds and prospects of interaction]. *Materialy mezhd. nauch. konf. 2—4 aprelya 2009 g.*, Belye Stolby. Moscow: Nestor-Istoriya, 2009. 248 p. (In Russ.)

8. *Sociologiya i kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya* [Sociology and cultural studies: new watersheds and prospects for interaction]. *Materialy mezhd. nauch. konf. 1—3 aprelya 2010 g.*, Belye Stolby. Moscow: RIK, 2010. 240 p. (In Russ.).

9. *Filosofiya — filosofiya kul'tury — kul'turologiya: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya* [Philosophy — Philosophy of Culture — Cultural studies: new watersheds and prospects of interaction]. *Materialy mezhd. nauch. konf. 7—9 aprelya 2011 g.*, Belye Stolby. Moscow: Sovpadenie, 2012. 256 p. (In Russ.).

10. *Istoriya — istoriya kul'tury — istoricheskaya kul'turologiya — cultural history: novye vodorazdely i perspektivy vzaimodejstviya* [History — history of culture — historical cultural studies — cultural history: new watersheds and prospects of interaction]. *Materialy mezhd. nauch. konf. 5—7 aprelya 2012 g.*, Belye Stolby. Moscow: Sovpadenie, 2013. 240 p. (In Russ.).

11. Martynov V. A. The decline of philology. *Vestnik Omskogo universiteta* [Gerald of Omsk University], 2014, no 3, pp. 166—175 (In Russ.).

12. Platt K. Outsiders in the abode of culture. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2012, no 3(113), pp. 69—73 (In Russ.).

13. Tishkov V. A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po social'no-kul'turnoj antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural anthropology]. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.).

14. Tishkov V. A. Where did Russian ethnology come from and where did it go. *Etnographicheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2020, no 3, pp. 72—92 (In Russ.).

15. Bogdanov K. Drifts on turns. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 2012, no 113, pp. 111—112 (In Russ.).

16. Platt K.F.M. Why study anthropology? The view of the humanities: instead of a manifesto. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2010, no 6 (106), pp. 13—26 (In Russ.).

17. Serio P. *Struktura i tselostnost': ob intellektual'nykh istokakh strukturalizma v tsentr'noy i vostochnoy Evrope* [Structure and Integrity: On Intellectual Origins of Structuralism in Central and Eastern Europe. 1920—1930.]. Moscow, JaSK, 2001. 360 p. (In Russ.).

18. Martynov V.A. Casus of Structuralism. *Vestnik Omskogo universiteta* [Gerald of Omsk University], 2020, v. 25. no 2, pp. 56—69 (In Russ.).
19. Said E. *Orientalizm: Zapadnye koncepcii Vostoka* [Orientalism: Western Concepts of the East] St. Petersburg: Russkij mir, 2006. 638 p. (In Russ.).
20. Krishna S. *Globalization and Postcolonialism: Hegemony and Resistance in the Twenty-first Century*. Lanham, Boulder, N. Y.: Rowman & Littlefields Publ., 2009. 223 p.
21. McLeod J. *Beginning Poscolonialism*. Manchester: MU Press, 2010. 352 p.
22. Young R. J. C. *Postcolonialism: An Historical Introduction*. Oxford, Blackwell Publ., 2001. 498 p.
23. Gandhi L. *Postcolonial Theory. A Critical Introduction*. 2nd Ed. N.Y.: Columbia University Press, 2019. 275 p.
24. Huggan G. *Interdisciplinary Measures: Literature and the Future of Postcolonial Studies*. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2008. 216 p.
25. Sakhkhane T. *Spivak and Postcolonialism: Exploring Allegations of Textuality*. L.: Palgrave Macmillan, 2012. 178 p.
26. Goulimari P. *Literary Criticism and Theory. From Plato to Postcolonialism*. L., N.Y.: Routledge, 2015. 377 p.
27. Brennan T. *Place of Mind: A Life of E. Said*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2021. 455 p.
28. Radhakrishnan R. A. *Said Dictionary*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. 194 p.
29. Avtonomova N. S. *Poznanie i perevod: Opyty filosofii yazyka* [Cognition and translation: Experiences of the Philosophy of Language]. Moscow, St. Petersburg: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2017. 736 p. (In Russ.).
30. Averintsev S. S. *Stilisticheskie problemy biblejskogo perevoda*. Averintsev S.S. *Sofiya — Logos*. Kiev: Duh i Litera, 2001, pp. 366—371 (In Russ.).
31. Mejneke F. *Vozniknovenie istorizma* [Origin of Historicism]. St. Petersburg: «Centr gumanitarnyh iniciativ», 2013. 418 p. (In Russ.).
32. Forster M. *After Herder: Philosophy of Language in the German Tradition*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. 482 p.
33. Sikka S. *Herder on Humanity and Cultural Difference: Enlightened Relativism*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011. 280 p.
34. Zammito J. *Kant, Herder, and the Birth of Anthropology*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2002. 576 p.
35. Bahtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Sov. Rossiya, 1979. 320 p. (In Russ.).

Окончание следует.

Сведения об авторе / Information about the author

Мартынов Владимир Анатольевич Vladimir A. Martynov

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
кафедры филологии, журналистики
и массовых коммуникаций, Омская
гуманитарная академия, Омск,
Россия

PhD in Philology, Senior Researcher
at the Department of Philology,
Journalism and Mass Communications
of the Omsk Humanitarian Academy.
Omsk, Russia

644105, Россия, г. Омск, ул. 4-я
Челюскинцев, 2А

2A, st. 4th Chelyuskintsev, Omsk,
644105, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	23.01.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	11.01.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	17.02.2022

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Original article

УДК 130.2/930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-149>

Отражение процесса становления имперской и христианской идентичности в педагогической программе Климента Александрийского

Обидина Юлия Сергеевна

Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
basiley@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1133-5733>

Аннотация. В статье рассматривается процесс формирования новой имперской и христианской идентичности в Риме в I—III вв. н.э. В качестве предмета исследования избраны сочинения Климента Александрийского «Строматы» и «Протрептик, или Увещание к язычникам». Основная цель исследования — показать, как греческая «классическая литература» стала локусом культурного взаимодействия и противостояния для образования новых идентичностей (христианской и имперской). Основными методами исследования послужили герменевтика, а также текстологический и сравнительный анализ, поскольку литературное письмо в рассматриваемый период времени было неразрывно связано с процессом переговоров об идентичности, отличной от Рима. В статье показано, что, в от-

лице от некоторых раннехристианских авторов, Климент в своей педагогической программе позитивно присваивает многие элементы греческой культуры, трансформируя их для своих проповеднических задач. Рассмотрение программы Климента показательно для изучения заявленной проблемы, так как, помимо использования общих поэтических антологий своих современников, методы интерпретации поэзии и мифологии Климента часто отражают общую традицию толкования, разделяемую другими философами и религиозными мыслителями. В результате сделан вывод, что Климент стремился установить отношения между христианским сообществом и культурными идеалами римской Александрии, используя греческое культурное наследие. Таким образом, «классическая литература» стала фундаментом для создания новой идентичности в срединном пространстве римского, греческого и варварского, отражая общеимперский процесс формирования новой социокультурной христианской общности. Результаты исследования могут быть использованы не только для изучения новых идентичностей в процессе формирования империй древности, но и для анализа складывающихся культурных, религиозных, политических идентичностей современности.

Ключевые слова: христианская идентичность, культурная идентичность, эллинистическая культура, Климент Александрийский, имперский процесс, адаптация, трансформация, педагогическая программа

Для цитирования: Обидина Ю. С. Отражение процесса становления имперской и христианской идентичности в педагогической программе Климента Александрийского // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 149—163. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-149>

Reflection of the Formation Process of Imperial and Christian Identity in the Pedagogical Program of Clement of Alexandria

Yulia S. Obidina

Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Russia,
basiley@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1133-5733>

Abstract. *The article examines the formation process of a new Imperial and Christian identity in Rome in the 1st — 3rd centuries AD. The subject of my research is the works of Clement of Alexandria “Stromata” and “Protreptic, or an Exhortation to the Pagans”. The main goal of the study is to show how Greek “classical literature” became a locus of cultural interaction and opposition for the formation of new identities (Christian and Imperial). The main research methods were hermeneutics, as well as textual and comparative analysis since literary writing in*

the period under review was inextricably linked with the process of negotiating an identity other than Rome. The article shows that, unlike some early Christian authors, Clement in his pedagogical program positively appropriates many elements of Greek culture, transforming them for his preaching tasks. Consideration of Clement's program is indicative for the study of the stated problem since in addition to using the general poetic anthologies of his contemporaries, the methods of interpretation of Clement's poetry and mythology often reflect a common tradition of interpretation shared by other philosophers and religious thinkers. As a result, the author concludes that Clement sought to establish relations with himself, his Christian community and the cultural ideals of Roman Alexandria while using the Greek cultural heritage. Thus, "classical literature" became the foundation for creation of a new identity in the middle space of the Roman, Greek and Barbaric, reflecting the general imperial process of the formation of a new socio-cultural Christian community. The results of the study can be used not only to examine new identities in the formation process of ancient empires, but also to analyze the emerging cultural, religious, and political identities of our time.

Keywords: *Christian identity, cultural identity, Hellenistic culture, Clement of Alexandria, imperial process, adaptation, transformation, pedagogical program*

For citation: Obidina Yu. S. Reflection of the Formation Process of Imperial and Christian Identity in the Pedagogical Program of Clement of Alexandria. *Человек. Культура. Образование = Human. Culture. Education*. 2022; 1:149—163 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-149>

Введение. Христианство возникло в мире, где господствовали римская власть и эллинистическая культура. Как и в случае с иудаизмом, в котором зародилось христианство, христианская идентичность была сформирована на стыке противоречивых интересов: с одной стороны, особой концепции Иисуса и приверженности авторитетной библейской традиции и, с другой — религиозных, интеллектуальных и политических реалий греко-римского мира.

Проблема империи как матрицы, внутри которой создавались и обсуждались культурные и религиозные идентичности в древности, занимает важное место в научных исследованиях. Среди классических работ можно назвать, например, сборник эссе под редакцией Саймона Голдхилла; в нем исследуется диапазон способов, которыми греки противопоставляли себя Римской империи [1]. Империя сыграла важную роль в формировании греческой культурной самобытности, образованной в промежуточном пространстве между греческим, варварским и римским.

Изучая иудаизм в империи Селевкидов, Анафея Портье-Янг сделала аналогичные наблюдения. Она пишет, что «утверждение и (пере)определение конкретной еврейской идентичности как отличной и отдельной от идентичности “эллинистической культуры” наиболее ярко проявляется как ответ на восприятие угрозы, исходящей от эллинистических имперских держав и тех, кто их поддерживает» [2, р. 113]. Стивен Мур, проводя анализ Книги Откровения [3, р. 97—21], отмечает, что «откровение, несмотря на страстное сопротивление римской имперской идеологии, парадоксальным образом настойчиво переписывает свои термины», используя имперские метафоры как первоисточник своего богословского воображения [3, р. 118]. Ребекка Луман пишет о присвоении греческой философии христианами в римском мире, отмечая, например, что двойная идентичность Иустина Мученика «подрывает чистоту различия и, следовательно, его авторитет». Таким образом, он представляет собой «разрушительную опасность как для христианской ортодоксии, так и для первых эллинистических христиан» [4, р. 165].

Анна Лунева рассматривает формирование христианской идентичности через понятие «новый народ», которым именовали себя христиане, что позволяло им «определить свое место в социокультурной системе греко-римского мира и поставить себя в ряд с иудеями, греками, варварами» [5, с. 15]. Формирование основ ортодоксии и идентичности в данном случае строилось на вере. Еще один интересный подход к рассмотрению вопросов новой христианской идентичности в рамках общеимперского процесса представляет Андрей Виноградов на примере Херсонеса, где «насильственное утверждение христианства... привело, по всей видимости, к прерыванию локальной исторической памяти и... формированию новой, христианской идентичности города с конца IV в.» [6, с. 995].

В культурных столкновениях в рамках империи существуют различные способы сопротивления и адаптации. Внутри этого процесса ведутся переговоры о религиозной и политической идентичности, часто через характеристику Другого. Здесь трансформационная ценность изменений заключается в переосмыслении или переводе элементов, которые не являются «ни едиными [...], ни другими [...], а чем-то еще, кроме того, что оспаривает условия и территории и тех, и других» [7, р. 41]. Таким образом, идентичность возникает через «третье пространство», в котором «объекты никогда не уни-

тарны сами по себе и не просто дуалистичны по отношению к себе и “другому”» [7, p. 52].

Цель данной статьи — показать, что локусом культурного взаимодействия и противостояния для образования новых идентичностей (христианской и имперской) стала в том числе и «классическая» литература древних греков. Произведения древних авторов принадлежали к устоявшемуся корпусу, который служил основой эллинистического наследия и образования — *paideia*, подвижной категории, которая была «средством конструирования и материализации идеализированной идентичности для греков и римлян, привилегированного пространства сложного взаимодействия» [8, p. 2]. Очень рано этот корпус текстов приобрел статус классики и оставался ею на протяжении всей античности и вплоть до наших дней. Эллинистические поэты Александрии работали под сенью Александрийской библиотеки, олицетворявшей культурную ценность классической литературы; но в то же время эти поэты новаторски разрабатывали новые способы литературного выражения. Важной целью литературной деятельности было установление отношений с литературой прошлого и возрождения этой традиции. Это литературное прошлое и стало «очагом конфликта», так как различные группы пытались заявить о своих правах [1, p. 17].

Научная новизна и значимость исследования связана с тем, что идеологическая и политическая важность классических текстов была особенно велика во время так называемого второго софизма (середина I — середина III в. н.э.). Литературное письмо в этот период было неразрывно связано с процессом переговоров об идентичности, отличной от Рима [8, p. 2]. Греческое культурное превосходство строилось по-разному, со ссылкой на *paideia*, различными способами преломлявшейся в литературных трудах современников.

Римские поэты также были наследниками греческих образцов, но они превратили их в отчетливо римские изделия. Грекоязычные евреи аналогичным образом адаптировали греческие литературные формы: помимо перевода Еврейских Писаний, они выпустили много литературы на греческом языке, которая включала в себя классические произведения. Христианские писатели также включились в это движение и адаптировали греческую литературу: их рассказы разделяют жанры греческой прозы, в то же время развивая их в новых направлениях [9, p. 31—65]. Более того, та-

кие писатели, как Климент и Ориген, непосредственно участвовали в дебатах о значении и применении классических текстов в своих философских и пропедевтических сочинениях [10]. В статье мы остановимся именно на Клименте Александрийском, поскольку его основные произведения «Строматы» и «Протрептик, или Увещевание к язычникам» иллюстрируют процесс формирования этой новой идентичности.

Методы исследования, теоретическая база. В качестве основного методологического подхода была использована герменевтика, а также методы текстологического и сравнительного анализа. В качестве теоретической базы исследования выступили труды Климента Александрийского «Протрептик»¹ и «Строматы»². Необходимо отметить, что назначение и литературный характер «Строматов» существенно отличаются от «Протрептика». Принимая во внимание, что последний был в основном озабочен обращением образованных греков-язычников, первый был предназначен для христиан, и в частности тех, кто продвигается к вершине христианского знания и благочестия [11, р. 5—15]. Литературная форма «Строматов» свидетельствует, что они не задумывались как отдельные тексты, а скорее принадлежали контексту устного обучения [12, р. 15—32]. Таким образом, мы должны учитывать их функцию в более широком педагогическом проекте Климента [13].

Сложность интерпретации «Строматов» хорошо известна, а их непрозрачность по крайней мере частично преднамеренна. В самом начале первой книги Климент прямо заявляет, что цель «Строматов» состоит в том, чтобы скрыть истины труда, смешав их с философскими доктринами: «Строматы» заключают в себе истину, смешанную с догмами философии, но более завуалированными и скрытыми (*Περιέξουσι δὲ οἱ Στρωματεῖς ἀναμειγμένην τὴν ἀλήθειαν τοῖς φιλοσοφίας δόγμασι, μᾶλλον δὲ ἐγκεκαλυμμένην καὶ ἐπικεκρυμμένην, καθάπερ τῷ λεπτύρῳ τὸ ἐδάδιμον τοῦ καρύου*, 1.1.18.1). Сложности стиля Климента в «Строматах» возникают из-за его предпочтения уст-

¹ Климент Александрийский. Увещевание к язычникам / пер. А. Ю. Братухина. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. 208 с.

² Климент Александрийский. Строматы. Книги 1—7 / пер. с древнегреч., предисл., комм. Е. В. Афанасина. 3-е изд., испр. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2018. 803 с.

ных, а не письменных инструкций, его подход уходит корнями в платоническую традицию и также согласуется с различными эллинистическими философскими школами [11, р. 335—343]. Центральное место в проекте Климента в «Строматах» должна была занять образовательная программа, которая могла бы помочь христианам в овладении гнозисом [14, р. 142—189]. Тем не менее, только тем, кто был морально чистым, можно было доверить высшие истины; таким образом, наставление Климента иногда влечет за собой утаивание и даже обман — метод, который Климент заимствовал из притч Иисуса (Strom. 1.1.13.2) [15, р. 17—20].

Тем не менее в «Строматах» мы можем выделить определенную структуру, которая иллюстрирует педагогическую программу Климента, вольно или невольно влияющую на процесс формирования новой идентичности. Например, в четвертой книге Климент начинает с явного определения темы, которую он намерен обсудить: «о мученичестве и о том, кто является идеальным человеком» (*περί τε μαρτυρίου <...> καὶ τίς ὁ τέλειος*, 4.1.1.1). Кратко описав то, что следует далее (книги 5—8), он повторяет литературную стратегию, которую привел в первой книге. Для тех, кто наткнулся на «Строматы» «случайно, по неведению» (*ἀνέδην ἀπείρως*), « пусть мои записи будут разнообразными и разбросанными» ([ἔ] στω δὲ ἡμῖν τὰ ὑπομνήματα <...> ποικίλως <...> διεστρωμένα, 4.2.4.1) и «что будет дальше предоставлять истину тому, кто «ищет с разумом» (*ζητεῖν μετὰ λόγου*, 4.2.4.3); тем не менее, «нам также необходимо в дополнение к этим [т. е. Stromateis] предпринять другие усилия и исследования» (*δεῖ δὲ καὶ ἡμᾶς τοῦτοις προσεκπονεῖν καὶ προσεφευρίσκειν ἕτερα*, 4.2.4.4). Таким образом, в четвертой книге «Строматов» можно ожидать, что экспозиция христианского нравственного совершенства представлена таким образом, что становится понятным только тем, кто готов приложить дополнительные усилия и продолжить изучение, тем самым идентифицировав себя в рамках новой идентичности, одновременной христианской и имперской.

Результаты исследования и их обсуждение. Интеллектуальный и религиозный проект Климента, изложенный в его педагогической программе, следует понимать в рамках более широкого социального и политического контекста. Его отношения с греческой *paideia* варьируются от насмешек и полного отрицания, с одной

стороны, до восхищения и присвоения — с другой [9; 11]. Эта интеллектуальная сложность возникла в основном из-за пастырского характера деятельности автора [9; 16]. Климент стремился проводить курс между «обскурантистской ортодоксией» — антиинтеллектуальной реакцией на гностицизм из-за его философских претензий и «еретическими интерпретациями» веры [9, р. 33]. Платоническая философия служила отправной точкой для Климента; он нашел трансцендентное божество платонизма, чтобы совместить его с христианским Богом и платоновским отказом от традиционного греческого богословия, проповедуя свои христианские построения.

Наряду с погружением в философию, интересный взгляд на отношение Климента к греческой культуре дает широкое использование им классической поэзии. Хотя древние поэты транслировали множество мифов, одновременно в их произведениях можно было найти действенные способы поддержки христианской веры. Комические поэты, например, высмеивали традиционное богословие и ритуалы. Цель чтения Климентом поэтов и, в сущности, цель христианского евангелиста состояла в том, чтобы «проникнуть сквозь препятствия злых традиций и праздного мнения, навязанного обязательной силой обычаев и предрассудков, и чтобы вызвать скрытую веру внизу, которая является благодарностью нашему создателю» [9, р. 39]. В основе этого проекта лежит предположение, разделяемое Климентом с другими христианскими авторами II века, такими как Юстин и Тациан, что греки (в частности, Платон) узнали много истин, содержащихся в Ветхом Завете. В то время как некоторые авторы, например Тациан, считали это признаком неполноценности, Климент в своей педагогической программе позитивно присваивает многие элементы греческой культуры [17].

Использование Климентом древних авторов ценно, не в последнюю очередь потому, что он является источником многих ранее неизвестных произведений литературы. Давно установлено, что Климент применял флорилегию, которая может быть продемонстрирована путем сравнения комбинаций в его произведениях и других дошедших до нас древних антологиях [18]. Помимо использования общих поэтических антологий своих современников, методы интерпретации поэзии и мифологии Климента часто отражают общую традицию толкования, разделяемую другими филосо-

фами и религиозными мыслителями. Мы можем отметить множество поэтических текстов, для которых Климент предлагает интерпретации и приложения, поразительно похожие на своих современников. Например, Климент цитирует строчку из «Ифигении в Тавриде» Еврипида, в которой Ифигения сетует на обманчивую природу своих снов («прощай, ложные сны, тогда ты был ничем», *ψευδεῖς ὄνειροι, χαίρετ' οὐδὲν ἦτ' ἄρα*, 569). Климент дает этой строке морализаторское толкование, предостерегая от опасности тщеславного мнения (Protr. 10.101.3). Плутарх использовал схожие подходы, чтобы проиллюстрировать важность отказа от лжи в продвижении моральной добродетели (Virt. prof. 75e), благодаря чему во II в. эта строка трагической поэзии (как и многие другие) вошла в поговорку и уже укоренилась в традиции философских и моральных размышлений. Использование Климентом поэзии ясно отражает этот более широкий контекст философского чтения.

В «Протрептике» (Protrepticus, 12.118.5) Климент цитирует слова Пенфея, одетого как менада, одержимого богом и готового пойти на гору, чтобы шпионить за женщинами Фив: «Мне кажется, я действительно вижу два солнца и двое Фив» (*καὶ μὴν ὄρᾶν μοι δύο μὲν ἡλίουσιν δοκῶ / δισσᾶσ δὲ Θήβας*, Vasch. 918—19). Климент истолковывает утверждение Пенфея как доказательство последствий пьянства, хотя сама пьеса ничего не говорит о фактическом потреблении вина. Именно эти строки часто цитировали современники Климента «независимо от контекста» и давали аналогичное объяснение физическому опьянению (Plut., Comm. not. 1083e; Luc., Pseudol. 19; Sext. Empr., Math. 7.192).

Следовательно, Климента не следует рассматривать просто как проводника полученных толковательных традиций. Использование им поэтических текстов на самом деле свидетельствует о высокой степени творчества и новаторства, особенно в его способности преобразовывать классическую литературу таким образом, чтобы передать отчетливо христианское послание в рамках формирования новой христианской и имперской идентичности. Достаточно ярко это иллюстрируют два примера адаптации Климентом Гомера, и их можно рассматривать как парадигму для его более широкой проповеднической методологии. Во-первых, в «Протрептике» (1.9.1) Климент создает диалог между собой, своими читателями и Иоанном Крестителем относительно природы логоса: «Давайте

[читатель и он сам] теперь спросим его [Иоанна]» (*πυθώμεθα τοίνυν αὐτοῦ*). Дальнейшее обсуждение построено по образцу Евангелия от Иоанна (1: 20—23), когда священники и левиты приехали из Иерусалима допросить Иоанна. Но их вопрос задан не в евангельской, а в гомеровской традиции — «кто ты и откуда» (*τίς πόθεν εἰς ἀνδρῶν*, напр., Od. 1.170)? Когда выяснилось, что Иоанн является «голосом логоса» (*φωνή τοῦ λόγου*), собеседники спрашивают: «Что ты кричишь, голос? Скажи и нам» (*τί βοᾷς, ὦ φωνή; εἰπέ καὶ ἡμῖν*), снова говоря на гомеровском языке (напр., Od. 1.10). Таким образом, переписав вопросы, заданные Иоанну евреями на языке греческой поэзии, Климент поместил ответы гомеровского эпоса в беседу с Евангелиями. Это значит, что «слова Гомера принадлежат языку Священного Писания по крайней мере как равноправные партнеры», что «иллюстрирует утверждение [Климента], что божественный логос в форме философии был учителем, который привел греков к Христу, как закон вел евреев» [20, p. 200].

Второй пример, в котором Климент заводит разговор между собой, своими читателями и Гомером, также встречается в «Протрептике» (3.45.5). В разделе, где он наказывает греков за поклонение мертвым, Климент вставляет строку из Гомера, в которой Телемах осуждает женихов за их поведение: «Негодяи, горе вам! Горе! Невидимы стали головы ваши в ночи» (*ἄ δειλοί, τί κακὸν τόδε πάσχετε; νυκτὶ μὲν ὑμῶν εἰλύεται κεφαλαί*, Od. 20.351—52). Функция этой цитаты заключается в том, чтобы избавить Климента от необходимости напрямую заниматься оскорблениями своего читателя, помещая Гомера между собой как апологетом и читателем-язычником, к которому он обращается.

Эти свидетельства показывают, что Климент не просто использует поэтические источники из еврейских или греко-римских антологий и перенимает толковательные традиции. Фактически он творчески трансформирует свои поэтические источники и часто наполняет их новым смыслом. Этот процесс чтения классической поэзии является важным средством, с помощью которого он ведет переговоры о сложных отношениях с греческой пайдейей и ее поэтическим наследием, выстраивая новую идентичность.

Климент, как и другие современные моралисты, как христианские, так и нехристианские, использовал поэзию в своих интересах, главным образом образовательных и проповеднических. Климент

понимал особую силу поэзии (Strom. 5.4.24.2) [1], и педагогическая программа Климента была направлена на то, чтобы научить восприимчивые умы сопротивляться различным соблазнам и подготовить их к восприятию своей философии.

Кроме того, Климент использует в своей педагогической программе не только поэзию, но и культовые практики древних греков. Он, в частности, адаптирует определенные термины мистических культов к христианству. Христос, например, идентифицируется как иерофант (*ἱεροφάντεϊ δὲ κύριος*, 12.120.1), функционер мистических ритуалов. Ранее Филон применил этот же термин к Моисею (*ἱεροφάντης ὀρυίων*, Gig. 54) [19, p. 156]. Точно так же термин *δαδοῦχος* (факелonosец), который имел конкретное практическое применение в Элевсинских мистериях, используется Климентом для описания христианского просветления посредством платонической интерпретации (*δαδοῦχοῦμαι*, 12.120.1). Филоном это уже было сделано в контексте иудаизма [19, p. 155—156]. Таким образом, Климент адаптирует язык греческих мистерий к христианству, чтобы сохранить их аспекты для христианского опыта. Тем самым, однако, он радикально трансформирует их в соответствии со своей собственной, отчетливо христианской концепцией добродетели и в то же время встраивает опыт древних верований в новую христианскую идентичность.

Другими словами, Климент не исключает полностью классическую традицию из христианского опыта; он скорее выступает за тщательное регулирование этой традиции или трансформацию. В случае поэзии, например, когда ею пользуются в соответствующем контексте христианского и философского образования, эксцессов можно избежать, и это может выполнять ценную пропедевтическую функцию. Это убеждение лежит в основе его методологии в «Строматах». Сходным образом, Климент не просто отвергает опыт мистерий, он радикально переосмысливает данный опыт, как это сделал Филон для иудаизма, чтобы установить, что истинное экстатическое видение божественного является свойством христианской добродетели, а не мистической чувственности.

Заключение. Взаимодействие Климента с греческой пайдейей носит далеко идущий, творческий и динамичный характер. Как и многие другие греки в Римской империи, которые были погруже-

ны в классическую поэзию, Климент стремился установить отношения между собой, своим христианским сообществом и культурными идеалами римской Александрии. Использование греческих классических произведений дает ценную информацию о его литературных, педагогических и религиозных проектах. Наряду со многими другими литературными заимствованиями, это свидетельствует о его желании позиционировать себя среди образованной элиты и, следовательно, встраивать себя в новую имперскую идентичность. Вслед за Платоном многие философы рассматривали поэзию как опасное удовольствие; тем не менее Климент, как Плутарх и многие другие греческие авторы римского времени, утверждал, что при соответствующем педагогическом подходе поэзия может быть использована для философских и педагогических целей, что служило формированию христианской идентичности. Таким образом, «классическая литература» стала фундаментом для создания новой идентичности в срединном пространстве римского, греческого и варварского, отражая общеимперский процесс формирования новой социокультурной христианской общности.

В перспективе результаты исследования могут пролить свет на процесс формирования идентичностей в различных исследовательских ракурсах, позволяя взять за основу традицию, которая подвергается трансформации под влиянием различных факторов, как лежащих на поверхности, так и скрытых от тех, кто оказывается вовлечен в данный процесс.

Список источников

1. Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire / Simon Goldhill, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 395 p.
2. Portier-Young A. Apocalypse against Empire: Theologies of Resistance in Early Judaism. Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 2011. P. 107—114.
3. Moore S. D. Empire and Apocalypse: Postcolonialism and the New Testament // The Bible in the Modern World — 12. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2006. P. 97—121.
4. Lyman R. Justin and Hellenism: Some Postcolonial Perspectives // Justin Martyr and His Worlds / ed. Parvis S. & Foster P. Minneapolis: Fortress, 2007. P. 160—168.
5. Лунева А. А. Проблема формирования христианской идентичности в I—IV вв. н.э. // Религиоведение. 2021. № 1. С. 15—23.

6. Виноградов А. Ю. Херсонес — Херсон, Пантикапей — Боспор: вопрос идентичности или общеимперский процесс // Вестник древней истории. 2020. Т. 80. № 4. С. 995—1006.
7. Bhabha Homi K. *The Commitment to Theory // The Location of Culture.* London: Routledge, 1994. P. 28—56.
8. Whitmarsh T. *Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation.* Oxford: Oxford University Press, 2001. 377 p.
9. Chadwick H. *Early Christian Thought and the Classical Tradition: Studies in Justin, Clement, and Origen.* Oxford: Oxford University Press, 1966. 174 p.
10. Безрогов В.Г. Концептуальные основания христианской педагогики в трудах отцов церкви: педагогическая концепция Климента Александрийского // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 3 (40). С. 169—175.
11. Osborn Eric F. *Clement of Alexandria.* Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 324 p.
12. Itter Andrew C. *Esoteric Teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria (Supplements to Vigiliae christianae 97).* Leiden: Brill, 2009. 233 p.
13. Легев М. У истоков богословия образования: Климент Александрийский и историческое преемство его взглядов на педагогику // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2016. Т. 17. № 4. С. 26—34.
14. Lilla Salvatore R. C. *Clement of Alexandria: A Study in Christian Platonism and Gnosticism.* Oxford: Oxford University Press, 1971. 266 p.
15. Kovacs Judith L. *Divine Pedagogy and the Gnostic Teacher According to Clement of Alexandria // Journal of Early Christian Studies.* 2001. № 9. P. 3—25.
16. Brakke D. *The Gnostics: Myth, Ritual, and Diversity in Early Christianity.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2010. 180 p.
17. Зайцева И.В. Религиозная традиция античного мира в трактовке Климента Александрийского // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 168—172.
18. Konstan D. *Excerpting as a Reading Practice // Deciding Culture: Stobaeus' Collection of Excerpts of Ancient Greek Authors / Ed. Reydamas Schils G. & Lévy C.* Turnhout: Brepols, 2010. P. 9—22.
19. Riedweg Ch. *Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien. Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte 26.* Berlin: de Gruyter, 1987. 192 p.
20. Dawson D. *Allegorical Readers and Cultural Revision in Ancient Alexandria.* Berkeley: University of California Press, 1992. 341 p.

References

1. *Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic and the Development of Empire /* Simon Goldhill, ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 395 p.

2. Portier-Young A. *Apocalypse against Empire: Theologies of Resistance in Early Judaism*. Grand Rapids, Mich.: Eerdmans, 2011. P. 107—114.
3. Moore S. D. Empire and Apocalypse: Postcolonialism and the New Testament. *The Bible in the Modern World* — 12. Sheffield: Sheffield Phoenix Press, 2006. P. 97—121.
4. Lyman R. Justin and Hellenism: Some Postcolonial Perspectives. *Justin Martyr and His Worlds* / ed. Parvis S. & Foster P. Minneapolis: Fortress, 2007. P. 160—168.
5. Luneva A.A. Problema formirovaniya hristianskoj identichnosti v I-IV vv. n.e. *Religiovedenie* [Religious Studies], 2021, no 1, pp. 15—23. (In Russ.)
6. Vinogradov A. Yu. Hersones — Herson, Pantikapej — Bospor: vopros identichnosti ili obshcheimperskij process. *Vestnik drevnej istorii* [Journal of Ancient History], 2020;(80)4: 995—1006. (In Russ.)
7. Bhabha Homi K. The Commitment to Theory. *The Location of Culture*. London: Routledge, 1994. P. 28—56.
8. Whitmarsh T. *Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 377 p.
9. Chadwick H. *Early Christian Thought and the Classical Tradition: Studies in Justin, Clement, and Origen*. Oxford: Oxford University Press, 1966. 174 p.
10. Bezrogov V. G. Konceptual'nye osnovaniya hristianskoj pedagogiki v trudah otcov cerkvi: pedagogicheskaya koncepciya Klimenta Aleksandrijskogo. *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation], 2005;(40)3: 169—175. (In Russ.)
11. Osborn Eric F. *Clement of Alexandria*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 324 p.
12. Itter Andrew C. *Esoteric Teaching in the Stromateis of Clement of Alexandria (Supplements to Vigiliae christianae 97)*. Leiden: Brill, 2009. 233 p.
13. Legeev M. U istokov bogosloviya obrazovaniya: Kliment Aleksandrijskij i istoricheskoe preemstvo ego vzglyadov na pedagogiku. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnej akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], 2016;(17)4: 26—34 (In Russ.).
14. Lilla Salvatore R. C. *Clement of Alexandria: A Study in Christian Platonism and Gnosticism*. Oxford: Oxford University Press, 1971. 266 p.
15. Kovacs Judith L. Divine Pedagogy and the Gnostic Teacher According to Clement of Alexandria. *Journal of Early Christian Studies*, 2001, no 9, pp. 3—25.
16. Brakke D. *The Gnostics: Myth, Ritual, and Diversity in Early Christianity*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2010. 180 p.
17. Zajceva I. V. Religioznaya tradiciya antichnogo mira v traktovke Klimenta Aleksandrijskogo. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2020, no 453, pp. 168—172. (In Russ.).

18. Konstan D. Excerpting as a Reading Practice. *Deciding Culture: Stobaeus' Collection of Excerpts of Ancient Greek Authors* / Ed. Reydamas Schils G. & Lévy C. Turnhout: Brepols, 2010. P. 9—22.

19. Riedweg Ch. *Mysterienterminologie bei Platon, Philon und Klemens von Alexandrien. Untersuchungen zur antiken Literatur und Geschichte* 26. Berlin: de Gruyter, 1987. 192 p.

20. Dawson D. *Allegorical Readers and Cultural Revision in Ancient Alexandria*. Berkeley: University of California Press, 1992. 341 p.

Сведения об авторе / Information about the author

Обидина Юлия Сергеевна

Yulia S. Obidina

доктор философских наук,
доцент, профессор кафедры
истории Древнего мира и
Средних веков Института
международных отношений
и мировой истории (ИМОМИ)
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета (ННГУ) им. Н.И.
Лобачевского.

Doctor of Philosophy, Associate
Professor, National Research Nizhny
Novgorod State University.
Institute of International Relations
and World History, Professor of the
Department of History of Ancient
World and Middle Ages

SPIN-код: 7661-0767,
AuthorID: 398418

SPIN-код: 7661-0767,
AuthorID: 398418

603022, Россия, г. Нижний Новгород,
пр. Гагарина, д. 23

3, Gagarin St., Nizhny Novgorod,
603022, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

29.12.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

31.01.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

07.02.2022

ПЕДАГОГИКА

Научная статья / Original article

УДК 930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-164>

Становление и развитие исторического образования в Коми государственном пединституте

Золотарев Олег Васильевич

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия, kimoord@syktsu.ru

Аннотация. В статье исследуется процесс становления исторического образования в Республике Коми. Он связан с деятельностью первого высшего учебного заведения в регионе — Коми пединститута, основанного в 1932 г. Именно институт осуществлял подготовку специалистов-историков для региона вплоть до создания Сыктывкарского университета. Автор рассматривает формирование и совершенствование структуры историко-филологического факультета института, констатирует высокий уровень профессиональной компетенции его преподавательского состава. Особое внимание уделяется деятельности деканов и ведущих кафедр. Анализируется педагогическая, методическая и научная деятельность сотрудников.

Затрагиваются вопросы, связанные с негативным воздействием на становление подготовки историков репрессий, коснувшихся педагогов и ученых Коми пединститута в 1930-е гг.

Значительное место отводится работе вуза в трудные годы Великой Отечественной войны, влиянию преподавательского состава Карело-Финского университета, эвакуированного в Сыктывкар, на развитие исторического образования в Республике.

В первые послевоенные годы благодаря деятельности местных и центральных властей был сделан значительный шаг по укреплению материальной базы и обеспечению кадрами педагогов исторического отделения института. Это позволило к 1960 гг. наладить подготовку высококвалифицированных специалистов-историков для Коми республики. Однако экономическое развитие требовало дальнейшего совершенствования системы подготовки кадров. Это вызвало необходимость открытия в 1972 г. Сыктывкарского государственного университета. Исторический факультет был переведен из пединститута в университет, что знаменовало новый этап развития исторического образования в республике.

В работе, помимо анализа процесса развития исторического образования, обсуждается роль выпускников-историков пединститута в развитии школьной системы, науки, общественной жизни региона.

Статья основана на широком круге источников. В их числе законодательные акты, делопроизводственные документы, материалы периодической печати, воспоминания преподавателей и студентов.

Ключевые слова: историческое образование, Коми пединститут, высшая школа, материальная база, преподавательский состав, научная деятельность, подготовка кадров, выпускники

Для цитирования: Золотарев О. В. Становление и развитие исторического образования в Коми государственном пединституте // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 164—178. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-164>

Formation and Development of Historical Education in the Komi State Pedagogical Institute

Oleg V. Zolotarev

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia, kimoopd@syktsu.ru

Abstract. *The article examines the process of formation of historical education in the Komi Republic. It is connected with the activity of the first higher educational institution in the region — Komi Pedagogical Institute, founded in 1932. This very institute had been training historians for the region till creation of Syktyvkar University. The author examines formation and improvement of the structure of Historical and Philological Faculty, and states the high level of professional competence of its teaching staff. Particular attention is paid to the activities of deans and heads of its departments. Pedagogical, methodical and research activities of the staff are analyzed.*

The article covers the issues connected with the negative influence of repressions of pedagogues and scientists from the Komi Pedagogical Institute in 1930-s on historians' education.

The significant place is given to the university work during the hard years of World War II and to the teaching staff of the Karelian-Finnish University, evacuated to Syktyvkar, for the development of history education in the Republic.

In the first post-war years, thanks to the activity of local and central authorities, a significant step was made to strengthen the material base and to provide teachers of the history department of the Institute. By 1960s, it had allowed training of the highly qualified specialists-historians for the Komi Republic. However, the economic development required further improvement of the training system. This caused the necessity of opening the Syktyvkar State University in 1972. The Faculty of History was transferred from the Pedagogical Institute to the University. This marked a new stage in the development of historical education in the Republic.

In addition to analyzing the process of development of historical education, the paper discusses the role of historians, graduates of the Pedagogical Institute, in the development of the school system, science, and public life of the region.

The article is based on a wide range of sources. These sources include legislative acts, records, periodicals, and recollections of teachers and students.

Keywords: *history education, Komi Pedagogical Institute, higher school, material base, teaching staff, scientific activity, training, graduates*

For citation: Zolotarev O. V. Formation and Development of Historical Education in the Komi State Pedagogical Institute. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 1:164—178 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-164>

Введение. Становление исторического образования в Республике Коми связано с деятельностью Коми пединститута, основанного в 1932 г. Существовавшее к тому времени педучилище, созданное в 1921 г. на базе Усть-Сысольской учительской семинарии (открыта в 1916 г.), и короткое время (в 1921—1923 гг.) осуществлявший свою работу Коми институт народного образования учителей истории не готовили. Во многом это объяснялось и тем обстоятельством, что такого предмета, как «история», в школьных учебных планах не было. Он заменялся различного рода обществоведческими дисциплинами. Однако в начале 1930-х гг. власти пришли к выводу о необходимости возвращения в школьную программу исторических курсов. Что и было закреплено в мае 1934 г. в совместном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Им предусматривалось и восстановление исторических факультетов в университетах. Усиление внимания к

историческому образованию проходило в рамках «сталинской» реформы образования, предполагавшей меры по повышению квалификации работавших в школе педагогов. Это объясняло открытие в начале 1930-х гг. ряда педагогических вузов в регионах. Был среди них и Коми педагогический институт.

Возможно, именно ставка на патриотическое воспитание (а в его рамках и восстановление истории как школьной дисциплины) и делает понятным тот факт, что среди первых девяти кафедр, созданных в институте, была кафедра по историческим дисциплинам (истории Запада и народов СССР, истории и этнографии коми народа). Первым ее заведующим был назначен Г. А. Старцев. Ему пришлось проделать значительную работу. Г. А. Старцев лично составлял многие учебные программы, подготовил учебное пособие по этнографии коми народа [1, с. 33, 43]. Перед войной заведующим кафедры стал Д. Н. Хонькин.

Методы исследования, теоретическая база. В данной работе автор руководствовался принципами историзма и научной объективности. В качестве основных методов исследования данной темы помимо традиционных для отечественной исторической науки сравнительно-исторического и хронологического методов использовались статистический метод, с помощью которого посредством обработки количественных данных можно прийти к выводам, способствующим решению поставленных задач. Большое значение имеет и историко-системный подход, позволяющий рассматривать становление высшего образования в Коми республике как составную часть развития высшей школы Советского Союза.

Результаты исследования и их обсуждение. Коми пединститут начал свою работу в период оформления советской системы высших учебных заведений. Поэтому на первых порах в институте не было факультетов. Вместо них функционировали отделения, руководство которыми осуществляла учебная часть. Наряду с отделениями работали и секции (группы одного курса по определенной специальности). В КГПИ действовали четыре секции и три отделения. Среди секций была и обществоведческая.

В сентябре 1932 г. выходит постановление ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах». Оно тре-

бовало разработки стабильных учебных планов и предусматривало создание факультетов. Они были введены с 1934/1935 учебного года. В Коми пединституте в январе 1935 г. их было образовано четыре. В том числе и исторический. Его деканат возглавил М. П. Богомолов. В 1934 г. при КГПИ был создан Учительский институт, готовивший учителей для 5—7-х классов. Он состоял из отделений, аналогичных факультетам пединститута. С 1937 г. функционировал заочный сектор КГПИ. В 1938 г. в его составе был и исторический факультет.

Начал формироваться и преподавательский коллектив историков. В их числе были В. М. Подоров, Д. Н. Хонькин, А. В. Вехова, Г. Г. Лукашевич, В. В. Мишанин.

Они быстро сумели организовать не только учебную, но и научную работу. В 1933 г. выходит двухтомный труд В. М. Подорова «Очерки по истории Коми (зырян и пермяков)». Фактически автор предпринял первую попытку обобщить имеющиеся сведения по истории коми народа. Несколько позднее было опубликовано исследование Д. Н. Хонькина о волнениях ижемских крестьян в 1833—1938 гг.

К сожалению, институт не обошла волна репрессий 30-х гг., что задержало развитие исторического образования в регионе. Уже в 1935 г. в рамках идеологических чисток КГПИ был объявлен «гнездом троцкизма и национализма». Власти призывали сделать вывод из случившегося и «ликвидировать последствия вредительской работы троцкистско-зиновьевских и кулацко-националистических элементов» и «мобилизовать коллектив института на борьбу за высокое качество учебной и воспитательной работы» [2]. В 1937 г. в Коми пединституте, как и во многих других вузах страны, «выявили» вредительскую организацию. Ее главой был объявлен бывший руководитель института Д. И. Шулепов, деятельность вредителей, по мнению властей, наиболее ярко выявилась в подборе преподавательских кадров [3, с. 80].

Уволенных педагогов обвиняли в основном в пропаганде антимарксистских взглядов. Например, преподавателей истории укоряли в проведении установок школы М. Н. Покровского (уже заклеянной к тому времени как антимарксистской) и «антисоветской буржуазно-националистической практики», что выражалось в положительной характеристике «буржуазных националистов»

В. Лыткина и А. Сидорова, в «восхвалении притаившихся врагов народа» (здесь имелись в виду В. Савин и Н. Попов) [3, с. 80—81].

Конечно, все эти кампании поиска «врагов народа» не могли не сказаться на работе молодого вуза. Руководство первенца высшей школы Коми автономии в конце 1930-х гг. признавало, что институт «в смысле обеспечения преподавательскими кадрами» оказался «в исключительно тяжелом положении» [1, с. 194].

Увольнение из учебного заведения крупнейших на тот момент специалистов нанесло непоправимый вред научной и педагогической работе, затормозило развитие вуза.

Впрочем, несмотря на трудности, историческое образование в институте сделало первые шаги: начал формироваться коллектив квалифицированных преподавателей, первые выпускники института приступили к работе в школах, студентов отличала «жажда к знаниям», отсева среди учащихся практически не было [1, с. 290, 321].

Но становление Коми пединститута, как и исторического образования в республике, прервала Великая Отечественная война. Многие сотрудники и студенты (в том числе и историки) вуза ушли на фронт. Немалое их число было награждено орденами и медалями. Студент-заочник исторического факультета Н. Ф. Гущин был удостоен высокого звания Героя Советского Союза [4, с. 114].

Военные трудности не могли не сказаться на работе института. Резко сократилось как количество студентов, так и преподавателей. Вместо четырех деканов осталось два. М. П. Богомолов одновременно выполнял должности руководителя исторического и литературного факультетов. Сложное время пережили как преподаватели, так и студенты. Учащиеся военных лет были вынуждены совмещать учебную и трудовую деятельность. Они были лишены зимних и летних каникул, будучи заняты сплавной и сельскохозяйственной работой. Как отмечают в воспоминаниях студенты, «учиться в годы войны было очень трудно: холодные аудитории, отсутствие учебно-письменных принадлежностей, учебников» [4, с. 67]. «И голод, и холод, и нищета до крайности, ни одеть, ни обути нечего... Но жива была неодолимая жажда знаний» [5, с. 36]. Трудности «выдержали только благодаря нашим преподавателям», ведь «на факультете в отношениях с преподавателями, в студенческой дружбе в эти годы была атмосфера особой сердечности, удивитель-

ной теплоты, сочувствия, готовности помочь друг другу. Внешне суроватый, сдержанный М. П. Богомолов, декан факультета, принимал своих подопечных с любой проблемой... Все жили с ожиданием победы, надеждами своей судьбы» [4, с. 67, 77].

Значительную помощь в организации учебного процесса оказали в военные годы педагоги Карело-Финского университета, эвакуированного в Сыктывкар. На ряде факультетов сотрудники Карело-Финского университета стали основой преподавательского корпуса. Не забывали преподаватели вузов и науку. Научная работа велась сотрудниками университета и института в военные годы весьма активно. Ее тематика во многом также была обусловлена нуждами военного времени, необходимостью ускоренного развития европейского Севера страны. Благодаря ученым из Карелии в Коми АССР активизировались и исторические исследования. Так, преподаватель из университета Я. А. Балагуров занимался историей приписных крестьян и Кажимских железоделательных заводов (позднее именно по этой проблематике им был опубликован ряд статей, а позднее, уже после войны, защищена докторская диссертация). Карельские ученые подключились и к другим научным разработкам своих коллег из пединститута по вопросам хозяйственного развития Коми края за годы советской власти и тематике, связанной с участием коми народа в Великой Отечественной войне.

Но в 1944 г. университет возвратился в освобожденный Петрозаводск. Коми пединститут был лишен помощи квалифицированных коллег из Петрозаводска. Однако в конце войны из центра была направлена в Сыктывкар целая группа новых работников. Среди них студенты особо выделяют кандидата исторических наук К. Д. Петряева. Он был прекрасным лектором, «очень интересным, эмоциональным» [4, с. 95].

В военные годы преподаватели-историки активизировали воспитательную и патриотическую работу. С 1943 г. для студентов всех факультетов был введен курс «Великая Отечественная война Советского Союза». Каждую неделю проводились политинформации. Преподаватели вели пропагандистскую работу среди населения республики. Особенно активны были К. Д. Петряев, А. Ф. Вехова, К. В. Сивков.

Впервые послевоенные годы шло восстановление материально-технической базы вуза, постепенно нормализовалась и учебная ра-

бота института. Был проведен ремонт учебного корпуса и общежитий, существенно пополнен лабораторный и учебный инвентарь. Был вновь введен четырехлетний срок обучения.

Однако, несмотря на предпринимаемые властями усилия, учебных помещений для института все же не хватало. Студентам приходилось учиться в две смены [6, с. 103]. Культурно-бытовые условия студентов, как отмечал обком ВКП(б), находились «в неудовлетворительном состоянии» [7, с. 29].

Серьезные проблемы наблюдались и с преподавательским составом. Это в полной мере касалось и историков. Руководство института указывало, что «для решительного улучшения подготовки учителей для... школ республики необходимо в первую очередь укрепить кадрами» ряд кафедр. Среди прочих названа и кафедра истории — ей требовались один профессор и три доцента. Институт просил обком партии о ходатайстве перед ЦК ВКП(б) «об оказании содействия в получении профессоров и доцентов». Однако прогресса в решении кадровой проблемы почти не было. Дело в том, что в Сыктывкаре условия работы значительно отличались от тех, «которые может иметь специалист, работающий <...> в центре России: отдаленность от железной дороги, от научных центров, суровые климатические условия Севера» [7, с. 9, 59].

Между тем совершенствование образовательной системы, происходившее в послевоенные годы, сказалось на работе вуза. Так, курс на обязательное семилетнее образование и вследствие этого — постепенное увеличение ученического контингента в старших классах привели к ликвидации учительских институтов по всей стране. В 1954 г. был закрыт и Учительский институт в Сыктывкаре (в том числе и его историческое отделение). Студенты второго курса данного института были переведены на факультеты пединститута.

Произошли перемены и в подготовке учителей. В сельских школах педагог не всегда мог получить полную нагрузку по своей специальности. Поэтому в 1956 г. были изменены профили подготовки учителей. В соответствии с приказом Министерства просвещения РСФСР КГПИ перешел к подготовке преподавателей широкого профиля. Эти перемены коснулись и исторического образования. На историко-филологическом факультете (объединившем исторический и филологический), среди прочих, осуществлялась подготовка по профилям: русский язык, литература и история.

Из-за небольшой численности контингента учащихся до 1956 г. на четыре факультета института было два декана. Историки А. В. Вехова и В. Г. Зыкин руководили факультетами историческим и литературы с соответствующими отделениями Учительского института. В 1951—1959 гг. деканом обоих факультетов был доцент А. А. Шеин. В 1959—1964 гг. историко-филологическим факультетом руководила Т. И. Беленкина, в 1964—1968 гг. — К. А. Гадельшин, в 1968—1970 гг. — В. П. Золотарев, затем вплоть до перевода историков в СГУ — В. Н. Семичев.

Происходили в этот период изменения и в структуре кафедр. Кафедры истории СССР и всеобщей истории несколько раз разъединялись и сливались.

В послевоенные годы большую роль в организации работы исторического факультета сыграл доцент К. Д. Петряев. Он возглавлял объединенную кафедру истории в 1944—1951 гг. и кафедру всеобщей истории до 1953 г. К. Д. Петряев читал лекции по ведущим предметам: истории Нового времени, истории международных отношений, дипломатии, вел спецсеминары. После его отъезда в 1953 г. в Одессу кафедру всеобщей истории возглавил доцент Н. И. Копычев. Кафедрой же истории СССР, которая была выделена в 1951 г. из объединенной кафедры истории, в 1951—1959 гг. руководила Т. И. Беленкина (защитившая в 1958 г. кандидатскую диссертацию). Ее отличало «блестящее лекторское мастерство», «объективность и требовательность» [6, с. 239]. Выпускница МГУ внесла в организацию учебного процесса в институте «университетский дух» [7, с. 212, 366].

Постепенно исторический факультет пополнялся квалифицированными кадрами. В 1948 г. пришел работать в институт В. Г. Зыкин. Он был «всеобщим любимцем» студентов [6, с. 100], блестяще, с только ему присущим артистизмом читал лекции. «Когда он читает — зал молчит», — говорили студенты [7, с. 48]. В 1956 г. приехал в Сыктывкар обладавший большой эрудицией и опытом научной работы известный историк В. Ю. Гессен. Студенты тех лет отмечают, что он «не только очень интересно и с глубоким знанием предмета вел курс, но и прививал навыки научно-исследовательской работы». В своих лекциях «для исторических деятелей он находил такие человеческие характеристики, которые высвечивали живых людей на высоких постах или в ярких исторических событиях» [6, с. 103,

203]. В 1955—1956 гг. в связи с закрытием Коми областной партийной школы в институт перешли историки П. Е. Куклев (бывший в 1955—1958 гг. директором института) и А. Я. Зильберг (в 1959—1969 гг. заведовавший кафедрой истории) — фронтовик, ученик известного германиста А. С. Ерусалимского, «интересный, душевный и принципиальный человек» [5, с. 131]. Об Александре Яковлевиче у студентов-историков осталось впечатление как «об очень добром и внимательном человеке». Его отличало «стремление к конкретизации», скрупулезность, точность документальной базы [6, с. 205, 241].

В 1960-е гг. прибыли по направлениям Минпроса РСФСР В. П. Золотарев, И. Б. Иловайский. В. П. Золотарев вел методику преподавания истории и «прилагал много усилий, чтобы студенты знакомились с практическим опытом учителей г. Сыктывкара. Он был хорошо знаком с ними, студенты посещали уроки учителей истории» [5, с. 144]. Участник Великой Отечественной войны И. Б. Иловайский читал лекции по истории СССР. «Его манера чтения лекций была очень сдержанной. Он был совершенно невозмутим при принятии зачетов и экзаменов, не проявлял открыто своих эмоций» [5, с. 143].

Обком КПСС направил в 1961 г. на работу в институт Ю. М. Рапопорта. Последний не только производил во время занятий впечатление «трибуна, оратора», его отличала «яркая, выразительная речь, образные сравнения, все это производило большое впечатление на студентов» [5, с. 144]. И он умел научить студентов «думать, аргументировать свою точку зрения. При этом он... не отступал от принятых в то время правильных с точки зрения марксизма-ленинизма позиций... но какой-то дух вольнодумства, самостоятельности и независимости мышления» ему удавалось студентам привить [6, с. 238].

В 1969 г. в институте стал работать доктор исторических наук Я. Н. Безносиков. Продолжали трудиться и ветераны кафедры истории: А. А. Старцев, Т. В. Ветошкин, А. Ф. Вехова, А. Н. Александров, В. И. Цивунин, А. Н. Иванов. В определенной степени способствовало совершенствованию учебного процесса и привлечение к работе со студентами ученых из Коми филиала АН СССР (Э. А. Савельевой, В. Н. Давыдова, И. И. Гуревича и др.).

Таким образом, на факультете сложился квалифицированный преподавательский коллектив, сотрудники которого «вышли» в основном из столичных научных школ. Это способствовало созда-

нию творческой атмосферы в ходе решения научных, педагогических и общественных вопросов [5, с. 131], а главное — становлению учебного процесса на должном уровне. Выпускникам тех лет запомнились лекции и семинарские занятия Т. И. Беленкиной, Л. Н. Жеребцова, А. Я. Зильберга, М. А. Ташлыкова и других ученых. Они не только интересно вели занятия, но и оказывали студентам большую помощь в организации самостоятельной работы, с подбором учебной литературы, выполнением курсовых работ. Большое место уделялось проведению педагогической практики. Долгое время ей руководила (и одновременно вела курс по методике преподавания истории) П. С. Маркова. Студенты свидетельствуют, что «увлеченная своим предметом, она учила нас, как интереснее провести тот или иной урок, как заинтересовать учащихся, как «очеловечить» исторический процесс [6, с. 168—169] В 1968 г. выпускница историко-филологического факультета КГПИ П. С. Маркова, единственная из педагогов Коми республики, была удостоена звания «Герой социалистического труда».

Благодаря квалифицированному преподавательскому составу учебная деятельность получила значительное развитие. Преподаватели-историки разработали для студентов ряд новых курсов: по истории Коми АССР, по историографии СССР и всеобщей истории, «Введение в изучение истории», другие спецкурсы. На спецсеминарах студенты осваивали основы источниковедения, изучая архивные материалы по истории Коми края. Готовились методические пособия по семинарским и иным видам занятий. Организация учебного процесса в институте, как свидетельствуют студенты, была построена на строгой дисциплине [6, с. 202].

В эти годы историки вели и значительную научно-исследовательскую работу. Т. И. Беленкина и И. Б. Иловайский разрабатывали тему по развитию буржуазных отношений в государственной деревне Европейского Севера в первой половине XIX столетия. Научная деятельность была совмещена с методической помощью школе. Например, Т. И. Беленкина написала ряд работ по истории Коми края, в их числе и пособие для школ Коми АССР «Наш край в истории СССР», исследование «Из истории классовой борьбы коми народа». Признанием научных заслуг преподавателей пединститута является тот факт, что именно им в 1951 г. было поручено подгото-

вить материалы по истории Коми АССР статей Большой Советской энциклопедии [7, с. 127].

Организации учебного и научной деятельности способствовала и сравнительно удовлетворительная материально-техническая база факультета. Имелись в достаточном количестве учебно-наглядные пособия (исторические карты, альбомы, схемы и некоторые технические средства обучения). Методический кабинет факультета располагал необходимой исторической литературой. Хотя, конечно, студентам ее все равно не хватало. Поэтому нередко на помощь им приходили преподаватели, снабжая учащихся книгами из собственных библиотек. Впрочем, студенты и преподаватели тех лет много времени проводили и в читальных залах республиканской библиотеки [5, с. 127, 143, 145].

Таким образом, несмотря на определенные сложности (трудные условия Севера, небольшой, удаленный от научных центров город, где порой отсутствовали возможности для научного роста и т. д.), вызывавшие текучесть кадров, преподавательский состав вуза, в том числе и историков, постепенно укреплялся. А учебная деятельность историко-филологического факультета (в том числе и по подготовке учителей-историков и обществоведов) — совершенствовалась.

Об авторитете историко-филологического факультета в республике красноречиво говорит высокий конкурс на историческое отделение пединститута: от четырех до восьми человек на место [6, с. 111, 202].

Продолжались в этот период и неизбежные структурные изменения. В 1963 г. институт по решению Министерства просвещения РСФСР вернулся к узкой специализации. На историко-филологическом факультете срок обучения был сокращен до четырех лет. Впрочем, это решение не означало возвращения к старому, к однопрофильной специализации. Историческое отделение готовило учителей истории и обществоведения. В конце 1960-х гг. на историко-филологический факультет ежегодно принималось 25 студентов-историков на очное и до 50 — на заочное отделение [7, с. 354, 411].

В начале 1970-х гг. школы Коми АССР (как и всей страны) начали переход от четырехлетнего к трехлетнему начальному образованию. Для старших классов устанавливались новые учебные планы

и программы, вводились факультативные занятия. Это вызвало необходимость улучшения качества подготовки учителей с высшим образованием. Эти соображения, а также интенсивное промышленное и культурное развитие республики и ряд других обстоятельств вызвали необходимость создания в Коми АССР собственного университета. В 1972 г. он был открыт. Подготовка историков была переведена в Сыктывкарский университет. В новый вуз в полном составе были переведены как преподавательские кадры, так и контингент студентов-историков [7, с. 547]. Это знаменовало новую страницу в историческом образовании Республики Коми.

Что касается педагогического института, то историческую подготовку студенты-педагоги получали на кафедрах общественных наук, которые всегда играли значительную роль в жизни КГПИ.

Заключение. В целом можно утверждать, что историческая подготовка в Коми пединституте не только заложила основы собственно исторического образования в Республике Коми, подготовила базис для развития подготовки специалистов-историков в университете, но и в значительной степени содействовала становлению и развитию школьного исторического образования и исторической науки в республике. Среди выпускников-историков Коми пединститута много специалистов, которые внесли значительный вклад в развитие исторической науки, образования, республики в целом: д. и. н., профессор Я. Н. Безносиков, к. и. н. В. Н. Давыдов, к. и. н., доцент Л. А. Жданов, к. и. н. профессор Ю. М. Рапопорт, к. и. н. Л. Н. Жеребцов, к. и. н. Л. И. Сурина, д. и. н., В. И. Чупров, д. и. н. А. Н. Турубанов, к. и. н., доцент О. Е. Бондаренко, к. и. н., доцент Л. П. Кучеренко, к. и. н., доцент Т. М. Хорунжая, Герой Социалистического Труда, педагог П. С. Маркова, государственные и партийные деятели Л. Т. Россохин, А. Ф. Сюткин, А. А. Шишкин и многие другие.

Список источников

1. Коми пединститут: становление и развитие (1932—1941) : документы, материалы, воспоминания / под ред. В. Н. Исакова. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 2007. 346 с.
2. За Новый Север. 1935 год. 4 июля.
3. Золотарев О. В. Политические чистки преподавательского состава Коми педагогического института в конце 1930-х гг. // История и перспективы развития северных регионов России: роль ГУЛАГа, мемориальная де-

тельность : мат-лы I Межд. науч. конф. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НУ УрО РАН, 2011. С. 80—82.

4. Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. : сборник документов, материалов, воспоминаний / под ред. В. Н. Исакова. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 2005. 253 с.

5. Слово — памяти. Из воспоминаний ветеранов Коми пединститута / гл. ред. В. Н. Исаков. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута. 2007. 321 с.

6. Признание. Коми пединститут в воспоминаниях выпускников (филологов и историков). Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 403 с.

7. Коми пединститут: новый этап развития. 1945—1972 : сборник документов, материалов, воспоминаний / под ред. М. Д. Китайгородского. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 672 с.

References

1. *Komi pedinstitut: stanovlenie i razvitie (1932—1941): dokumenty, materialy, vospominaniya* [Komi Pedagogical Institute: Formation and Development (1932—1941): Documents, Materials, Memoirs]. Syktyvkar, Komi State Pedagogical Institute Press, 2007. 346 p. (In Russ.)

2. *Za Novyj Sever* [To the New North]. 1935. 4 iyulya [july]. (In Russ.)

3. Zolotarev O. V. Political purges of the teaching staff at the Komi Pedagogical Institute in the late 1930s. *Istoriya i perspektivy razvitiya Severnyh regionov Rossii: rol' GULAGa, memorial'naya deyatel'nost'. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [History and Outlook of Development of the Northern Regions of Russia: the Role of the Gulag, Memorial Activity. Materials of the 1st International Scientific Conference]. Syktyvkar, ILLH Komi SC UB RAS Press, 2011. P. 80—82. (In Russ.)

4. *Komi pedinstitut v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941—1945 gg.: Sbornik dokumentov, materialov, vospominanij* [Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War 1941—1945: Collection of Documents, Materials, Memoirs]. Syktyvkar, Komi State Pedagogical Institute Press, 2005. 253 p. (In Russ.)

5. *Slovo — pamyati. Iz vospominanij veteranov Komi pedinstituta* [A Word to Remember. From the memories of veterans of the Komi Pedagogical Institute]. Syktyvkar, Komi State Pedagogical Institute Press. 2007. 321 p. (In Russ.)

6. *Priznanie. Komi pedinstitut v vospominaniyah vyusknikov (filologov i istorikov)* [Recognition. Komi Pedagogical Institute in Memoirs of its Graduates (Philologists and Historians)]. Syktyvkar, Komi State Pedagogical Institute Press, 2012. 403 p. (In Russ.)

7. *Komi pedinstitut: novyj etap razvitiya. 1945—1972: sbornik dokumentov, materialov, vospominanij* [Komi Pedagogical Institute: a new stage of develop-

ment. 1945—1972: collection of documents, materials, memoirs]. Syktyvkar, Komi State Pedagogical Institute Press, 2012. 672 p. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Золотарев Олег Васильевич

Oleg V. Zolotarev

доктор исторических наук,
профессор, заведующий
кафедрой истории и методики
обучения общественно-правовым
дисциплинам, Сыктывкарский
государственный университет
имени Питирима Сорокина

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of History and
Methodology of Training in Social and
Legal Branches of Knowledge, Pitirim
Sorokin Syktyvkar State University

167001, Россия, Сыктывкар,
Октябрьский пр., 55

55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar,
167000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	09.02.2022
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	18.02.2022
Принята к публикации / Accepted for publication	19.02.2022

Научная статья / Original article

УДК 37.376.42

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-179>

**Психолого-педагогическое сопровождение
речевого развития младших школьников с синдромом
Дауна в условиях общеобразовательной организации**

Шабалина Светлана Анатольевна¹, Бородина Юлия Петровна²

^{1,2} Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия

¹ swetlana76-2011@mail.ru; ² jt0007@mail.ru

Аннотация. Реализация Федеральных государственных образовательных стандартов для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья¹, разнообразие категорий детей с особыми образовательными потребностями формируют запрос на организацию эффективного психолого-педагогического сопровождения в образовании. Именно дети с интеллектуальными и эмоциональными нарушениями являются наиболее трудными категориями для включения в массовое образование. К числу таких детей относятся дети с синдромом Дауна. В недалеком прошлом этим детям представлялась единственная возможность получения образования — это обучение в интернатах закрытого типа. В последнее время в нашей стране для данной категории обучающихся и детей с интеллектуальными и ментальными нарушениями появилось больше возможностей для обучения, которое теперь может осуществляться как в специальных (коррекционных) общеобразовательных организациях, так и в специальных классах общеобразовательных школ, занимающихся по образовательным программам для детей с нарушением интеллекта (в редких случаях — для детей с задержками психического развития).

Согласно Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации»² и Федеральным государственным образовательным стандар-

© Шабалина С. А., Бородина Ю. П., 2022

¹ Приказ Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.02.2015 №35847).

² Российская Федерация. Законы. Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 27.11.2021).

там дошкольного образования и начального общего образования¹ дети с синдромом Дауна могут посещать как дошкольные образовательные организации общеразвивающего и/или комбинированного вида, так и общеобразовательные организации наравне с нормотипичными детьми. Наличие в общеобразовательном учреждении детей с синдромом Дауна предполагает организацию для них психолого-педагогического сопровождения.

Статья посвящена описанию содержательной части психолого-педагогического сопровождения речевого развития младших школьников с синдромом Дауна в общеобразовательной организации.

Ключевые слова: дети с синдромом Дауна, обучающийся, общеобразовательная организация, федеральные государственные образовательные стандарты, адаптированная образовательная программа, индивидуальный план, начальное образование, инклюзивное образование, психолого-педагогический консилиум

Для цитирования: Шабалина С.А., Бородина Ю. П. Психолого-педагогическое сопровождение речевого развития младших школьников с синдромом Дауна в условиях общеобразовательной организации // Человек. Культура. Образование. 2022. № 1. С. 179—194. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-179>

Psychological and Pedagogical Support of Speech Development of Elementary School Pupils with Down Syndrome in Comprehensive Schools

Svetlana A. Shabalina¹, Julia P. Borodina²

^{1,2} Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia

¹ swetlana76-2011@mail.ru; ² jt0007@mail.ru

Abstract. *Implementation of federal state educational standards for pupils with disabilities and a variety of categories of children with special educational needs² form a request for organization of effective psychological and pedagogical support in education. Children with intellectual and emotional disabilities are the most difficult categories to include in mass education. These pupils are children with Down syndrome. In recent years, children with Down syndrome were*

¹ Приказ Минобрнауки России от 17.10.2013 № 1155 (ред. от 21.01.2019) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» (Зарегистрировано в Минюсте России 14.11.2013 №30384).

² Приказ Минобрнауки России от 19.12.2014 № 1598 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья».

given only one opportunity to get education — education in boarding closed-type schools. Recently, there have appeared more opportunities in our country for this group of pupils and children with intellectual and mental disabilities that can be now carried out both in special (correctional) comprehensive organizations and in special classes of comprehensive schools while providing educational programs for children with intellectual disorders (in rare cases, for children with delayed psychological development).

According to the Federal Law "On Education in the Russian Federation"¹ and the Federal State Educational Standards of Preschool Education and Primary General Education², pupils with Down syndrome can attend both preschool comprehensive educational organizations of the general system of education and/or combined type schools, as well as any comprehensive organizations on an equal basis with normotypic children. The attendance of children with Down syndrome in a general education establishment requires organization of psychological and pedagogical support for them.

The following article is dedicated to the description of the content of psychological and pedagogical support of speech development of elementary school pupils with Down syndrome in a comprehensive school.

Keywords: *Children with Down syndrome, pupils, comprehensive school, federal state educational standards, adapted comprehensive programs, individual plan, elementary education, inclusive education, psychological and pedagogical support.*

For citation: Shabalina S. A., Borodina Ju. P. Psychological and Pedagogical Support of Speech Development of Elementary School Pupils with Down Syndrome in Comprehensive Schools. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2022; 1:179—194 (In Russ.). <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-179>

Введение. Правильная и всесторонне развитая речь у ребенка является неотъемлемой частью общего и интеллектуального развития. Благодаря развитию речи ребенок познает окружающий мир, учится налаживать контакты со взрослыми и сверстниками, ориентируется в обществе. При наличии различных речевых патологий необходимо иметь возможность своевременной и адекватной её коррекции. Но некоторые дети имеют сложно преодолимые или непреодолимые препятствия в освоении речи и всех её

¹ Rossiyskaya Federatsiya. Zakony. Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon № 273-FZ ot 29 dekabrya 2012 goda. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

² Prikaz Minobrnauki Rossii ot 17.10.2013 №1155 (red. ot 21.01.2019) «Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta doshkol'nogo obrazovaniya».

структурных компонентов; к ним можно отнести детей с синдромом Дауна. Синдром Дауна (трисомия 21) — хромосомное нарушение. Наличие дополнительной хромосомы приводит к появлению ряда физиологических особенностей, например строение лица, которое затрудняет освоение речи, а именно: гипотонус, пониженный тонус мышц лица, рта, языка, губ, челюсти; трудности в синхронизации движения этих органов, т. н. диссоциация; сравнительно небольшой размер ротовой полости в сравнении с размером языка; тенденция дышать через рот из-за увеличенных аденоидов или гланд, частых простуд или аллергических реакций; высокое узкое («готическое») нёбо, ограничивающее движения языка во рту, равно как и слишком низкое нёбо; недоразвитие (гипоплазия) костей средней части лица; повышенное слюнотечение (что может говорить о пониженной чувствительности, см. выше); более частая (по сравнению с нормотипичными сверстниками) заложенность носа; постоянно открытый рот; часто высунутый язык; трудности в использовании мягкого нёба для «блокировки» воздушного потока, вследствие чего речь ребенка будет «гнусавой»; «открытый» прикус (верхние и нижние зубы ребенка не встречаются, расходятся) и другие аномалии прикуса; нейромышечные особенности строения языка [1; 2].

Специфические данному синдрому отклонения в развитии внимания и памяти; интеллектуальные нарушения; патологии слуха и артикуляционного аппарата; личностные особенности, такие как агрессивность, негативизм, капризность и раздражительность, — все это приводит к нарушению в формировании всех компонентов речевой системы у детей с синдромом Дауна, начиная с раннего возраста [3].

В более поздние сроки развития для данной категории детей характерны следующие сложности в освоении речи: они лучше понимают обращённую речь, чем говорят сами; имеют довольно слабую инициативу в общении и в совместной деятельности со взрослыми; имеют значительные трудности в адаптации к новым условиям, неустойчивый зрительный контакт и слабую подражательную речевую способность. Их речь выражена простыми вокализациями и элементарными фразами.

Наличие лишней хромосомы приводит к тому, что ребёнок с синдромом Дауна проходит общие для всех детей этапы речевого раз-

вития, но в другие (более поздние) сроки. Стоит отметить, что степень выраженности задержек умственного и речевого развития зависит не только от врождённых факторов, но и от того, насколько рано была начата коррекционная работа с таким ребёнком. Индивидуальный темп и особенности развития детей определяются многими факторами: средой, в которой растёт и воспитывается ребёнок; своевременным и адекватным психолого-педагогическим сопровождением; наличием или отсутствием сопутствующих заболеваний.

Изучению интеллектуальных возможностей детей с умственной отсталостью и их коррекции, общему и речевому развитию детей с синдромом Дауна посвящён ряд современных исследовательских работ А. В. Алехиной [4], Е. А. Екжановой [5, с. 3—14], Т. П. Есиповой [6], П. Л. Жияновой [3; 7], Е. А. Кинаш [8], Л. Кумин [1; 2], Т. П. Медведевой [9], Е. А. Стребелевой [10] и др. В работах перечисленных авторов описаны основные стадии развития речи у таких детей, последовательность их речевого развития, особенности и трудности в освоении речи. При этом стоит отметить, что в нашей стране научно-исследовательская база по проблеме изучения недоразвития речи у детей с синдромом Дауна недостаточна, а значимость таких исследований для успешной социализации и обучения данной категории детей велика.

Просветительская работа о данном синдроме проводится как в СМИ, в социальных сетях и различных информационных интернет-ресурсах, так и в роддомах волонтерами и психологами. Очевидно, что всестороннее развитие детей с синдромом Дауна стали изучать сравнительно недавно и выяснили, что при должном уходе и организации раннего комплексного коррекционного сопровождения у такого ребенка можно достичь стойких результатов в навыках самообслуживания, бытовой, игровой и учебной деятельности [3; 7; 11]. Но одним из важных условий развития ребенка, в том числе и с синдромом Дауна, является его социальная адаптация, приспособление к жизни и интеграция его в общество, а это крайне затруднено без возможности так или иначе создавать коммуникативные связи. Поэтому часто таких детей обучают языку жестов, учат использовать карточки типа «Пекс» и пр. Но стимулирование речевой активности, развитие пассивного и активного словарей, начиная с раннего возраста, являются приоритетными процессами в

психолого-педагогическом сопровождении речевого развития детей с синдромом Дауна [1].

Актуальность и практическая значимость исследования основана на противоречии между наличием в общеобразовательной организации учащихся с синдромом Дауна и недостаточной теоретической и практической разработкой содержания психолого-педагогического сопровождения речевого развития младших школьников с данным диагнозом. Наличие противоречия обусловило проблему исследования, которая состоит в ответе на вопрос: в чем заключается содержание психолого-педагогического сопровождения речевого развития детей с синдромом Дауна в общеобразовательной организации?

Методы исследования, теоретическая база. В качестве методики обследования речи младших школьников с синдромом Дауна была выбрана разработка Г. А. Волковой «Методика психолого-логопедического обследования детей с нарушением речи. Вопросы дифференциальной диагностики» [12, с. 35—37], так как, по нашему мнению, данная методика обследования речевого и моторного развития обучающихся с синдромом позволяет оценить актуальное состояние речевых навыков детей, состояние их общей, пальцевой и артикуляционной моторик. Предложенный вариант обследования речи компактен, охватывает развитие всех речевых компонентов, а оценка моторных навыков позволяет получить полную диагностическую картину, что в значительной мере облегчает и уточняет процесс планирования дальнейшей коррекционной работы с данной категорией детей.

Для исследования уровня готовности педагогов к обучению детей с ОВЗ (синдромом Дауна, в частности) в инклюзивных классах нами была модифицирована анкета Д. Ю. Соловьевой [13].

Экспериментальной базой исследования явилось МБОУ «Образовательный центр № 1», г. Ивантеевка, Московская область. В исследовании участвовало 4 детей 8—9 лет с синдромом Дауна и 18 учителей начальных классов.

Индивидуальные особенности речевого и моторного развития испытуемых детей по результатам обследования представлены в сводной таблице.

Таблица

**Особенности речевого и моторного развития детей
с синдромом Дауна в экспериментальной группе**

<i>Диагностический блок / Шифр ребенка</i>	<i>Мальчик 1</i>	<i>Мальчик 2</i>	<i>Девочка 1</i>	<i>Девочка 2</i>
<i>Описание результатов проведённой диагностики</i>				
<i>Исследование импрессивной речи</i>				
1. Понимание связной речи и объём пассивного словаря	Все дети допускали ошибки при понимании и выполнении заданий на слух, задания с опорой на визуальные образы выполнялись гораздо легче. Мальчик 1 и девочка 2 выполнили все задания только со стимулирующей помощью и только невербально			
<i>Исследование экспрессивной речи</i>				
1. Исследование звукопроизношения:				
- гласные звуки	трудности произнесения звуков [ы], [э]	+	+	+
- свистящие	замена на тихий, глухой звук [с]	+	+	отсутствуют
- шипящие		замена на звук [с]	отсутствуют	отсутствуют
- аффрикаты	замена на звук [ч]	[ц], [ч] — отсутствуют		отсутствуют
- сонорные звуки	[л`], [р], [р`], [м`], [н`] — отсутствуют	[л], [р], [р`] — отсутствуют		
- йотированные звуки	+	+	+	+
- звонкие и глухие звуки	оглушение звонких звуков			
2. Исследование активного словаря (объёма)	справился невербально	многочисленные ошибки	справилась со стимулирующей помощью	справилась невербально
3. Исследование грамматического строя речи	не справился			не справилась

Исследование общей, пальцевой и артикуляционной моторики			
1. Оценка общей моторики	нарушения координации движений и скорости переключения	медленная скорость переключения	нарушения темпа и скорости переключения
2. Оценка состояния пальцевой моторики	неполный объем движений, замедленная скорость переключения, наличие сопутствующих движений, выполнение заданий только по подражанию	неполный объем движений, замедленная скорость переключения, наличие сопутствующих движений	неполный объем движений, замедленная скорость переключения, наличие сопутствующих движений, выполнение заданий только по подражанию
3. Оценка состояния речевой моторики	пониженный тонус, недостаточный объем движений, недостаточная длительность удержания поз, наличие сопутствующих лишних движений		
Исследование фонематического восприятия			
1. Оценка состояния слуха, слуховых дифференцировок	справился со стимулирующей помощью		многочисленные ошибки
2. Оценка состояния слухо-произносительной дифференциации фонем	удалось оценить только слуховую дифференциацию фонем	многочисленные ошибки	справилась удалось оценить только слуховую дифференциацию фонем
Обследование состояния фонематического анализа, синтеза, фонематических представлений			
1. Фонематический анализ	не сформированы	многочисленные ошибки	справилась
2. Фонематический синтез		не сформированы	многочисленные ошибки
3. Фонематические представления		не сформированы	
не сформированы			

Из данных, представленных в таблице, следует, что у исследуемой группы детей обнаружены нарушения в формировании всех речевых компонентов в различной степени.

Анализ результатов, полученных в рамках анкетирования педагогов, позволил нам сделать следующие выводы:

1) 13 педагогов, что составляет 72,2 %, продемонстрировали средний уровень готовности к реализации инклюзивного образования. У данного количества педагогических работников выявлена готовность к освоению новых педагогических технологий для обеспечения условий организации инклюзивного образования;

2) у 5 педагогов (27,8 %) выявлен низкий уровень готовности к реализации инклюзивного образования и реализации ФГОС ОВЗ, что свидетельствует о том, что у данных педагогов: а) не сформирована психологическая и профессиональная готовность к работе с обучающимися с ОВЗ (в том числе с детьми с синдромом Дауна); б) не выявлена готовность создавать в классе условия, необходимые для организации обучения детей с ОВЗ; в) отсутствует желание осваивать новые формы и методы работы, проявлять гибкость при обучении детей с особыми образовательными потребностями; г) принимать участие в создании адаптированных образовательных программ, индивидуальных образовательных маршрутов. Данные учителя указали, что они добиваются хороших результатов при обучении нормотипичных детей, а учащихся с особенностями в развитии, по их мнению, должны обучать педагоги, имеющие специальное образование. При этом отметили, что готовы принимать участие в организации и проведении праздничных и/или развлекательных мероприятий в рамках внеурочной деятельности для нормотипичных и детей с ОВЗ.

Исходя из полученных данных мы предположили, что в содержание психолого-педагогического сопровождения речевого развития младших школьников с синдромом Дауна в условиях инклюзивного образования будут входить следующие компоненты:

1) проведение и анализ диагностики речевого развития, отражающей актуальное состояние речи ребенка с синдромом Дауна с анализом полученных данных;

2) наличие в общеобразовательной организации действующего психолого-педагогического консилиума (далее — ППк), состоя-

щего из педагога-психолога, учителя-логопеда, учителя начальных классов;

3) планирование и реализация коррекционной работы с учётом индивидуальных особенностей речевого развития ребенка;

4) организация взаимодействия участников образовательных отношений (родитель (законный представитель) — педагог) в вопросах развития речи младших школьников с синдромом Дауна;

5) оказание методической, психологической помощи педагогам, которые обучают детей с ОВЗ (с синдромом Дауна).

Результаты исследования и их обсуждение: Для коррекции выявленных нарушений речевого развития у обучающихся с синдромом Дауна в образовательной организации была проведена коррекционная работа в следующих направлениях:

1) стимулирование речевой активности (ответственные: учитель начальных классов, учитель-логопед, учитель-дефектолог, родители (законные представители));

2) коррекция звукопроизношения (ответственный: учитель-логопед);

3) развитие восприятия и воспроизведения устной речи (ответственные: педагог-психолог, учитель начальных классов, учитель-логопед, учитель-дефектолог, родители (законные представители));

4) уточнение и расширение словарного запаса (ответственные: учитель начальных классов, учитель-логопед, учитель-дефектолог, родители (законные представители));

5) обучение умению составлять короткие рассказы по сюжетным картинкам и вести диалог (ответственные: учитель начальных классов, учитель-логопед, учитель-дефектолог, родители (законные представители));

6) развитие навыка самоконтроля в речевой деятельности (ответственные: педагог-психолог, учитель начальных классов, учитель-логопед, учитель-дефектолог, родители (законные представители)).

Данная работа осуществлялась в тесном взаимодействии между учителем-логопедом, учителем начальных классов, учителем-дефектологом, педагогом-психологом и родителями (законными представителями) учащихся с синдромом Дауна. В школе организована информационно-консультативная поддержка родителей (за-

конных представителей) со стороны специалистов школьного консилиума (психолог, логопед, дефектолог).

В рамках работы с педагогическим коллективом администрации МБОУ «Образовательный центр № 1» было предложено:

- направить педагогов, которые на данный момент оказались не готовы к работе с детьми с ОЗВ, на курсы повышения квалификации по организации работы с данной категорией детей;
- педагогу-психологу, учителю-дефектологу, учителю-логопеду провести семинар на тему «Инклюзивное образование: от теории к практике»;
- специалистам ППк и методическому объединению учителей начальных классов школы организовать и провести мероприятия с детьми с ОВЗ (с синдромом Дауна) в рамках создания инклюзивной практики в образовательной организации.

Заключение: Исследования современных авторов свидетельствуют о возрастном угасании интеллектуальной сферы у детей с синдромом Дауна, то есть обучение таких детей в более раннем возрасте происходит легче и успешнее [4], причём часто подобное угасание может наблюдаться уже на этапе получения начального общего образования, поэтому так важно организовать эффективное психолого-педагогическое сопровождение обучающихся с синдромом Дауна в условиях образовательной организации.

Специалист-логопед не всегда может самостоятельно скорригировать речевые нарушения данных учащихся, так как, помимо возрастного снижения интеллектуальных способностей и достаточно позднего общего развития, у таких детей наблюдается нарушение всех компонентов психики: моторики, внимания, памяти, мышления, речи и эмоциональной сферы. «Внимание у обучающихся с синдромом Дауна рассеяно и неустойчиво, произвольное внимание развито очень слабо, что приводит к затруднению в выполнении даже простых заданий. Зрительное восприятие развито гораздо сильнее, это является чуть ли не основной опорой в обучении детей с синдромом Дауна» [14, с. 32]. Запоминание у таких детей тоже вызывает некоторые затруднения, что отчасти связано с частыми нарушениями слуха, поэтому специалистам необходимо использовать большое количество наглядного материала [15, с. 24]. Поэтому для коррекции речи обучающихся с синдромом Да-

уна необходимо работать в команде: учитель начальных классов, учитель-логопед, учитель-дефектолог, педагог-психолог, родители (законные представители).

Речевой прогресс у детей с синдромом Дауна от однословных фраз к предложениям подчиняется тем же правилам грамматики, что и в речи нормотипичных, но их синтаксис значительно упрощён, набор грамматических структур ограничен и неустойчив. Все основные стадии речевого развития дети с синдромом Дауна проходят в более поздние сроки в сравнении с онтогенезом, и их речь имеет ряд существенных аномальных отклонений. Бедность словарного запаса приводит к неточному употреблению слов; преобладание пассивного словаря над активным тормозит активизацию слов в активный словарь и приводит к несформированности структуры значения слова. Все это, в свою очередь, создаёт коммуникативные трудности и сложности в социальной адаптации.

Важно отметить следующие дополнительные факторы, влияющие на развитие речи детей с синдромом Дауна:

- социальное и эмоциональное развитие (наиболее сохранная сфера);
- превалирование зрительного запоминания речевой информации над слуховым;
- многократные повторения речевого материала для запоминания из-за сниженного объёма слуховой памяти;
- нарушение речи усугубляется нарушением слуха;
- нарушения формирования чёткого звукопроизношения из-за сниженного мышечного тонуса и особенностей строения речевого аппарата;
- при отсутствии альтернативных форм общения (жесты, карточки, глобальное чтение) отставание в развитии речи вторично влияет на социальную и когнитивную сферы развития.

При обучении детей с синдромом Дауна нужно опираться на их сильные стороны: неплохую механическую, музыкальную память, любопытство, познавательный интерес, способность к подражанию, всё это создаёт предпосылки для развития отстающих характеристик. «Для достижения положительной динамики в обучении, воспитании и социализации таких детей необходимо, чтобы воспитательный, коррекционный и образовательный процессы происходили в рамках здоровьесберегающих технологий» [16, с. 11].

Особенности развития детей с синдромом Дауна (индивидуальный темп развития; возрастное угасание интеллектуальной сферы; нарушение всех компонентов психики, в том числе недоразвитость мышления и задержка интеллектуального развития) оказывают непосредственное влияние на возможность социальной адаптации таких детей, способность к обучению и восприятию новых академических знаний. Нарушения в развитии устной речи приводят к проблемам в освоении чтения и к расстройствам письма из-за фрагментарности восприятия текста; потери смысловой направленности прочитанного; отсутствия понимания мотивации поступков героев произведения; сложности с анализом прочитанного и пр. В основе этих проблем лежат недоразвитие всех психических процессов и малый жизненный опыт детей.

При этом обучающиеся с синдромом Дауна благодаря грамотно организованному сопровождению в образовательной организации с применением коррекционно-развивающих мероприятий удается достичь такого развития, чтобы обучаться в инклюзивных классах общеобразовательных организаций по индивидуальным планам и адаптированным общеобразовательным программам, разработанным специалистами психолого-педагогического консилиума школы с учётом возможностей и уровня развития каждого ребёнка, рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии.

Список источников

1. Кумин Л. Дети с синдромом Дауна: их особенности, влияющие на развитие речи (Ч. 1) / под ред. Н. Баженовой; перевод и реферирование О. Лисенковой, 2003. 51 с. URL: http://pedlib.ru/Books/5/0388/5_0388-13.shtml (дата обращения: 25.11.2021).
2. Кумин Л. Формирование навыков общения у детей с синдромом Дауна : руководство для родителей / пер. с англ. Н. С. Грозной. М.: Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2012. 280 с.
3. Жиянова П. Л. Формирование навыков общения и речи у детей с синдромом Дауна. М.: Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2010. 137с.
4. Алехина А. В. Особенности психического развития детей с синдромом Дауна : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2000. 22 с.
5. Екжанова Е. А., Стребелева Е. А. Системы коррекционно-развивающего обучения и воспитания детей дошкольного возраста с нарушением интеллекта // Дефектология. 2006. № 6. С. 3—14.

6. Есипова Т. П., Кобякова Е. А., Мерковская А. В. Комплексное развитие детей с синдромом Дауна раннего возраста: рекомендации для родителей. Новосибирск: ГООИ «Общество «Даун-синдром», 2014. 36 с.

7. Жиянова П. Л. Социальная адаптация детей раннего возраста с синдромом Дауна : методическое пособие. М.: Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2008. 197 с.

8. Кинаш Е. А. Подготовка к письму детей с отклонениями в развитии : методическое пособие для педагога. Москва: Парадигма, 2010. 80 с.

9. Медведева Т. П. Развитие познавательной активности детей с синдромом Дауна : пособие для родителей. М.: Монолит, 2007. 80 с.

10. Стребелева Е. А. Формирование мышления у детей с отклонениями в развитии : книга для педагога-дефектолога. М.: ВЛАДОС, 2015. 180 с.

11. Поле Е. В. Синдром Дауна. Факты. М.: Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2017. 40 с.

12. Волкова Г. А. Методика психолого-логопедического обследования детей с нарушением речи. Вопросы дифференциальной диагностики : учебно-методическое пособие. СПб.: Детство-Пресс, 2005. 144 с.

13. Соловьева Д. Ю. Диагностика готовности педагога к работе с детьми с ОВЗ // Справочник заместителя директора школы. 2017. № 11. 94—101.

14. Косымова А. Н. Коррекция представлений об окружающем мире у детей с нарушениями интеллекта // Дефектология. 2006. № 5. С. 30—35.

15. Мишина Г. А. Формирование навыка чтения у детей с выраженной умственной недостаточностью // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2003. № 1. С. 24.

16. Тихомирова Л. Ф. Здоровьесберегающие технологии в работе специальных и общеобразовательных учреждений с детьми с ограниченными возможностями здоровья : учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2017. 60 с.

References

1. Kumin L. *Deti s sindromom Dauna: ikh osobennosti, vliyayushchiye na razvitiye rechi (Ch.1)* [Children with Down syndrome: their features that affect the development of speech. Part 1], 2003. 51 p. URL: http://pedlib.ru/Books/5/0388/5_0388-13.shtml (accessed: 25.11.2021) (In Russ.).

2. Kumin L. *Formirovaniye navykov obshcheniya u detey s sindromom Dauna: rukovodstvo dlya roditeley* [Building Communication Skills in Children with Down Syndrome: A Guide for Parents]. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond «Daunsayd AP», 2012. 280 p. (In Russ.).

3. Zhiyanova P. L. *Sotsial'naya adaptatsiya detey rannego vozrasta s sindromom Dauna* [Social adaptation of children with Down syndrome]. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond «Daunsayd Ap», 2008. 197 p. (In Russ.).

4. Alehina A. V. *Osobennosti psikhicheskogo razvitiya detey s sindromom Dauna* [Features of psychological development of children with Down syndrome]. St-Petersburg, 2000. 22 p. (In Russ.).
5. Ekzhanova Ye. A., Strebeleva Ye. A. Systems of correctional and developmental education and upbringing of preschool children with intellectual disabilities. *Defektologiya* [Defectology], 2006, no 6, pp. 3—14. (In Russ.).
6. Esipova T. P., Kobyakova Ye. A., Merkovskaya A. V. *Kompleksnoye razvitiye detey s sindromom Dauna rannego vozrasta: rekomendatsii dlya roditeley* [Integrated development of children with Down syndrome: recommendation for parents]. Novosibirsk: GOOI "Obshchestvo "Daun-sindrom", 2014. 36 p. (In Russ.).
7. Zhiyanova P. L. *Formirovaniye navykov obshcheniya i rechi u detey s sindromom Dauna* [Communication and speech skills development in children with Down syndrome]. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond «Daunsayd Ap», 2010. 137 p. (In Russ.).
8. Kinash Ye. A. *Podgotovka k pis'mu detey s otkloneniyami v razviti: metodicheskoye posobiye dlya pedagoga* [Preparing children with developmental disabilities for writing: a teaching manual for a teacher]. Moscow: Paradigma, 2010. 80 p. (In Russ.).
9. Medvedeva T. P. *Razvitiye poznavatel'noy aktivnosti detey s sindromom Dauna: posobiye dlya roditeley* [Development of cognitive activity in children with Down syndrome: a guide for parents]. Moscow: Monolit, 2007. 80 p. (In Russ.).
10. Strebeleva Ye. A. *Formirovaniye myshleniya u detey s otkloneniyami v razviti: kniga dlya pedagoga-defektologa* [Formation of thinking in children with developmental disabilities: a book for a teacher-defectologist]. Moscow: VLADOS, 2015. 180 p. (In Russ.).
11. Pole Ye. V. *Sindrom Dauna. Fakty* [Down Syndrome. Facts]. Moscow: Blagotvoritel'nyy fond «Daunsayd Ap», 2017. 40 p. (In Russ.).
12. Volkova G. A. *Metodika psikhologo-logopedicheskogo obsledovaniya detey s narusheniyem rechi. Voprosy differentsial'noy diagnostiki* [Methods of psychological and logopedic examination of children with speech disorders. Questions of differential diagnosis]. St-Petersburg: Detstvo-Press, 2005. 144 p. (In Russ.).
13. Solov'eva D. Yu. Diagnosis of a teacher's readiness to work with children with disabilities. *Spravochnik zamestitelya direktora shkoly* [A Deputy Director Handbook], 2017, no 11, pp. 94—101. (In Russ.).
14. Kosymova A. N. Correction of ideas about the world around children with intellectual disabilities. *Defektologiya* [Defectology], 2006, no 5, pp. 30—35. (In Russ.).
15. Mishina G. A. Formation of reading skills in children with severe mental deficiency. *Vospitaniye i obucheniye detey s narusheniyami razvitiya* [Education and training of children with developmental disorders], 2003, no 1, p. 24. (In Russ.).

16. Tikhomirova L. F. *Zdorov'yesberegayushchiye tekhnologii v rabote spetsial'nykh i obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdeniy s det'mi s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya* [Health-saving technologies in work of special and educational institutions with disabled children]. Yaroslavl': Izd-vo YAGPU im. K.D. Ushinskogo, 2017. 60 p. (In Russ.).

Сведения об авторах / Information about the authors

Шабалина Светлана Анатольевна

Svetlana A. Shabalina

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

108/1, St. Republican, Yaroslavl, 150000, Russia

Бородина Юлия Петровна

Julia P. Borodina

бакалавр, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Bachelor student, Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

108/1, St. Republican, Yaroslavl, 150000, Russia

Статья поступила в редакцию / The article was submitted

29.11.2021

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing

29.12.2022

Принята к публикации / Accepted for publication

15.01.2022

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Краткое сообщение / Brief report

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-1-195>

Уроки метатекстуальности¹

Предисловие к книге А.П. Люсого «Цивилизация текстов: Текстологическая концепция русской культуры».
М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022 (в печати).

Этот труд А. П. Люсого не может не вызвать отклика у всех, кому интересна судьба русской литературы в XXI веке, русская культура и русская история и особенности преподнесения гуманитарных дисциплин в наше время. Являясь книгой о конкретных текстах (литературных, мемуарных, философско-культурологических), она в то же время представляет собой поучительный урок обнаружения многочисленных интертекстуальных «сетей», позволяя автору выявить свертхтекст — ни много ни мало — российской цивилизации. Грандиозность задачи оправдана невозможностью остановиться на половине пути: описывающие себя и тем самым самовозрастающие тексты связаны в единый узел историческими аллюзиями, художественными движениями и динамикой разворачивания географического пространства. Точкой отсчета для автора служит мысль о значимости текстуального поворота именно для русской гуманитарной мысли: текстуальная революция, наряду с прочими револю-

¹ Предисловие написано Ириной Евгеньевной Фадеевой (1952—2017) в 2017 году. Предоставлено для публикации в журнале А. П. Люсым.

циями и «поворотами» (в том числе и культурологическим, о котором не может не упомянуть автор), характеризуя современное российское гуманитарное знание, представляет собой феномен российской культуры. Автор называет подобные «текстуальные революции» «ответом самого российского пространства на глубинные потребности национального семиозиса и культурной идентификации». Это наблюдение требует осмысления и анализа.

Связь концептуализации текста (и, как частного случая, локального текста, текста культуры, культурного метатекста) и письменности как онтологической основы цивилизации не требует дополнительных обоснований. Между тем для российской культуры идея письма представляется проблематичной: культура Слова как слова преимущественно устного, а еще более традиция православного апофатизма и исихии сопротивляется любым формам риторики, неотрывным от письменности и текста. И если концептуализация Петербургского или Московского (Крымского, Пермского, Вятского) текста в рамках русской культурной рефлексии не только возможна, но и необходима и эвристический ее потенциал явно не исчерпан, то, по аналогии, представить в качестве научно релевантных словосочетания «парижский текст» или «лондонский текст» соответствующих национальных культур вряд ли возможно. Причина этого кроется в особенностях цивилизационного развития России на протяжении тысячелетней истории — развития катастрофического, разрывного, каждый раз заставляющего начинать историю с чистого листа, но вместе с тем сохраняющего упорное постоянство памяти и возвращения на круги своя.

Сжатость последних периодов русской истории, сначала Петром Великим, а затем — советской властью, оплотнив историческое время, спроецировала его на плоскость нескольких исторически кратких отрезков. Время, сгущенное в плоскости настоящего, стало *текстом культуры*, целостностью, определяющей историю (или отдельные истории как художественного, так и биографического характера). Отсюда значимость Петербургского текста, провидчески обнаруженного В. Н. Топоровым в пространстве русской ментальности, почти не имеющей — до XVIII века — исторической наррации и превратившей историческую последовательность в визуальный ее образ, в цитату, в музей — в эфемерное и прекрасное пространство Санкт-Петербурга, такое пространство, которое чревато временем — временем разворачивания человеческой судьбы и мысли. Само визуальное оборачивается здесь своим ментально-

образным подобием, «праздной мозговой игрой», по выражению Андрея Белого, двойником, удваивая тему двойничества как магистральную для Петербургского текста.

Выросшие как грибы после дождя, локальные тексты лишь закрепили культурно-историческую ситуацию оплотнения истории в тексте. Увиденная под этим углом зрения российская идентичность, собираясь из множества геокультурных локусов, предстает как совокупность текстов, уплотняющих историю в ее визуально-образную или ментальную проекцию. При этом возможность видения этой ментальной проекции определена инкорпорированной в собственное, национальное, российское сознание — позицией *ино-го*. Петербургский текст, формировавшийся в русской культуре на протяжении XVIII—XX вв. и продолжающий формироваться сейчас (и А. П. Люсый это убедительно доказывает), — это втянутый в глубину собственного взгляда взгляд наблюдателя, текст, существование которого стало возможным в результате двойного видения: место рождения локального текста — граница культур.

На этом фоне работа А. П. Люсого имеет особое значение. Признанный адепт «текстуальных революций», выдвинувший в pendant Петербургскому тексту развернутую панораму Крымского, А. П. Люсый дидактически подходит к проблематике локального текста с позиции, явно выходящей за пределы, обозначенные предшествующими авторами, позиции не столько литературно-культурологической или даже историко-культурологической, а, скорее, культурфилософской и цивилизационной.

Поясним сказанное. Главными «персонажами» исследования А. П. Люсого являются уже не литературные тексты, не хронологические локусы, определяющие сюжетно-образный строй произведений. В центре внимания автора — цивилизационные процессы, или история, на глазах читателя создающая себя и превращаемая в текст культуры. Ответом на естественно возникающий вопрос — превращаемая кем? — будет именование отчетливо проступающей в книге нарративной инстанции: *наблюдающего за наблюдателем*. Метатекстуальная (ре)конструкция, осуществляемая автором книги, выстраивается как пирамида наблюдающих взглядов; в результате историко-культурный процесс предстает сквозь призму двойного, тройного, возведенного в энную степень видения. Этим объясняется усиленное внимание А. П. Люсого к текстам о тексте: вкрапления в культурологический дискурс критических заметок, подробный анализ (порой пересказ) исследований и теоретических

концепций — поле взаимодействия интеллектуальных персонажей, полифонический гул говорящего о себе текста, интеллектуальный перформатив. (Отметим в скобках, что читателя не может не поразить широта эрудиции автора: в поле его зрения находятся многочисленные источники и теоретические концепции — от современников Екатерины II до современных автору постмодернистов и психоаналитиков.)

Крымский текст как аутопойесис культуры, выросший из текстов и превращенный в текст, — интеллектуальная интрига отчасти и этой книги. Не случайно культурологическая наррация, с которой начиналась (ре)конструкция Крымского текста, включает в себя анализ поэтики и стилистики барокко, что обусловлено и неослабевающим интересом автора к творчеству Семена Боброва. Именно культура барокко обнаруживает и «согласно утверждает» текстоподобие мира («Мир есть книга», — цитирует автор Симеона Полоцкого); соответственно и Крымский полуостров под пером Боброва — «поэтического Колумба Крыма» предстает «всеобщей энциклопедией природы». «Внутрипроизведенческий мимесис» (В. Подорога) как зеркальная призма текстов, фокус которых приходится на вновь создаваемый текст, определяет барочность поэзии Боброва как «первопоэта» Крымского текста, но в то же время и внутренне присущую барочность его «произведения» — цивилизационного метатекста Крыма. Барочность «сопряжения текста и мира» создает образ Крыма посредством тотальности наблюдения коллекционера-наблюдателя-путешественника.

Кстати тут оказывается мысль Ж. Делёза о связи потенциальной барочности языка и мотива путешествия: «Предикат — это “осуществление путешествия”». Эстетика «русского поля», альтернативная классической философии и письму, по мысли автора, рождалась в поэзии Семена Боброва — в «точке бифуркации» борьбы шишковистов и карамзинистов. Но — как явствует из книги — еще и в точке бифуркации в геокультурной («геопоэтической») раскладке российской истории. Ориентация «Запад — Восток» сменяется у Боброва «вертикальной» осью «Север — Юг», намеченной еще у «протопервопоэта» Г. Р. Державина — намеченной постольку, поскольку конструирование империи в «Памятнике» простирается «От Белых вод до Черных». Начавший свое продвижение культурный текст оказался, вполне в соответствии с мыслью Ю. М. Лотмана, генератором смысла, задавая пространственные и временные координаты российскому самосознанию и государственности.

Но история, реализуемая в соответствии со схемой А. Тойнби «вызов — ответ», отмечает автор, порождает в противовес идее империи множество локальных текстов.

Разворачиваясь как интеллектуальный квест, интрига дидактической наррации каждый раз находит своего актора — протагониста разворачивающейся цивилизационной мистерии. Можно вспомнить проделанное автором в книге «Наследие Крыма: геософия, текстуальность идентичность» (М., 2009) описание (и описания описаний) путешествия Екатерины из Санкт-Петербурга в Крым — путешествия, неоднократно повторяемого в ходе дальнейшего повествования и порой виртуального, элегического, романтически «заочного», как, например, «Таврида» К. Батюшкова. Культурный аутопойесис предстает как квест театрализованной: фантастический скачок России «из полунощной тьмы к юго-западной цивилизации» в путешествии Екатерины был обставлен как грандиозный спектакль, где наблюдающий и наблюдатель обнаруживали свое зеркальное подобие. Мотивы рококо и барокко, обволакивающие движение Киргиз-Кайсацкой царицы к Югу (на самом деле, как утверждает автор, на Запад, что превращает Россию из Востока для Запада в Запад для Востока), задают траекторию дальнейшего саморазвития Крымского текста. Утверждение империи осуществляется в грандиозном театральном действе, задавая цивилизационный смысл разворачивающейся истории государства Российского. «Греческий проект», связанный со «смыслопорождающим потенциалом традиционного русского византизма», то есть, начиная с походов древнерусских князей на Царьград и византийских аллюзий Московской Руси, по наблюдению автора книги, оказался продуктивным и далее — в Петровскую эпоху, хотя Петру и «не удалось овладеть ни одним метонимическим индексом или знаком Царьграда». В этом контексте греческие аллюзии века Екатерины приобретают дополнительный смысл: Крым-Таврида становится странственной метонимией Константинополя.

Два смысловых полюса организуют оба текста — Крымский текст и текст книги: самоопределение текста посредством своего текста, демонстрируя реализуемый, наряду с прочими «поворотами» (в том числе и текстуальным), поворот культуры к культуре (назовем его *cultural turn*), разворачивается как взгляд и путешествие. Но при этом путешествие не только географическое, «внешнее», но и «внутреннее», духовное странствие «первопоэта» Крымского текста С. Боброва, о масонских связях которого упоминает

автор книги. В то же время это и странствие в историческое прошлое. «Таврическое зеркало» становится средством преломления «Природы в Историю». Крым в русском сознании — начиная с Константина Батюшкова принимающий очертания иного, географически и исторически (геопоэтически) удаленного или недостижимого, — предстает «не в культурно-исторических формулах Древней Греции», а «как сама Древняя Греция», оборачиваясь — применительно, например, к Батюшкову — «пространственной драмой», тающей в себе, по мысли А. П. Люсого, позднейшие экзистенциальные проблемы. Вымышленность Крымского текста, его иллюзивно-утопическая хронотипичность (создание поэзии из самой поэзии, «изымающей душу из ее обыкновенного состояния», по словам К. Батюшкова) задает еще одну траекторию — на сей раз самого исследования: пунктирную траекторию безумия.

И конечно, один из центральных персонажей культурно-исторического квеста, предпринятого автором, театрального, барочного, романтического, сопрягающего не только исторические аллюзии с географическими реалиями и мифами, но и «человеческие и природные ритмы в единстве внутреннего бытия», — А. С. Пушкин. Обнаруживая Крымские аллюзии в обширном пространстве творчества Пушкина, автор книги фактически приписывает Крыму роль демиургического начала русской поэзии, задающего движение к дальнейшему уплотнению истории и культуры в создающем себя аутопойесисном тексте. Повторное, уже в начале XX века, «воссоединение» Крыма с Элладой — «через царство мертвых» у О. Мандельштама — определило Крымский текст, по мысли А. П. Люсого, не только как текст, но и как «текст правил прочтения текста»: как «предельное конкретно-историческое сжатие всех “Таврид”», да еще и «помноженных на “Медного всадника”».

И все же, совершив собственный квест по страницам русской литературы, которая, как оказалось, всегда была насквозь пропитана поэтическим воздухом Крыма, вобравшим в себя историю и космос, Италию и Элладу, кимерийские мифы и «геологические сны», автор книги обнаружил склонность, пожалуй, к некоторой абсолютизации своего предмета, сделав его смысловым центром не только поэтической образности перенесенного в Россию Элизиума, но в некотором роде истоком русской поэтической традиции. Крымский текст, возникший как художественный и историко-культурный pendant Петербургскому (и даже исторически предшествующий ему — в той мере, в которой путешествие Екатерины предше-

ствовало написанию «Медного всадника»), как кажется, определил смысловую и цивилизационную «ось», скрепляющую необозримые просторы России. С этой точки зрения он оказался куда более культурно-исторически значимым, чем, например, Московский текст, разнородность компонентов которого и до сих пор не позволяет ему предстать как охватываемое единым взглядом метатекстовое целое. В силу своей геопозитической особенности, инаковости по отношению к русским равнинам Крым становится в интерпретации А. П. Люсого еще и локусом натурфилософской образности, заданной траекторией движения, на сей раз от Семена Боброва к Максимилиану Волошину.

Пожалуй, с автором можно и согласиться. Устойчивость цивилизации задается наличием не одного, а, по крайней мере, двух центров. Воплощая динамическое равновесие Севера и Юга, Крымский текст (в его Западно-Восточных смысловых коннотациях) — как следует из книги при внимательном ее прочтении, сыграл роль географического противовеса Санкт-Петербургу, его *иного* (и, тем самым, существенно отличался от Москвы как «предшественницы» северной столицы — «порфиноносной вдовы», по выражению А. С. Пушкина).

Следует признать дидактическую убедительность доводов и иллюстраций автора в такой парадоксальной абсолютизации Крыма и Крымского текста для русской культуры: геопозитика проливает свет на геополитику, оплотненная в тексте история продолжает генерировать актуальные сегодня смыслы.

Но обратим внимание на существенную подробность. При внимательном взгляде на приводимые автором культурные тексты становится очевидной инаковость не только Крымского текста по отношению к Петербургскому, но инаковость как принцип, определяющий саму возможность продуцирования локального текста. Оплотнение мировой истории и культуры стало возможным во вновь создаваемых (присваиваемых) локусах: и Петербург, и Крым — места, где чужая культура в ее визуальном ли, словесном ли облики была вдвинута в русское сознание, вобравшего в себя это *иное* и увидевшее себя его глазами. Визуальная цитатность — созданность — Петербурга, казалось бы, противостоит природности, геологичности, космичности Крыма. Однако природность и космизм здесь — тоже впитанная и переосмысленная цитата: натурфилософская, поэтическая, барочная, символистская, кинематографическая (например, А. П. Люсий говорит о медийной текстуа-

лизации геологических процессов, начатой в начале XX в. Е. Ф. Бауэр-ром в Крыму). Отсюда понятно и дальнейшее сгущение географических локусов в смысловые и геопозитические образования. Цивилизационное развитие, основанное на втягивании чужого пространства в собственное, превращающее семиотические границы в эпицентры текстуальных взрывов, неминуемо порождает локальные тексты: сибирский, волжский, кавказский... Ссылаясь на Х. Франка, А. П. Люсый говорит о пустоте как о «конститутивном моменте топологической рефлексии о феномене Петербурга»: «Смысл и пустота... оказываются ключевыми понятиями “метафизики Петербурга”». Но именно «лиминальность», пограничность определяют и иные геопозитические локусы: присваиваемое чужое — «пустое» — пространство задает необходимость конструирования смысла.

Подводя итоги, А. П. Люсый пишет о цивилизационной роли культурного текста (метатекста, локального текста): культурный текст — это «рационально обоснованный миф, то есть “вещь” или культурный артефакт, способный производить рефлексивную (психическую и интеллектуальную) работу, позволяющую достичь семантическому когерентному дискурсу “Россия” идеальной цели — обрести статус цивилизации, или цивилизационной системы». С этим нельзя не согласиться, однако с одной поправкой: обрести статус цивилизации, *признаваемой иным сознанием*, — не только интериоризированным, присвоенным своей культурой, но и иным как внешним, как *ино-родным*. Однако, возвращаясь к введению, обратим внимание и на другие авторские определения культурных текстов: культурные тексты — это «культурные коды», «поле напряженного взаимодействия полюсов сверхтекст и гипертекст в пространстве интертекста», «надавторский супер/гипертекст». Конечно, каждый из этих терминов приложим к понятию культурного текста, но систематизация их связи оказывается все же несколько расплывчатой: кажется, что сама пульсирующая субстанция рассматриваемого историко-культурного материала (материала всегда многоголосого и диалогичного, не поддающегося позитивистски объективному анализу) не позволяет дать более точные определения. Вместе с тем стоит, может быть, задаться вопросом, можно ли рассматривать текст в качестве кода (код — это нарочито установленный, умерщвленный контекст, писал М. М. Бахтин). Однако спор о понятиях и терминах представляется чужеродным при обсуждении книги А. П. Люсого: слишком велик эвристический потенциал

исследования, заставляющий закрыть глаза на отдельные теоретические недомолвки и неточности.

И все же одно сомнение представляется принципиальным: мысль автора о формировании национальной идентичности в калейдоскопе локальных идентичностей вряд ли так уж неоспорима. Представляя собой более высокую степень абстракции, идея нации и национальной культуры *не складывается как сумма отдельных мифов*, образов, артефактов, составляющих саму ткань локального текста. Локальный текст как «рационально обоснованный миф» не может быть кумулятивно присоединен к другому, такому же рационально обоснованному мифу. Вероятно, все-таки нужен при этом универсальный «миф» — код как целостность, как то, что определяет специфику частного (возможность такого кода для России — еще одна геосемиотическая проблема). Следует подчеркнуть, что в книге такое рациональное обоснование универсального мифа/кода прослеживается: это выявление посредством соположения Петербургского и Московского текстов определяющей смысловое и географическое пространство России амбивалентности двух ее полюсов — Севера и Юга. При этом и Восток, и Запад оказываются в конечном счете производными от продвижения на Юг; именно Крым становится средоточием цивилизационного самоопределения империи, уравновешивая и дополняя смысловые очертания Петербурга.

Подводя итоги сказанному, выразим уверенность в несомненной значимости осуществленного А. П. Люсым исследования и его познавательную ценность для современного образовательного процесса. Автору действительно удалось, отталкиваясь, казалось бы, от частных вопросов и вполне традиционных литературоведческих штудий, услышать тектонический гул российского цивилизационного пространства, обнаружить его рефлексы и отблески в интертекстуальном движении целой армады текстов, образующих грандиозный и интригующий заинтересованного читателя русский культурный метатекст как основу национального гуманитарного знания.

И. Е. Фадеева, доктор культурологии (Сыктывкар)

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 1 (43) 2022

Редактор Л. В. Гудырева
Корректор Е. М. Насирова
Верстка и компьютерный макет А. А. Ергаковой
Выпускающий редактор Л. Н. Руденко

Подписано в печать 15.03.2022. Дата выхода в свет 04.04.2022.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 11,8. Уч.-изд. л. 9,2.

Заказ № 14. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81